

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Африки Российской академии наук

На правах рукописи

Нуждин Иван Игоревич

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ
РОССИЙСКОГО АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
В СТРАНЫ АФРИКИ**

Специальность: 5.2.5. Мировая экономика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор географических наук
Дмитриев Руслан Васильевич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	12
1.1. Эволюция идей в области экономического изучения пространства.....	12
1.2. Пространственное развитие АПК России: нормативное регулирование и экспортная ориентация.....	27
1.3. Пространственные особенности и механизмы российско-африканского торгового взаимодействия.....	38
ГЛАВА 2. УРОВНИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ РОССИЙСКОГО АПК: ПОЛИМАСШТАБНЫЙ АНАЛИЗ	59
2.1. Динамика экспорта: от формулирования задач – к реальным результатам	59
2.2. Начальные звенья экспортных цепочек: пространственная дифференциация российских регионов	68
2.3. Конечные звенья экспортных цепочек: пространственная дифференциация стран Африки.....	90
ГЛАВА 3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ПРИСУТСТВИЯ ПРОДУКЦИИ РОССИЙСКОГО АПК В АФРИКЕ	107
3.1. Планирование пространственной реализации потенциала АПК России: ориентиры, уровни, стратегии.....	107
3.2. Методы и варианты решения проблем транспортировки экспортируемой продукции.....	114
3.3. Основные направления и варианты стимулирования экспорта продукции российского АПК в страны Африки	129
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	144
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	154

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Геоэкономические и геополитические процессы последних лет радикально изменили условия внешнеэкономической деятельности России, включая ее агропродовольственный экспорт. Ограничения в логистике и расчетах, разрывы привычных транспортных путей, прекращение действия «зерновой сделки», а также вторичные санкционные риски для цепочек поставок продукции агропромышленного комплекса (АПК) увеличили потенциальные потери от ошибочного выбора экспортных стратегий. В этих условиях поиск устойчивых и экономически эффективных маршрутов в страны Африки становится стратегической задачей, требующей не только экономического и политико-правового анализа, но и системной пространственно-логистической оценки.

Представленное исследование актуально как для российской, так и для африканской внешнеэкономической повестки: оно углубляет понимание пространственных факторов торгового взаимодействия и предлагает инструменты для прогнозирования и удовлетворения долгосрочного спроса африканских стран на продукцию российского АПК с учетом логистических и регуляторных рисков.

Экспорт Россией продукции АПК в страны Африки имеет значительный потенциал для развития и расширения бизнес-связей. При этом преодоление текущей кризисной ситуации возможно не только собственно политическими и экономическими, но и пространственными методами: когда западный морской путь из России в Африку затруднен, южный (через Каспийское море и Иран – в Персидский залив и далее через Индийский океан) фактически перекрыт, повышается актуальность восточного (пусть и достаточно долгого) и черноморско-средиземноморского морских путей. Сопоставление маршрутов с учетом расположения сырьевых зон, ключевых логистических хабов, пропускной способности портов позволяет выйти на сокращение времени и стоимости доставки, а также – на повышение надежности поставок.

Степень разработанности темы исследования. Существенный вклад в изучение экономического пространства внесли как отечественные (Н.Н. Баранский, С.А. Горохов, А.Г. Гранберг, А.Н. Демьяненко, Н.Г. Джурка, Р.В. Дмитриев, Д.А. Изотов, Н.Н. Колосовский, С.В. Макара, П.А. Минакир, А.Е. Пробст, А.И. Татаркин, С.С. Шаталин, В.А. Шупер и др.), так и зарубежные (А. Вебер, У. Изард, В. Кристаллер, П. Кругман, А. Лёш, М. Портер, Д. Рикардо, А. Смит, И.-Г. фон Тюнен и др.) исследователи.

Формированию авторской позиции в отношении развития российского АПК и его экспортной ориентации способствовали работы А.И. Алтухова, Н.Г. Гавриловой, А.И. Костяева, Р.Р. Мухаметзянова и др.; в отношении российско-африканских отношений и обеспечения продовольственной безопасности – труды И.О. Абрамовой, А.В. Акимова, Е.Л. Андреевой, Л.Б. Вардомского, И.В. Дерюгиной, В.А. Исаева, Л.Л. Фитуни, Л.В. Шкваря и др.

При этом в научной литературе отсутствуют актуальные труды, в которых российский экспорт (в том числе – продукции АПК) в страны Африки рассматривается в качестве единого процесса – от отправки продукции до ее получения в пунктах назначения.

Объект исследования – экспорт продукции агропромышленного комплекса из России в целом и ее регионов в частности в страны Африки.

Предмет исследования – пространственная организация экспортных потоков между Россией как поставщиком и странами Африки как потребителями указанной продукции.

Цель исследования – определить характеристики и направления пространственной организации экспорта продукции российского агропромышленного комплекса в страны Африки.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Установить последовательность эволюции методологических подходов к изучению экономического пространства в целом и его организации в частности.
2. Выявить сильные и слабые стороны нормативной базы, регулирующей экспортно-импортные отношения РФ со странами Африки.

3. Определить характерные черты пространственной организации участков экспортных цепочек на всем их протяжении – от отправления готовой продукции российскими регионами до ее получения странами Африки.

4. Выявить степень инерционности пространственной организации экспорта продукции российского АПК в страны Африки на разных иерархических уровнях.

5. Уточнить существующие и предложить перспективные траектории развития экспортно-импортных отношений, формирующих пространство торгового взаимодействия между Россией как поставщиком и странами Африки как потребителями продукции АПК.

Гипотеза исследования состоит в том, что эффективность экспорта продукции российского АПК в страны Африки определяется не только институциональными факторами, но в существенной мере – механизмами функционирования и пространственной конфигурацией производственно-логистических коридоров.

Научная новизна работы состоит в следующем:

1. Установлено, что разработки отечественной школы изучения экономического пространства не уступают, а в большинстве случаев – превосходят по своему практическому потенциалу получившие более широкое распространение в мировой науке западные аналоги.

2. Показано, что пространственная эффективность российско-африканских экспортно-импортных отношений определяется не только внешнеэкономической конъюнктурой, но и особенностями взаимодействия экономических агентов на региональном (субъектном) уровне.

3. Выявлено, что использование пространственного анализа для адаптации производственно-логистических коридоров под профиль спроса и логистические/регуляторные ограничения африканских стран обеспечивает снижение удельных логистических издержек и времени поставки по сравнению с текущей (инерционной) конфигурацией.

4. Определено, что повышению устойчивости пространственной организации российско-африканских экспортно-импортных отношений будет способствовать смещение фокуса в рамках дву- и многостороннего сотрудничества с реагирования на продовольственные проблемы континента путем только лишь увеличения экспортных поставок на совместную работу по усилению взаимодействия экономических агентов на геоэкономическом (межгосударственном), сетевом (цепочечном), маршрутном (транспортно-географическом), региональном (интеграционном) и институциональном уровнях.

Теоретическая значимость исследования: в работе обосновывается тезис о том, что рост экспортных объемов не обязательно сопровождается повышением диверсификации – при моделировании внешнеторговых стратегий требуется учет параметров экспортной структуры. Диверсификация поставщиков увязывается автором со степенью устойчивости глобальных продовольственных систем, что важно для построения теорий устойчивости и суверенитета в новой геоэкономической конъюнктуре.

Практическая значимость исследования определяется его направленностью на обеспечение мобилизации ресурсной и сельскохозяйственной баз взаимодействующих сторон. Пространственный анализ позволяет соотносить товарные запросы с логистическими и институциональными ограничениями конкретных стран (портовая инфраструктура, «холодовая цепь», таможенно-тарифные и фитосанитарные режимы, валютные риски), а также идентифицировать партнеров (импортеров, переработчиков, сетевых дистрибьюторов) в региональных узлах спроса. Результаты исследования могут быть использованы государственными органами при разработке национальной стратегии повышения конкурентоспособности России на мировых сельскохозяйственных рынках и построении новых торгово-экономических отношений со странами Африки в условиях перехода от ресурсоориентированной к инновационной модели развития.

Методология и методы исследования соответствует общепринятым подходам в исследованиях по мировой экономике. Используются

библиографический, логико-графический, системный, статистический, типологический методы, а также методы пространственно-логистического и институционального моделирования. В основу исследования положены статистические данные Федеральной таможенной службы России по экспорту продукции АПК в страны Африки за период 2013–2021 гг., отчеты и доклады Минсельхоза России и ФГБУ «Агрозэкспорт», международные источники (базы данных ООН, Всемирного Банка). Сводные сведения за более поздний период в открытом доступе отсутствуют, поэтому использованные для анализа данные за 2022–2024 гг. сформированы на основе открытых информационных источников.

Положения, выносимые на защиту:

1. Пространственная организация аграрного экспорта в страны Африки на уровне российских регионов характеризуется высокой инерционностью: ее ядро формируют субъекты, одновременно обладающие значительным ресурсно-производственным потенциалом и развитой внешнеторговой инфраструктурой, тогда как иные регионы принимают участие в экспорте преимущественно посредством транзитных операций и услуг переработки.

2. Стратегическое планирование пространственной организации аграрного производства в РФ для последующего экспорта целесообразно выстраивать в соответствии с иерархическими уровнями «муниципальные ячейки → агломерационные пояса → макрорегионы → федеральные округа» – без пропуска звеньев указанной цепочки.

3. Эффект высокой базы в организации импорта российской продукции АПК странами Африки проявляется в унаследованности пространственных структур: значительные по объемам поставки, продолжавшиеся на протяжении достаточно длительного времени, «перехватываются» одними и теми же странами-потребителями.

4. Пространственная организация импорта новой продукции российского АПК странами Африки, поставлявшейся ранее в незначительных объемах или не поставлявшейся вообще, характеризуется эффектом низкой базы: с ростом объема поставок количество стран-потребителей резко возрастает.

5. Перспективы российского экспорта продукции АПК в страны Африки связаны со снижением зависимости от традиционного Балтийского маршрута и обладавшего значительным потенциалом коридора «Север–Юг» (через Каспийское море) – при одновременном сохранении актуальности Черноморско-Средиземноморского опорного транспортно-логистического коридора и повышении роли Дальневосточного маршрута.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность полученных автором результатов обеспечивается соблюдением этических норм и методологических стандартов научного исследования, а также опорой на обширную информационную базу и авторитетные статистические источники. Основные результаты исследования представлены в 4 публикациях в рецензируемых научных изданиях из перечня ВАК, 1 коллективной монографии и 2 прочих публикациях, а также апробированы в рамках 6 докладов на российских и международных конференциях и круглых столах.

Публикации автора по теме диссертации в журналах, входящих в перечень ВАК по специальности 5.2.5. Мировая экономика:

1. *Нуждин И.И.* Пространственная трансформация экспорта продукции российского АПК в страны Африки / И.И. Нуждин, Р.В. Дмитриев // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2026. – Т. 12. № 1 (авт. вклад – 90%).

2. *Нуждин И.И.* Экспорт продукции российского АПК в Африку: дифференциация потоков на страновом уровне / И.И. Нуждин // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки». – 2025. – Т. 11. № 2. – С. 191–198.

3. *Нуждин И.И.* Оценка степени пространственной однородности экспорта продукции российского АПК в страны Африки / И.И. Нуждин // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2025. – Т. 11. № 1. – С. 235–245.

4. *Нуждин И.И.* Региональные диспропорции российского экспорта сельскохозяйственной продукции в страны Африки / И.И. Нуждин, Р.В. Дмитриев // Азия и Африка сегодня. – 2024. – № 7. – С. 17–23 (авт. вклад – 90%).

Разделы в коллективных монографиях:

1. *Нуждин И.И.* Пространственная дифференциация экспорта российской продукции АПК в Африку: роль Египта как ключевого импортера / И.И. Нуждин // БРИКС в экономике и политике стран Азии и Африки: колл. монография / Отв. ред. И.В. Дерюгина. – М.: ИВ РАН, 2025. – С. 659–668.

Прочие публикации:

1. *Нуждин И.И.* Анализ уровня диверсификации экспорта сельскохозяйственной продукции из России в страны Африки / И.И. Нуждин // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. – 2024. – № 6. – С. 791–793.

2. *Нуждин И.* Региональные диспропорции российского экспорта сельскохозяйственной продукции в страны Африки / И. Нуждин // Материалы XXII Всероссийской школы молодых африканистов / Отв. ред. Н.А. Жерлицына. – М.: Институт Африки РАН, 2023. – С. 185–187.

Доклады на конференциях и круглых столах:

1. *Нуждин И.И.* Роль БРИКС и стран-партнеров в пространственной дифференциации экспорта агропродукции России в Африку / И.И. Нуждин, Р.В. Дмитриев // Международная конференция «VI Чтения В.Г. Растянникова: Потенциал группы БРИКС и стран-партнеров в трансформирующемся мире». 23–30 марта 2026 г., Москва, Институт востоковедения РАН.

2. *Нуждин И.И.* Пространственная дифференциация экспорта российской продукции АПК в Африку: роль Египта как ключевого импортера в контексте участия в БРИКС / И.И. Нуждин // Международная конференция «V Чтения В.Г. Растянникова: Возрастающая роль группы БРИКС и стран-партнеров в мировой экономике и политике». 17–21 марта 2025 г., Москва, Институт востоковедения РАН.

3. *Нуждин И.И.* Пространственная дифференциация экспорта продукции российского АПК в страны Африки / И.И. Нуждин // II Круглый стол Центра глобальных и стратегических исследований ИАФР РАН и кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова «Новые точки роста мирового

развития». 25 февраля 2025 г., Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

4. *Нуждин И.И.* Анализ уровня диверсификации экспорта сельскохозяйственной продукции из России в страны Африки / И.И. Нуждин // III Международная научно-практическая конференция «НЭП 2.0: Национальный вектор». 8 ноября 2024 г., Севастополь, Севастопольский государственный университет.

5. *Нуждин И.И.* Региональное неравенство в экспорте российской сельскохозяйственной продукции в страны Африки / И.И. Нуждин // I Круглый стол Центра глобальных и стратегических исследований ИАФр РАН и кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова «Новые точки роста мирового развития». 20 февраля 2024 г., Москва, Институт Африки РАН.

6. *Нуждин И.И.* Региональные диспропорции российского экспорта сельскохозяйственной продукции в страны Африки / И.И. Нуждин // XXII Всероссийская школа молодых африканистов. 6 декабря 2023 г., Москва, Институт Африки РАН.

Соответствие паспорту специальности 5.2.5. Мировая экономика. Исследование выполнено в рамках следующих направлений научной специальности:

7. Мировая торговля и ее регулирование;

13. Стратегии участия региональных и корпоративных структур в международном экономическом взаимодействии (глобальный, региональный и национальный аспекты);

26. Участие Российской Федерации в системе международных экономических связей. Внешнеэкономическая деятельность российских экономических субъектов. Внешнеэкономическая политика Российской Федерации.

Структура работы. Работа состоит из введения, 3 глав, заключения и списка литературы. Объем текста диссертации, включая 17 таблиц и 9 рисунков, составляет 185 страниц.

Благодарности. Работа подготовлена в рамках исследований по теме Государственного задания ИАфр РАН № FMZE-2025-0012 «Пространственные векторы экономических и демографических трансформаций в странах и регионах Африки в эпоху новой многополярности».

ГЛАВА 1. ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

1.1. Эволюция идей в области экономического изучения пространства

Развитие экономической науки, начиная с периода ее институционализации, неразрывно связано с переосмыслением категории «пространство». Зародившись в лоне географии, соответствующий исследовательский фокус смещался от торговых сюжетов классической политической экономии к цифровым сетевым моделям XXI в. – вслед за сменой технологических укладов, изменением структуры спроса и трансформацией институциональной среды. Изучение пространства как самостоятельной категории отразилось в многообразии теоретических парадигм, концепций и методологических подходов экономической науки.

На современном этапе развития последней учет пространственных закономерностей приобретает все большую актуальность ввиду усложнения структуры мировой экономики, углубления процесса цифровизации, а также возникновения новых форм организации хозяйственной деятельности (сетевая экономика, платформенные взаимодействия, гибкие логистические цепочки и др.). Понимание логики смены экономических парадигм изучения пространства позволяет повысить эффективность региональной (в самом широком понимании) политики, корректно интерпретировать региональные дисбалансы и выстраивать адекватные механизмы территориального планирования.

В этом параграфе будут рассмотрены основные этапы становления пространственных подходов в экономике, проведен критический анализ ключевых теорий и методов, а также дана авторская оценка возможности их использования в современных условиях. Особое внимание уделяется тому, как идеи о роли пространства в экономике эволюционировали под влиянием технологических, информационных и институциональных факторов.

Фундамент пространственного анализа в экономике был заложен в трудах философов, которые пытались осмыслить понятия времени и пространства. Так, Аристотель определял пространство как упорядоченное расположение тел, а Лейбниц подчеркивал неразрывную связь пространства и времени с материей и процессами изменения, считая, что вне материи пространство не имеет смысла [Лейбниц, 1982]. Несмотря на то, что философские дискуссии напрямую не были посвящены экономике, они сформировали подход к пространству как к отдельному объекту исследования, имеющему собственные характеристики: протяженность, структуру и др.

Истоки собственно науки о пространственной организации экономики восходят к периоду деятельности представителей классической политической экономии. Так, А. Смит в своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» отмечал выгоды международного разделения труда и связь между абсолютными преимуществами страны и возможностями ее специализации на международных рынках [Смит, 1962]. Д. Рикардо предложил делать упор на сравнительные преимущества, позволяющие получать выгоду от международной (или межрегиональной) торговли даже при отсутствии абсолютных преимуществ [Рикардо, 1955]. Хотя представители классической политической экономии не оперировали термином «экономическое пространство» в его современном значении, они заложили концептуальные основы анализа именно пространственной организации хозяйства.

Указанные теории базируются, однако, на допущениях о статичных технологиях и неизменном распределении по территории факторов производства, что ограничивает их применимость в современных условиях интенсивных технологических сдвигов. Дополнительные критические аргументы касаются отсутствия в предложенных моделях институциональной составляющей, включая государственную политику, качество институтов и формы собственности [Норт, 2000]. С учетом того, что мировая экономика характеризуется значительными логистическими и транзакционными издержками, а также быстрым развитием инфраструктуры, игнорирование

транспортного фактора может приводить к искаженным выводам о механизмах экономического развития [Фуджита и др., 2007].

Хотя классические представления об абсолютных и сравнительных преимуществах остаются важным теоретическим базисом, представляется, что в современных условиях целесообразно дополнять их анализом инновационного потенциала, институциональных ограничений и факторов логистической доступности. Такая методологическая рамка, на наш взгляд, позволяет более комплексно подходить к анализу реального экономического пространства, в развитии которого научно-технический прогресс и государственное регулирование играют не менее, а иногда и более существенную роль, чем исходная специализация на определенном виде экономической деятельности [Портер, 2016].

Во второй половине XIX – начале XX вв. в орбиту внимания исследователей были «втянуты» геополитические аспекты формирования экономического пространства, что особенно ярко проявилось в работах Ф. Ратцеля [Ratzel, 1974]. Опираясь на представление о государстве как «живом организме», Ратцель подчеркивал его склонность к территориальной экспансии, видя в «расширении» границ средство выживания и роста. Подобная трактовка, будучи в первую очередь связанной с политической географией, оказала воздействие и на экономическую науку, так как акцентировала внимание на важности географического фактора и доступных природных ресурсах при формировании экономического пространства.

В отличие от классических политэкономистов, представители геополитического направления обратили внимание на роль государственной власти и внешнеполитических отношений, предполагая влияние последних, а также соотношения сил на мировой арене на экономическую организацию пространства. Однако подобная «геополитизация» экономических процессов зачастую приобретала идеологический характер и подразумевала агрессивную территориальную экспансию, что далеко не всегда согласуется с реальной практикой международных экономических отношений. Еще одним уязвимым

аспектом стала ограниченность микроэкономического анализа: в геополитических теориях практически отсутствовали модели, способные объяснить поведение отдельных фирм или отраслей, а также рассмотрение конкретных механизмов размещения производительных сил.

С учетом современных реалий такой детерминистский подход к расширению границ в значительной степени теряет свою актуальность и требует пересмотра, однако остается по-прежнему релевантным при изучении экономического пространства крупных государств (России, США, Китая и др.), поскольку политические интересы и пространственная протяженность здесь особенно сильно влияют на формирование хозяйственных кластеров и транспортных коридоров.

Индустриализация и усиление урбанизационных процессов поставили вопрос о том, каким образом предприятия выбирают конкретное местоположение. Одним из первых попытку создать обобщающую модель пространственного размещения предпринял И.-Г. Фон Тюнен, исследовавший оптимальную схему размещения сельскохозяйственного производства в зависимости от расстояния до рынка сбыта [Тюнен, 1926]. В модели Тюнена сельскохозяйственные культуры распределяются зонально вокруг центрального рынка в зависимости от соотношения цен на продукцию и транспортных издержек. Многими специалистами эта идея считается первым формализованным примером пространственной модели в экономике: тюненовские кольца демонстрируют, что пространство анизотропно и потому «накладывает» ограничения на производителей. Идеи Тюнена оказались настолько востребованными, что получили продолжение в трудах В. Лаунхардта, А. Вебера, В. Кристаллера, А. Лёша и других исследователей, уделявших особое внимание роли транспортных затрат и формализованному моделированию.

В. Лаунхардт попытался учесть распределение ресурсов и потребителей, а также определить оптимальную точку размещения металлургического предприятия с помощью «локационного треугольника» [Launhardt, 1885]. Идея о том, что расстояние и транспортные расходы могут быть формализованы и

сведены к экономическим параметрам, во многом определила будущие методы пространственного анализа. А. Вебер добавил к транспортным издержкам факторы стоимости труда и агломерации. Его работа «Теория размещения промышленности» расширила рамки пространственного анализа, введя в анализ не только «расстояние», но и «стоимость привлечения рабочей силы», а также выгоды от концентрации предприятий в одном месте [Вебер, 1926]. А. Лёш развил линию исследований Тюнена, предложив комплексное рассмотрение конкуренции фирм, структуры рынка и понятия «экономического ландшафта» [Лёш, 2007].

Штандортные теории (от нем. Standort – «местоположение»), трактующие местоположение производства через минимизацию пространственных издержек, внесли существенный вклад в науку, поставив во главу угла роль расстояния и транспортных расходов, ранее учитывавшихся лишь на эмпирическом уровне. Авторы применили формализованные схемы – например, «треугольник Лаунхардта» и гексагональную решетку Кристаллера [Christaller, 1933], которые позволили упростить и визуализировать сложные пространственные процессы. Кроме того, именно эти теории заложили основу для последующих моделей пространственного анализа, акцентировав значение логистических издержек и близости к «центру» (т.е. к рынку сбыта или узловому пункту).

Однако в большинстве указанных работ в качестве аксиом вводились предположения об однородности пространства и равномерности распределения по территории ресурсов; также не принимались в расчет социальные, институциональные и инфраструктурные различия. Подобная абстракция может значительно исказить картину реальной пространственной организации, в рамках которой факторы неравномерного распределения человеческого капитала и рабочей силы оказывают принципиальное влияние на размещение производства [Татаркин, 2016]. Еще одна важная характеристика предложенных моделей – преимущественно их статический характер; они достаточно слабо учитывают динамику технического прогресса, развитие инноваций и правовых норм. С учетом этих ограничений в современных исследованиях акцент

смещается на модификации штандортных подходов, «встраивающие» в анализ как институциональные переменные, так и факторы технологической эволюции, и качественные параметры пространственной организации. При этом базовые представления о роли расстояния, издержек на транспортировку ресурсов и продукции продолжают сохранять актуальность и могут применяться в задачах оптимизации логистики, инфраструктурного планирования и формирования агропромышленных поясных зон.

Начиная с середины XX в. экономическая наука начинает во все большей степени «оперировать» неоднородным анизотропным пространством [Perroux, 1950]. Именно Ф. Перру поставил общую задачу – определить абстрактные пространства в экономике со строгостью, свойственной математике и физике [Минакир, Джурка, 2018]. Французский экономист предложил концепцию «полюсов роста», указывая на то, что отдельные «пропульсивные» отрасли или территории, аккумулирующие инновационные и инвестиционные ресурсы, способны становиться точками динамического развития всей экономической системы [Perroux, 1961]. Концепция Перру получила развитие в работах Г. Мюрдаля, А. Хиршмана и др. Мюрдаль в теории кумулятивной причинности проанализировал механизмы, благодаря которым регионы, получившие первоначальный импульс, продолжают упрочивать свое лидирующее экономическое положение и наращивать отрыв от периферийных зон [Myrdal, 1957]. Хиршман ввел в научный оборот идею «прямых и обратных связей», позволяющую выявить, каким образом поляризованный рост генерирует положительные и отрицательные внешние эффекты для находящихся рядом друг с другом территорий [Hirschman, 1958].

Одним из преимуществ указанных подходов следует признать их динамичность, поскольку они учитывают тот факт, что одни регионы могут со временем усиливать свои конкурентные преимущества, а другие – утрачивать. Концепция полюсов роста обладает объяснительным потенциалом и на уровне внутристрановых различий, и в масштабах мировой экономики, охватывая как процесс неравномерного развития отдельных стран, так и формирование

«центров» и «периферий» в глобальной системе. Кроме того, Перру обратил внимание на особое значение инновационных отраслей, которые при определенных условиях могут «транслировать» развитие на соседние сферы производства.

В то же время в подобных моделях не всегда четко сформулированы практические механизмы «запуска» полюса роста, поскольку авторы зачастую констатируют существование таких центров, но не детализируют процедуры их искусственного формирования, включая роль налоговых льгот, государственных инвестиций и целевых программ. Более того, усиление одного полюса часто может сопровождаться отрицательными последствиями для периферии, если не существует инфраструктурных и институциональных каналов передачи положительных эффектов [Hirschman, 1958]. Следствием такой односторонней концентрации может стать углубление социально-экономических диспропорций. Таким образом, подход, основанный на теории полюсов роста, должен учитывать необходимость сбалансированной региональной политики с целью недопущения чрезмерной поляризации и обязательного укрепления связи между центром и периферией [Костяев, Никонова, 2021].

В современных условиях, когда цифровизация стирает часть пространственных барьеров, вопрос о том, продолжает ли принцип «поляризации» действовать в глобальном масштабе, становится особенно дискуссионным. С одной стороны, технологические платформы и интернет могут выравнивать доступ к информации, с другой – крупные города продолжают аккумулировать основные потоки капитала, человеческих ресурсов и инноваций. Таким образом, можно констатировать, что теория полюсов роста сохранила свою актуальность, но нуждается в дополнении инструментами, учитывающими сетевую организацию современного мира.

Однако если государство нацелено на стимулирование подобных «точек развития», одновременно целесообразно выстраивать механизмы трансляции полученных выгод на близлежащие регионы, включая развитие транспортной, образовательной и научно-технологической инфраструктуры. Без подобной

поддержки локальный успех может привести лишь к еще большему разрыву между быстро развивающимся «центром» и периферийными областями.

Во второй половине XX в. пространственная наука (Spatial Science) приобрела новые импульсы для своего развития – во многом благодаря работам У. Изарда, который систематизировал существующие теории и предложил направления комплексного пространственного анализа, включающие использование идей В. Леонтьева [Изард, 1966]. Модель «затраты – выпуск», сформулированная Леонтьевым, позволила установить, как изменения в одной отрасли влияют на смежные сектора экономики, и предоставила аналитический аппарат, пригодный для оценки вклада региональной специализации в общехозяйственный результат [Леонтьев, 1937; 1990].

Однако в исходном варианте модель Леонтьева редко учитывала пространственные факторы: попытки расширить ее за счет введения специальных региональных коэффициентов вызывали критику со стороны экономистов, которые полагали, что подобная корректировка не отражает реальных различий в транспортной обеспеченности, инфраструктуре и доступности ресурсов [Howe, 1991; Latham, 1976]. Тем не менее, идея межотраслевых связей оказалась столь плодотворной, что стала основой для многосекторных межрегиональных моделей, широко применявшихся в экономическом планировании и прогнозировании – особенно в СССР, где межрегиональные балансы активно использовались для координации производства и распределения ресурсов.

В рамках иных направлений исследований была разработана концепция промышленных комплексов – совокупностей отраслей, тесно связанных производственными потоками [Czamanski, Ablas, 1979]. В советской практике эту идею на несколько десятилетий предвосхитила концепция территориально-производственных комплексов [Бандман, 1980], призванная оптимизировать использование природных ресурсов и промышленных мощностей на основе плановых методов.

В 1990-е годы в научный обиход стало проникать понятие «кластер», ассоциируемое, прежде всего, с трудами М. Портера [Портер, 2016; Porter, 1998]. Его сущность сводится к тому, что географически ограниченное объединение компаний, связанных общими технологиями и производственными цепочками, способствует росту инноваций и конкурентоспособности за счет так называемого «конкурентного сотрудничества». При этом уровень реализации кластерных проектов зачастую зависит от степени развитости институтов и способности фирм и органов власти налаживать эффективное взаимодействие. В условиях развивающихся стран отсутствие необходимых институтов или низкое доверие между бизнес-структурами затрудняет внедрение кластерных механизмов, хотя европейский опыт (например, в Скандинавских странах и Германии) показывает, что формирование технопарков и кластеров может способствовать в том числе привлечению высококвалифицированных кадров.

Таким образом, кластерная концепция обогащает инструментарий пространственного анализа; при этом, однако, не существует универсальных моделей «кластеризации», которые автоматически повысили бы конкурентоспособность той или иной территории. Каждый регион требует адаптации этой концепции к своей специфике – будь то структура производства, институциональные особенности или уровень развития инфраструктуры.

Представителями «новой» экономической географии был сделан один из наиболее важных шагов к переосмыслению роли пространства в экономической науке [Фуджита и др., 2007; Krugman, 1991]. Авторы объединили неоклассический анализ с учетом эффектов масштаба, транспортных издержек и несовершенной конкуренции, показав, что фирмы и рабочая сила стремятся концентрироваться в тех регионах, где уже существует экономический «центр притяжения» – крупные рынки сбыта, квалифицированная рабочая сила и развитая инфраструктура. Подобная концентрация усиливает неравномерность в пространстве, поскольку периферия оказывается менее привлекательной для новых инвестиций, что, в свою очередь, порождает новый виток накопления экономических преимуществ у «центра».

Преимущество моделей «новой» экономической географии состоит в математической строгости и возможности эмпирической проверки выдвигаемых гипотез. Однако в базовых уравнениях обычно не учитываются важные социальные, институциональные и технологические факторы – такие как состояние цифровой инфраструктуры или особенности культурного «климата» региона. Например, высокая степень цифровизации может снижать барьеры для миграции фирм и специалистов, но, если подобные эффекты не заложены в модель, выводы о размещении экономической активности могут оказаться недостаточно точными. Тем не менее вклад П. Кругмана и других исследователей в развитие теории сложно переоценить, так как именно их идеи послужили отправной точкой для нового поколения формализованных моделей, в рамках которых пространство перестало считаться однородным.

На фоне информатизации и широкого распространения телекоммуникационных технологий с середины 1990-х годов усилился интерес к сетевым моделям в экономике. Исследователи, включая М. Кастельса и Р. Капелло, стали обращать внимание на то, каким образом цифровая революция способна «стирать» географические расстояния, позволяя экономическим субъектам взаимодействовать напрямую в глобальных сетях [Кастельс, 2000; Capello, 1994]. Оказалось, что эффект «растворения пространства» не распределен равномерно: развитые мегаполисы с высокой плотностью инфраструктуры и быстрыми коммуникационными каналами получают ощутимые выгоды от нового формата взаимодействия, тогда как многие отдаленные или слабо развитые территории остаются в режиме «цифрового разрыва».

В результате формируется новая поляризация, при которой «цифровые центры», имеющие постоянный доступ к ресурсам и знаниям, упрочивают свое положение, а периферийные зоны не успевают воспользоваться теми преимуществами, которые дает сетевая организация экономики [Capello, 1994]. С учетом разноскоростной динамики сетевые парадигмы требуют осторожного использования, сочетающего учет традиционных географических факторов –

расстояния, распределения ресурсов, инфраструктуры – с «новыми» аспектами, включая наличие скоростных коммуникаций и глобальных цепочек поставок. Экономическая эффективность регионов многократно возрастает, если они способны выстраивать устойчивые каналы обмена информацией и инновациями, в том числе в формате трансграничного сотрудничества. Однако это достижимо лишь в том случае, если государства и бизнес-сообщества осознанно инвестируют в цифровую инфраструктуру и развивают институты, формирующие доверие между сетевыми участниками.

Параллельно с западными теоретическими построениями в отечественной экономической и географической науке сформировалась самобытная школа пространственного анализа [Баранский, 1935; Демьяненко, 2009; Иоффе, 1984]. Она была ориентирована на экономическое районирование и плановое управление, в рамках которых территориальные единицы (районы) рассматривались не как механическая сумма предприятий, а как целостные образования. Это позволило учесть широкий круг факторов – от природно-ресурсных и социально-демографических до экономических, что выходило за рамки более узких концепций размещения. Важную роль в становлении советских методов экономического исследования пространства сыграл Н.Н. Колосовский, разработавший теорию территориально-производственных комплексов и обосновавший необходимость системной группировки предприятий с учетом ресурсных, технологических и инфраструктурных факторов [Колосовский, 1969]. Подход Колосовского позволил не только описывать существующие пространственные структуры, но и использовать теоретические наработки для долгосрочного планирования развития промышленных и сельскохозяйственных районов.

А.Е. Пробст, опираясь на идеи Тюнена и Вебера, а также на советские принципы плановой экономики, адаптировал классические модели размещения производительных сил к условиям социалистического хозяйствования [Пробст, 1962]. Подход автора предусматривал согласование отраслевой специализации регионов с общегосударственными приоритетами и акцентировал внимание на

формировании так называемых промышленных узлов и комплексов, ориентированных на эффективное использование транспортной сети и взаимодополняемость производств. С.С. Шаталин в своих исследованиях начал использовать межотраслевой баланс для регионального уровня, обосновывая необходимость учета транспортных и инфраструктурных условий [Шаталин, 1971]. Появилось понимание того, что построение таблиц «затраты – выпуск» по отдельным районам облегчает выявление межрегиональных потоков продукции и координацию планов развития союзных республик. А.Н. Демьяненко, обращаясь к наследию Н.Н. Колосовского, акцентировал внимание на эволюции идей о плановом развитии территорий и обосновывал необходимость их трансформации в условиях постсоветской системы [Демьяненко, 2009]. Автор полагает, что принципы комплексности и рационального использования ресурсов, свойственные советской пространственной школе, не утратили актуальности, но требуют дополнения.

С переходом к рыночным условиям место советских методик пространственного анализа стало переосмысливаться: концепция промышленных комплексов начала дополняться (именно дополняться, а не замещаться!) теориями кластеризации и межрегиональной конкуренции. Современные исследователи подчеркивают, что плановые подходы Н.Н. Колосовского, Н.Н. Баранского и других исследователей могут быть адаптированы для формирования территориально-промышленных кластеров, где сочетание рыночных стимулов и институциональной поддержки обеспечивает эффективное функционирование производственно-сбытовых сетей.

Так, А.Г. Гранберг представил экономическое пространство в качестве «насыщенной территории», где взаимодействуют населенные пункты, производственные предприятия, транспортная инфраструктура и другие объекты [Гранберг, 2000]. Автор подчеркивал, что межрегиональные диспропорции, обострившиеся из-за структурных сдвигов в переходный период, могут негативно сказаться на долгосрочном развитии национальной экономики, если не будет сформирована продуманная политика пространственного

регулирования. А.Г. Гранберг выделял плотность, размещение и связность в качестве системообразующих свойств территории, что повлияло на дальнейшие исследования российскими экономистами вопросов дезинтеграции пространства, межрегиональной дифференциации и развития отдаленных регионов.

Отдельное направление, тесно связанное с проблематикой продовольственной безопасности, было развернуто в работах А.И. Алтухова, который рассматривал пространственное развитие агропромышленного комплекса (АПК) страны, уделяя повышенное внимание глобальной конкурентоспособности российской сельхозпродукции [Алтухов, 2019]. Он подчеркивает, что крупноформатные пространственные проекты в АПК должны учитывать институциональные, инфраструктурные и социальные факторы, обеспечивая долговременную устойчивость производственно-сбытовой системы.

Таким образом, отечественный вклад в исследование пространственных подходов базируется на многолетней традиции, объединившей классические принципы теорий размещения, специфические условия плановой экономики и элементы современной рыночной конкуренции. Особенностью российских методик было и остается стремление к комплексности, в которой природные, экономические и социальные детерминанты рассматриваются в качестве единой системы. В результате на первый план выходят вопросы рационального размещения производительных сил, формирования целостных территориальных комплексов и учета межрегиональных потоков, что сохраняет актуальность в условиях больших расстояний, неоднородности инфраструктуры и социальных различий между регионами.

Современная российская региональная политика может выиграть от «реанимации» принципов комплексного территориального анализа, характерных для планового периода, но дополненных рыночными инструментами и институциональной поддержкой. Подобный симбиоз позволит учесть как конкурентные механизмы, так и традиционно сильные стороны отечественных исследований, ориентированных на системный охват многопрофильного хозяйственного комплекса.

В современных условиях идеи А.Г. Гранберга, предполагающие комплексную оценку внутренних и межрегиональных связей, особенно востребованы. Вместе с тем остается недостаточно проработанным вопрос включения глобального фактора, подразумевающего учет мировых рынков, международных транспортных коридоров и глобальной конкуренции. Более подробно особенности экономического пространства России и его влияние на экспорт продукции АПК будут рассмотрены в следующем параграфе.

Сопоставление разных теоретических концепций пространственного развития свидетельствует о том, что ни одна из них не охватывает всего комплекса параметров, характеризующих организацию экономического пространства. Каждый из рассмотренных выше конструктов позволяет анализировать лишь определенные аспекты: роль расстояния и транспортных затрат [Лёш, 2007], неравномерность экономического развития [Perroux, 1961], межотраслевые связи [Леонтьев, 1990], инновационные кластеры [Портер, 2016] или сетевые эффекты [Кастельс, 2000]. Подобное разнообразие подчеркивает важность комплексного подхода при исследовании пространственных процессов.

С точки зрения эволюции научной мысли, ранние теории (например, «штандортные» модели) имели преимущественно статический характер и слабо учитывали изменения в технологиях, институциональной среде и социально-культурных факторах. Более поздние концепции перешли к анализу пространственных отношений в динамике, однако в них все еще заметны либо чрезмерная математическая сложность, либо ограниченное использование разнородных эмпирических данных.

Еще одним существенным фактором оказывается необходимость междисциплинарного подхода, так как реальное экономическое пространство включает не только производственные мощности и транспортную инфраструктуру, но и человеческий капитал, социальные институты, культурные традиции, политико-правовые нормы [Гранберг, 2000]. Модели, ориентированные преимущественно на показатели «затраты – выпуск» или на оптимизацию размещения отдельных предприятий, не способны дать целостную

картину регионального развития [Изард, 1966]. Кроме того, важно совмещать анализ на макро- и микроуровнях. Советская плановая традиция уделяла внимание крупным территориям, тогда как более поздние исследования кластеров и агломераций концентрируются на локальных сообществах и отдельных отраслях. Современная региональная политика должна связывать оба уровня: крупные макрорегиональные проекты (например, формирование полюсов роста или развитие территориально-производственных комплексов) обязаны учитывать локальную специфику и интересы малого и среднего бизнеса.

Многомерность экономического пространства предполагает, что территориальный фактор (расстояние, доступ к ресурсам) по-прежнему остается важным для ряда отраслей (особенно сырьевых); в то же время сетевые структуры, цифровая инфраструктура, глобальные цепочки добавленной стоимости и кластеры формируют новую реальность, в рамках которой границы и расстояния во многом преодолеваются за счет интенсивных интерактивных коммуникаций.

С учетом этого необходима более глубокая интеграция классических и неоклассических подходов, дополняемых институциональным, сетевым и историко-социологическим анализом. Важным направлением в развитии методологии представляется использование цифровых технологий (Big Data, ГИС-систем) для высокоточной оценки пространственной структуры и мобильности ресурсов.

Подводя итог, можно отметить, что становление и развитие различных теорий экономического пространства во многом было обусловлено историческими реалиями, трансформациями в экономических, технологических и институциональных структурах. В итоге они сформировали многоплановую совокупность знаний, которая служит основой для дальнейших исследований и прикладных разработок в области управления пространственным развитием, территориального планирования и формирования устойчивой экономической политики. При этом, как отмечается нами выше, каждая парадигма имеет сильные и слабые стороны, в связи с чем будущее методологии исследования

экономического пространства лежит, как представляется, в русле междисциплинарных и системно-ориентированных концептов, которые способны связать формальные модели и реальную институциональную среду.

1.2. Пространственное развитие АПК России: нормативное регулирование и экспортная ориентация

Рациональное размещение агропромышленного производства выступает системообразующим условием его эффективного развития. Развитие и размещение производства являются неотъемлемыми и взаимозависимыми процессами: развитие производства представляет собой его содержание, а распределение по территории – форму реализации.

Для Российской Федерации, выделяющейся среди стран мира большой по площади территорией и значительным разнообразием природных и экономических условий, региональные аспекты развития аграрного сектора всегда имели определяющее значение в обеспечении населения доступным и качественным продовольствием. В период рыночных трансформаций, сопровождавшихся общим ухудшением продовольственного обеспечения, решения, принимаемые на уровне субъектов страны, зачастую носили фрагментарный и неэффективный характер. Это обусловило углубление межрегиональных диспропорций, сокращение объемов сельскохозяйственного производства и наращивание импортозависимости, что в итоге привело к снижению уровня фактического потребления продуктов питания в частности и уровня жизни в целом.

Экспортная ориентация АПК России в современный период носит структурный характер и формируется на стыке масштабов производства и экспортируемого «излишка» по ряду товарных позиций, конкурентоспособности отечественных поставок на мировых рынках и расширения географии внешнего спроса. По оценке Росстата, объем производства продукции сельского хозяйства в 2024 г. в действовавших ценах составил 8902,9 млрд руб. [Россия в 2024 году ..., 2025]. При этом внешние поставки продовольствия и

сельскохозяйственного сырья в 2024 г., по данным Минсельхоза России, достигли 109 млн т (в стоимостном выражении – порядка \$43 млрд), что ставит страну на третье место в мире по поставкам продовольствия в физическом весе [РФ в 2024 г. экспортировала ..., 2025].

Вектор внешнего спроса в последние годы заметно усиливается в направлении стран Африки, что придает экспортной ориентации выраженное российско-африканское измерение. По оценке «Агроэкспорта», экспорт продукции АПК из России в Африку в 2024 г. превысил \$7 млрд (рост на 19%), поставки осуществлялись в 45 стран континента [Россия увеличила поставки ..., 2025]: африканское направление дало около 16% экспортной выручки АПК. Соотношение данных показателей позволяет квалифицировать экспорт не как эпизодический канал сбыта, а как значимый контур функционирования аграрного сектора и сопряженных отраслей переработки.

На этом фоне усилилась потребность в гибридных теориях, соединяющих ресурсо-биоклиматический потенциал, сетевую организацию агробизнеса и цифровые методы мониторинга. Современные исследования предлагают создавать высокоспециализированные кластеры в регионах с наилучшими почвенно-климатическими условиями, параллельно развивая логистические коридоры, связывающие их с портовой инфраструктурой и перерабатывающими узлами [Пространственное развитие ..., 2021]. Опыт 1990-х годов показал, что отказ от научно обоснованного размещения сельскохозяйственных культур и целых отраслей АПК привел к распаду производственно-сбытовых связей и снижению продовольственной устойчивости страны.

Практика функционирования отечественного АПК показывает, что ориентация на рациональное размещение сельскохозяйственного производства, его специализацию и концентрацию в наиболее благоприятных зонах служит ключом к повышению эффективности отрасли и формированию устойчивого агропродовольственного рынка [АПК России ..., 2019]. Именно тесная увязка отдельных отраслей АПК, включая земледелие, животноводство и переработку, с природно-климатическими и инфраструктурными ресурсами регионов

способствует росту производительности, снижению издержек и повышению конкурентоспособности выпускаемой продукции.

Опыт реформ, проведенных в России в первые годы рыночных преобразований, свидетельствует о том, что отсутствие научно аргументированной базы размещения аграрного производства спровоцировало ряд негативных последствий. В частности, были дезорганизованы производственно-сбытовые связи, которые ранее обеспечивались плановой координацией и районной специализацией. Многие хозяйствующие субъекты в результате оказались вынуждены переходить на самообеспечение, что подорвало систему межрегионального обмена и породило дополнительные диспропорции в снабжении продовольствием разных частей страны. Утрата межотраслевой координации и недостаточное развитие логистических цепочек в условиях рыночной неустойчивости отрицательно сказались на объемах агропромышленного выпуска и привели к сокращению ассортимента поставляемых товаров, затруднив экспортные перспективы [АПК России ..., 2019].

При этом некоторые регионы, располагающие благоприятными агроклиматическими ресурсами, сохранили высокие возможности для наращивания производства и сбыта аграрной продукции на внешнем и внутреннем рынках [Шупер, 2024]. Однако переход отдельных субъектов РФ к стратегии самообеспечения зачастую шел вразрез с исторически сложившимся территориально-отраслевым разделением труда, что снизило общую результативность сельскохозяйственного производства и качество конечной продукции [Шагайда, Узун, 2015]. Итогом стало увеличение межрегиональных контрастов, выражающихся в том, что одни регионы, располагающие ресурсным или инфраструктурным преимуществом, удерживают потенциал для поставок продовольствия, а другие фактически зависят от импортных поставщиков или межрегиональных обменов, что вносит дополнительную нестабильность в ценовую политику и доступность товаров.

В этих условиях упор исключительно на рыночные механизмы решения проблем территориального дисбаланса оказался неэффективным [Алтухов, 2019]. Необходимым стало усиление роли государства, которое, по мнению ряда исследователей, должно выступать в качестве координирующего центра, формирующего единые «правила игры» и задающего вектор долгосрочной стратегии агропромышленного развития [Гранберг, 2000]. Государственное участие должно включать развитие межрегиональной логистики (строительство транспортных коридоров, складской и портовой инфраструктуры), а также поддержку конкурентных отраслей и механизмов экспортной ориентации. Благодаря такому комплексу мер можно оптимизировать территориальное распределение производственных мощностей и обеспечить более эффективное использование ресурсного потенциала.

Немаловажную роль играет и вовлеченность научного сообщества в проработку пространственных аспектов АПК. Отсутствие комплексной научно-методической поддержки, учитывающей особенности регионов разных типов и разнообразие сельскохозяйственных отраслей, нередко ведет к принятию краткосрочных решений, не учитывающих долгосрочных последствий для продовольственной безопасности [АПК России ..., 2019]. Поэтому формирование единых подходов к аналитике и мониторингу аграрного сектора, охватывающих экономические, социальные и экологические составляющие, представляет собой критически важный элемент устойчивого развития сельского хозяйства.

Таким образом, рационализация экономического пространства сельскохозяйственных отраслей, ориентация на специализированное и концентрированное производство в лучших природных и экономических условиях, а также продуманная политика государства создают предпосылки для существенного укрепления конкурентных позиций отечественного АПК на внутреннем и внешнем рынках. Применение накопленного научного потенциала, в том числе советских методик пространственного планирования, адаптированных к реалиям рынка, способно обеспечить долговременную

продовольственную независимость и повысить результативность экспорта, а согласованное взаимодействие государства, бизнеса и научных организаций позволяет учесть весь спектр факторов – от инфраструктуры до логистики и международных конкурентных условий [Алтухов, 2019].

Современная правовая база, регулирующая вопросы экономического пространства Российской Федерации, складывается из ряда законодательных и нормативных актов, которые в совокупности формируют условия для развития регионов, формирования специальных экономических зон, стимулирования развития АПК, а также определения стратегических приоритетов страны. Условно можно выделить три группы правовых норм, регулирующих экономическое пространство: стратегические, градостроительно-планировочные и инструментально-программные.

1. Стратегический блок.

В число стратегических основ входит, прежде всего, Конституция Российской Федерации, где закреплены принципы федерализма и разграничения компетенции между федеральным центром и субъектами [Конституция РФ, ст. 71–72]. Так, к ведению РФ отнесено «установление основ федеральной политики и федеральных программ в области экономического развития» [там же, ст. 71, п. «д»], а вопросы владения, пользования и распоряжения природными ресурсами (земля, недра, воды) находятся в совместном ведении [там же, ст. 72], что позволяет учитывать региональные интересы. Конституционно-правовая база создает предпосылки для формирования единой стратегии в области развития экономического пространства при учете многообразия региональных интересов. В то же время отсутствие четких механизмов взаимодействия между федеральным центром и субъектами иногда приводит к «разрыву» или дублированию компетенций, что сказывается на эффективности реализации крупных территориальных проектов.

Важное значение в сфере нормативного регулирования занимает Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [2014], устанавливающий правовые основы, цели и принципы

разработки документов стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Он предполагает создание иерархии концепций, прогнозов, стратегий и государственных программ, в том числе направленных на пространственное развитие. Существенным дополнением выступает распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р, которым была утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Об утверждении Стратегии ..., 2019], в дальнейшем замененная актуализированной Стратегией до 2030 года с прогнозом до 2036 года [О Стратегии ..., 2024]. Документы, относящиеся к стратегическому уровню, во многом сохраняют декларативный характер; распределение федеральных инвестиций происходит, как правило, в рамках отраслевых или ведомственных программ, а также при реализации отдельных указов, минуя положения, зафиксированные в Стратегии.

2. Градостроительно-планировочный блок.

Градостроительный кодекс Российской Федерации [2004] устанавливает обязательную цепочку процедур – от схем территориального планирования до единых муниципальных документов и актов зонирования. Недавние поправки [О внесении ..., 2022; 2023] ввели единый документ, предназначенный для поселений и городских округов, а Постановление Правительства РФ № 1076 [Об утверждении Правил ..., 2023] детализирует порядок его подготовки.

Градостроительный кодекс постоянно дополняется поправками, что порождает высокие транзакционные издержки; при этом планировочные схемы, ориентированные на «объекты капитального строительства», недооценивают аспекты логистики, товарных потоков и хозяйственных взаимосвязей.

3. Инструментально-программный блок.

Важное место в этой группе занимают документы, определяющие функционирование особых экономических зон [Об особых ..., 2005] и территорий опережающего социально-экономического развития [О территориях ..., 2014]. Эти акты создают льготные налоговые и административные режимы для привлечения инвестиций в промышленность

либо агросектор, а также дополняются рядом госпрограмм, включая «Комплексное развитие сельских территорий» и иные инструменты поддержки АПК (например, через Государственную программу развития сельского хозяйства). Однако эти меры зачастую применяются фрагментарно и плохо увязаны с прочими региональными и отраслевыми инициативами, что нередко приводит к возникновению «точечных зон развития» вместо системного укрепления экономического пространства страны. Отсутствие единого реестра мер поддержки и размытые функции координатора (ответственность распределена между Минэкономразвития, Минстроем, Минсельхозом и отдельными профильными ведомствами) препятствуют комплексному подходу и снижают эффект от предполагаемого «масштабирования».

Законодательство, регулирующее АПК и земельные отношения, представлено в первую очередь Федеральным законом «О развитии сельского хозяйства» [2006], который устанавливает правовые основы государственной аграрной политики и меры поддержки сельхозпроизводителей. Дополняется он нормами Земельного кодекса [2001] и Федеральным законом «О землеустройстве» [2001], устанавливающими порядок использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения. Однако отсутствие комплексного «Закона о сельскохозяйственном районировании» затрудняет рациональное использование земли в масштабах страны. Обращает на себя внимание тот факт, что упор делается преимущественно на отдельные льготы и механизмы поддержки, а пространственная организация АПК как системы (с учетом логистики, переработки и сбыта) остается недостаточно формализованной в правовом поле.

Развитие регионов и механизмы межбюджетных отношений базируются на положениях Бюджетного кодекса Российской Федерации [1998], где заданы принципы финансового взаимодействия между уровнями власти, косвенно отражающиеся на распределении инвестиций. При этом отсутствует единый нормативный акт, регулирующий планирование «экономического пространства» как самостоятельной сферы, что породило разрозненность норм и ослабление

координации крупных проектов. Правовое регулирование сосредоточено главным образом на экономических стимулах (льготы, субсидии), не учитывая в должной мере социальный и экологический аспекты комплексного территориального развития.

Таким образом, действующее законодательство, регулирующее экономическое пространство страны, включает ряд важных правовых актов, но во многом остается несбалансированным. Отсутствие единой кодификации и сквозной координации между документами федерального и регионального уровней препятствует эффективному управлению пространственным развитием, затрудняет реализацию масштабных проектов и ослабляет конкурентные позиции отечественной экономики на мировой арене. Решением может стать совершенствование взаимодействия между стратегическими и инструментально-программными актами, интеграция их положений в бюджетные процессы и формирование системного «Закона об экономическом пространстве», способного обеспечить долгосрочную устойчивость и целостность функционирования хозяйственного комплекса России.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года предполагает иной подход по сравнению с предыдущей Стратегией до 2025 года. Основное внимание теперь уделяется агломерациям, «точкам роста» и приоритетным транспортно-логистическим коридорам, тогда как идея крупного территориального укрупнения приобрела менее жесткие очертания. Вместо строгого перечня укрупненных единиц применяются более гибкие категории: «опорные зоны», «агломерации» и «интегрированные территории».

Подход, связанный с выделением макрорегионов на уровне выше субъекта Федерации, но ниже всей страны, не утратил своего значения, однако перестал выступать в виде формально закрепленного набора укрупненных единиц экономического районирования. Во многом это вызвано стремлением унифицировать и упростить систему стратегических документов, поскольку прежняя модель с жестким перечнем макрорегионов затрудняла согласование с

уже существующей системой территориального деления (федеральные округа и экономические районы). Новая версия Стратегии делает акцент на федеральных округах, которые давно используются в госуправлении, а также допускает временные межрегиональные объединения, определяемые исходя из конкретных задач или инвестиционных приоритетов.

Документ предполагает усиление так называемого принципа проектного управления: при реализации определенного проекта может объединяться потенциал территорий, ранее относящихся к разным макрорегионам, если они заинтересованы в единой отраслевой или инфраструктурной цели – такой как строительство скоростной транспортной магистрали или создание туристического кластера. Жестко заданные границы затрудняли бы подобную межрегиональную кооперацию, поскольку требовали бы «подгонять» проекты под формальную структуру. Теперь сама концепция макрорегионов стала скорее рекомендательной, а не нормативно закреплённой.

Изменения произошли с учетом как внешних, так и внутренних факторов, в том числе экономических, демографических и геополитических. Деление на макрорегионы, предлагавшееся в более ранних документах, было во многом экспериментальным; впоследствии оно было заменено на более адаптированную модель, делающую акцент на логике конкретных проектов, «коридорах развития» и «точках роста». Формально понятие «макрорегион» полностью не исчезло из публичного дискурса – оно продолжает встречаться в региональных стратегиях, научных публикациях и отдельных ведомственных документах. Но в тексте новой Стратегии нет прямого и детального описания строгой структуры; имеется только указание на специфику крупных пространственных блоков, что оставляет больше свободы в определении границ и форм сотрудничества. Таким образом, прежний подход, когда в Стратегии до более раннего срока макрорегионы являлись формализованной частью планирования с закреплённым делением на определенное количество единиц, переформатирован в более гибкую модель (Таблица 1.2.1). Новый документ заменил жесткое распределение на принцип проектно-ориентированного и агломерационного развития.

Таблица 1.2.1 – Сравнение Стратегий пространственного развития РФ до 2025 и до 2030 гг.

Критерий сравнения	Стратегия до 2025 г.	Стратегия до 2030 г.
<i>Временные рамки и статус документа</i>	2019–2024 гг. Документ носит декларативный характер; не обязателен для прямого исполнения региональными властями и федеральными ведомствами	2025–2030 гг. с прогнозом до 2036 г. Усиливается ориентация на обязательное исполнение через механизмы национальных проектов и федеральные инвестиционные программы
<i>Структура документа</i>	Включает 8 глав и 6 приложений, определяющих макрорегионы и центры экономического роста. Невысокая детализация экономических и логистических вопросов	Содержит 12 глав и 2 приложения, дополнительно включает разделы по сценариям и рискам, более глубокий ситуационный анализ, сравнительные оценки международного уровня (ЕАЭС, Китай)
<i>Пространственная структура</i>	Сформировано 12 макрорегионов; представлены списки центров роста и отраслевые специализации регионов без единой логики территориальной связанности	Макрорегиональный подход дополнен фокусом на федеральные округа, Арктическую зону и новые субъекты РФ; введен «единый перечень опорных населенных пунктов»
<i>Целевые показатели</i>	5 ключевых показателей, включая среднегодовые темпы роста ВРП субъектов Российской Федерации, в которых располагаются перспективные крупные центры экономического роста, транспортная подвижность населения; отсутствует четкая бюджетная привязка и базовая дата отсчета	Расширенный перечень из 12 показателей, синхронизированных с национальными целями развития до 2030 г., включая индекс связанности территорий, объем перевозок по международным транспортным коридорам, долю постоянно проживающего населения на территориях опорных населенных пунктов (за исключением входящих в городские агломерации) в общей численности населения РФ и др.

Критерий сравнения	Стратегия до 2025 г.	Стратегия до 2030 г.
<i>Финансово-бюджетная интеграция</i>	Практически отсутствует: содержится лишь указание на необходимость учета положений документа при подготовке госпрограмм и территориального планирования	Предусмотрено выполнение стратегии через механизмы нацпроектов и федеральной адресной инвестиционной программы, прописан механизм формирования комплексных инфраструктурных планов субъектов
<i>Риски и сценарии</i>	Представлены три общих сценария экономического роста: базовый, консервативный, целевой; риски рассмотрены поверхностно	Предложена подробная матрица рисков (геополитических, климатических, демографических, технологических), усилен аналитический блок оценки возможных внешних и внутренних кризисов и их влияния на экономическое пространство
<i>Механизм управления реализацией</i>	Отсутствуют четкие механизмы реализации и мониторинга; документы стратегического уровня носят преимущественно рекомендательный характер	Создается специальный межведомственный штаб; предусмотрен ежегодный отчет Правительства и использование цифровой платформы мониторинга выполнения стратегии
<i>Актуальность для агро-промышленного экспорта</i>	АПК рассматривается как одна из отраслевых специализаций отдельных макрорегионов без интеграции с логистическими коридорами	АПК интегрирован в систему целевых показателей; аграрный экспорт рассматривается как приоритет в развитии южных и дальневосточных регионов; подчеркивается важность создания логистических коридоров для обеспечения экспортных потоков продукции

Составлено автором.

Новая Стратегия пространственного развития формально устраняет большинство методических пробелов предыдущей: расширена аналитика, введены опорные населенные пункты, детализированы целевые показатели и предусмотрен механизм мониторинга. Тем не менее основные слабые стороны сохраняются. Так, подобно старой версии, новый документ утвержден не федеральным законом, а правительственным распоряжением, что означает отсутствие обязательности его норм для отраслевых распорядителей средств. Кроме того, хотя в тексте описано, каким образом приоритезация проектов должна соотноситься с федеральной адресной инвестпрограммой, не зафиксировано правило, обязывающее закреплять пространственные приоритеты в бюджетном процессе. Таким образом, риск декларативного характера положений сохраняется.

Еще одной проблемой остается параллельное функционирование разнообразных льготных режимов – территорий опережающего развития, особых экономических зон и прочих форм субсидирования, не увязанных со Стратегией. Это порождает конкуренцию между разными пакетами мер господдержки, потенциально подрывая идею развития «опорных узлов» и комплексного пространственного освоения.

В целом, обновленная Стратегия представляется более разносторонней и учитывающей экспортную составляющую, однако реальная результативность ее исполнения будет зависеть от того, удастся ли на законодательном уровне связать пространственные приоритеты с бюджетными правилами и превратить список «опорных» пунктов в действующую, а не декларативную сеть точек роста.

1.3. Пространственные особенности и механизмы российско-африканского торгового взаимодействия

Пространственное взаимодействие Российской Федерации со странами Африканского континента в современных условиях представляет собой многоуровневую систему, в которой сочетаются торгово-экономические и технологические аспекты, а также формируется инфраструктурная сеть,

обеспечивающая логистическую связность и доступ к ресурсам. Подобный формат взаимодействия предполагает не только обычный товарообмен, но и затрагивает кооперацию в сфере транспортных, энергетических и цифровых проектов, что в совокупности создает основу для долгосрочного партнерства между Россией и государствами Африки.

С одной стороны, взаимодействие развивается под влиянием потребностей африканских стран, для значительной части которых характерна нехватка продовольствия, технологических решений и инвестиций в инфраструктурную отрасль. С другой – расширение экономического пространства России в африканском направлении обусловлено стремлением диверсифицировать экспортный потенциал, укрепить логистические коридоры и выйти на новые рынки сбыта. В связи с этим создаются совместные транспортно-логистические проекты, развивается энергетическая инфраструктура, что отражает растущую взаимозависимость между странами [African Economic ..., 2022].

В перспективе дальнейшее укрепление пространственного взаимодействия России и стран Африки выглядит взаимовыгодным, поскольку открывает возможности модернизации африканского хозяйства за счет привлечения технологий и финансов, а отечественным экспортерам дает выход на крупный растущий рынок и обеспечивает расширение круга торговых партнеров [Минсельхоз России, 2024]. Тем самым создаются предпосылки для формирования масштабных транспортных «коридоров развития», инновационных кластеров и совместных научно-технологических программ, способствующих повышению степени взаимодействия экономик России и государств Африки.

Экономическое взаимодействие России и африканских стран в сфере агропромышленного производства формируется с учетом отраслевой специализации отечественных регионов, уровня их экономико-инфраструктурной обеспеченности, а также функционирования транспортно-логистических маршрутов и финансово-институциональной поддержки.

Наиболее востребованным направлением взаимодействия остаются прямые поставки продовольственных товаров и сырья, в том числе зерновых культур, которые по-прежнему доминируют в структуре экспорта [Джанчарова, Мухаметзянов и др., 2022]. При этом наблюдается расширение ассортимента поставляемой продукции (товары мясной и молочной продукции, продукция масложировой отрасли), что отражает динамику спроса со стороны африканских государств.

Транспортные коридоры, включающие железнодорожную, автомобильную и портовую инфраструктуру, играют ключевую роль в снижении транзакционных издержек и упрощении вывоза российских сельскохозяйственных товаров на рынки Африки. В ряде регионов (Ростовская область, Краснодарский край) формируются профильные агропромышленные кластеры, ориентированные на экспорт и ускоренный доступ к африканским рынкам [Экспорт ростовской ..., 2023]. Кроме того, государственные и международные институты способствуют реализации программ совместного финансирования, льготного кредитования и страхования экспортных рисков, что укрепляет позиции отечественных производителей на внешнем рынке. Более подробно вопросы, связанные с экспортом продукции АПК на африканский рынок, включая анализ ведущих регионов – основных субъектов формирования экспортных поставок, будут рассмотрены во второй главе.

Несмотря на то, что зерновые товары продолжают преобладать в российском сельскохозяйственном экспорте, растет потребность в дальнейшей диверсификации ассортимента и учете логистических, инфраструктурных и ценовых колебаний мировых рынков [Минсельхоз России, 2024]. Сохраняющаяся динамика роста поставок и формирование новых механизмов сотрудничества указывают на возможность дальнейшего укрепления пространственного взаимодействия между Россией и африканскими государствами в сельскохозяйственном секторе.

После распада СССР, для которого взаимодействие с Африканским континентом выступало одним из ключевых направлений внешней политики, РФ

в значительной степени свернула связи с африканскими государствами, хотя ранее в развитие экономики и инфраструктуры стран Африки были вложены существенные ресурсы. Этот курс был обусловлен тем, что лица, занимавшие в тот период руководящие посты во внешнеполитических и внешнеэкономических ведомствах, придерживались преимущественно западной ориентации и выступали за прекращение масштабных программ сотрудничества. В результате Россия не только не смогла воспользоваться возможными дивидендами от значительных советских инвестиций (были возведены до 300 промышленных предприятий, свыше 1000 объектов инфраструктуры, сотни образовательных, научных и культурных центров, а также сформирована прослойка русскоязычных профессионалов-африканцев, обучившихся в советских вузах), но и согласилась под давлением западных партнеров на невыгодный формат списания долга африканских стран в размере свыше \$20 млрд [Абрамова, Фитуни, 2019]. Таким образом, в 1990-е годы были утрачены не только экономические основы, но и почти вся инфраструктура, обеспечивавшая взаимодействие России и африканских государств, включая гуманитарную составляющую: научно-образовательную сферу, культурные институты и ценностные ориентиры.

Советская внешняя политика в отношении Африки, в отличие от европейской, не преследовала прямой экономической выгоды, а была в значительной мере сконцентрирована на идеологических аспектах. Этот исторический опыт способен оказывать позитивное воздействие на современную российско-африканскую кооперацию, которая предполагает опору на взаимовыгодное социально-экономическое партнерство и интенсивные культурные обмены. Поскольку у африканских государств отсутствует негативный исторический опыт, связанный с колониальной эксплуатацией со стороны России, это может содействовать формированию более доверительных и устойчивых отношений на долгосрочный период [Желтов, 2012].

В рамках Концепции внешней политики России, утвержденной 31 марта 2023 г. (далее – Концепция) [Об утверждении Концепции ..., 2023], заявлена

солидарность с африканскими государствами в стремлении к справедливому многополярному миру. Россия объявляет себя союзником африканских стран в борьбе против неокOLONиализма и социально-экономического неравенства. Подчеркивается общий принцип самостоятельности, суверенного развития и равноправного сотрудничества, который может восприниматься африканскими государствами как поддержка их независимого курса.

Приоритетное внимание уделено пяти основным направлениям (п. 57 Концепции):

1) поддержка в обеспечении суверенитета и независимости. Его сущность заключается в акценте на помощи африканским странам в сфере безопасности, включая военное и военно-техническое сотрудничество, а также продовольственной и энергетической безопасности. К позитивным моментам можно отнести возможность укрепления обороноспособности африканских стран, что в идеале должно снизить уровень внешнего вмешательства или террористических угроз. Помощь в продовольственной и энергетической сфере может способствовать стабилизации внутренней ситуации в ряде государств (борьба с голодом, нехваткой топлива и т.д.). В то же время поддержка может носить избирательный характер: сотрудничество в первую очередь развернется там, где есть стратегические интересы России (например, доступ к ресурсам, политическое влияние), а не обязательно в тех регионах, где помощь необходима более всего;

2) содействие в урегулировании вооруженных конфликтов. Россия декларирует готовность помогать в преодолении последствий конфликтов и поддерживает принцип «африканским проблемам – африканское решение». Признание «главенствующей роли африканских государств» в урегулировании собственных конфликтов подтверждает уважение к суверенитету и местным инициативам (в частности, к инициативам Африканского союза). С другой стороны, не всегда очевидно, каким именно образом Россия будет содействовать урегулированию конфликтов – через дипломатические форматы, поставку вооружений либо поддержку отдельных политических сил. Это напрямую

связано с гуманитарными последствиями – в частности, с угрозой голода. Вооруженные столкновения разрушают инфраструктуру, вынуждают население покидать свои земли, уничтожают посевы и нарушают логистические цепочки, что ведет к резкому обострению продовольственного кризиса. При отсутствии четкой стратегии (или при ставке на силовые методы) существует риск продления конфликтов или их перерастания в затяжные гуманитарные катастрофы, усугубляя проблему голода на континенте;

3) укрепление и углубление взаимодействия: развитие отношений с Африканским союзом, участие в саммите «Россия – Африка», а также иные форматы многосторонней дипломатии. К позитивным аспектам можно отнести создание многосторонних механизмов сотрудничества и выстраивание системных контактов (особенно если участие идет через крупные африканские интеграционные институты). Так, например, саммит «Россия – Африка» дает возможность сводить вместе представителей бизнеса, политиков, экспертов, что может усилить экономические связи в области сельского хозяйства. Но если конкретные меры поддержки и проекты не будут осуществляться в «рабочих подгруппах» или через реальные механизмы финансирования, форумы могут остаться формальностью;

4) увеличение объемов торговли и инвестиций подразумевает расширение экономических связей, в том числе с Африканским экспортно-импортным банком и через взаимодействие с ЕАЭС. Участие в крупных региональных проектах континента (Африканская континентальная зона свободной торговли и др.) открывает российским компаниям доступ к растущим рынкам. Совместные инвестиции, если они будут адекватно поддержаны, способствуют развитию инфраструктуры, торговли и производства в африканских странах. Но объем российских инвестиций в экономику стран Африканского континента остается относительно небольшим по сравнению с таковым со стороны Китая или стран ЕС. Чтобы повысить объемы, потребуются существенные государственные и частные вложения в будущие проекты. Пропускная способность транспортных коридоров, должное функционирование финансовых институтов и гарантийных

инструментов между Россией и Африкой может оказаться проблемным участком взаимодействия (особенно под влиянием санкций);

5) содействие и развитие связей в гуманитарной сфере. Сущность этого пункта заключается в подготовке национальных кадров, укреплении систем здравоохранения, научном сотрудничестве, культурных обменах, защите традиционных ценностей, свободе вероисповедания и т.д. Эта сфера может стать «мягкой силой» России: образовательные программы, научные и культурные обмены в сфере сельского хозяйства традиционно вызывали позитивный отклик в африканских странах еще со времен СССР. Продвижение межкультурного диалога и взаимного уважения способствует долгосрочным дружественным связям, что может стать конкурентным преимуществом России на фоне часто прагматичных, «коммерческих» подходов других мировых игроков. Но, в тоже время, реализация гуманитарных проектов требует существенных бюджетных средств и координации (стипендии для студентов, строительство новых или поддержка существующих научных центров, например таких как совместный Российско-Эфиопский центр биологических исследований, Российско-Гвинейский научно-исследовательский Центр эпидемиологии и профилактики инфекционных болезней, сеть «Русских домов» и др.). В условиях ограниченного финансирования такие инициативы могут носить точечный характер.

Цели и приоритеты, закрепленные в Концепции, свидетельствуют об амбициозности внешнеполитического курса России на африканском направлении. Однако в современных условиях (глобальная турбулентность, ограниченность ресурсов и пр.) многое будет зависеть от возможности обеспечения реализации задекларированных положений. Далеко не все африканские партнеры готовы идти на тесные связи лишь по политическим соображениям: чаще всего их интересует комплексный подход, включающий инвестиции, инфраструктурные проекты, финансовую поддержку и гарантии стабильности.

В отличие от других региональных направлений, упомянутых в Концепции (например, Латинская Америка или Исламский мир), в отношении Африки не

выделено ни одного приоритетного партнера, хотя с рядом африканских государств (таких как Египет, ЮАР и др.) Россию связывают отношения уровня важного стратегического сотрудничества; при этом сам континент в документе все еще рассматривается как единое и монолитное целое.

Для того чтобы соблюсти баланс и избежать восприятия сотрудничества – в том числе в области сельского хозяйства – как одностороннего или исключительно ориентированного на собственные стратегические интересы, необходимо укреплять экономические и гуманитарные связи. Это подразумевает создание удобных и прозрачных инструментов финансирования, продуманную систему мотивации для российских компаний, развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры, а также формирование благоприятного делового климата. Одновременно требуется более широкое присутствие в информационном поле и культурной среде Африки, способствующее формированию позитивного образа России и повышению ее конкурентоспособности по сравнению с другими внешними акторами.

Таким образом, Концепция в научном и политическом смысле выглядит как логичное выражение курса на диверсификацию внешнеполитических и экономических связей, диктуемого геополитической ситуацией и санкционным давлением на Россию со стороны западных государств [Изотов, 2025]. При этом успех данных начинаний будет во многом зависеть от наличия практических механизмов реализации декларируемых программ, от способности учитывать политическую и культурную специфику отдельных регионов Африки, а также от конкурентоспособности российских предложений на фоне уже устоявшихся форм сотрудничества африканских стран с другими крупными игроками мирового рынка – такими как Китай, страны Европейского союза, США.

С целью усиления присутствия российской агропродовольственной продукции на африканском направлении ФГБУ «Агроэкспорт» во взаимодействии с консалтинговой компанией «Технологии доверия» (бывш. PwC Russia), а также отраслевым и экспертным сообществами разработало Концепцию развития экспорта по основным товарным кластерам АПК –

зерновому, молочному, масложировому, мясному и кондитерскому [Концепция ..., 2024]. Ее ключевая задача заключается в формировании практико-ориентированной модели, направленной на масштабирование поставок и повышение конкурентоспособности отечественных производителей на перспективных рынках Африки. В качестве последних выделены Тунис, Эфиопия, Кения, Маврикий, ЮАР, Ангола, Камерун, Нигерия и Гана.

Специфика зернового сегмента в девяти целевых странах Африки определяется жестким государственным регулированием. Россия занимает ценовую нишу одного из наиболее конкурентоспособных поставщиков, однако ограничена по линии институционально-торговых взаимодействий (бизнес-взаимодействие между предприятиями-поставщиками и предприятиями-потребителями). Приоритетами выступают расширение политико-дипломатической поддержки, формирование каналов прямой коммуникации на межправительственном уровне, а также маркетинговое и информационное сопровождение экспортеров. В настоящее время продажи зерна осуществляются преимущественно через международных трейдеров, которые выступают в качестве промежуточных звеньев и, как следствие, снижают долю непосредственной прибыли российских компаний. При усилении государственной поддержки последние могут повысить маржинальность за счет прямой работы с африканскими контрагентами.

На пути к увеличению российских поставок зерна в африканские страны лежат барьеры, обусловленные отсутствием отлаженных механизмов сотрудничества, логистических цепочек и постоянной информационной поддержки. Кроме того, необходимо выстраивать системную работу с африканскими региональными объединениями – такими как Африканский союз, Сообщество развития Юга Африки (САДК), Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС) и др., что позволит согласовывать торгово-инвестиционные стратегии и минимизировать бюрократические барьеры. В совокупности подобные меры создадут благоприятные условия для продвижения

российского зерна на африканские рынки и укрепления российско-африканского партнерства в продовольственной сфере.

Увеличение экспорта и дальнейшее налаживание тесных связей с африканскими странами невозможно без улучшения благосостояния населения и экономического роста стран континента. Африканские рынки отличаются высокой степенью социально-экономической дифференциации, которая проявляется в вариативных моделях политического развития и наличии механизмов государственно регулируемого ценообразования по отдельным товарным категориям. Наряду с этим во многих странах континента наблюдается политическая волатильность, нередко обусловленная сменой правящих элит и неустойчивостью внутриполитических систем. Данные факторы создают комплексную среду, требующую от российского бизнеса стратегического планирования, адаптивных мер и точной оценки рисков.

Далее рассмотрим некоторые особенности и механизмы существующего пространственного взаимодействия между РФ и государствами Африки.

Формирование агрологистического коридора «Россия – Африка» предполагает интеграцию нескольких ключевых экспортных узлов внутри страны, а также налаживание морских маршрутов и портовой инфраструктуры, ориентированной на потребности африканских рынков. Коридор «Россия – Африка» является неотъемлемой частью стратегии переориентации российской внешней торговли на рынки Глобального Юга. Согласно оценкам [Russia expands ..., 2024; Russia to Launch ..., 2025], основные объемы экспорта зерновой, масложировой продукции и удобрений концентрируются в агропромышленных кластерах Южного и Приволжского федеральных округов, откуда они направляются к глубоководным портам Новороссийска, Тамани, Ростова-на-Дону и Азова, а также к балтийским терминалам «Порт Высоцкий» и «Лугапорт». Черноморский коридор остается приоритетным маршрутом для отправок в Средиземноморье и Восточную Африку, однако расширение балтийской логистики нацелено на диверсификацию потоков и прямые поставки к

западноафриканским портам, что снижает геополитический и страховой риск, связанный с «суэцким» направлением [Russia expands ..., 2024].

Балтийские терминалы «Порт Высоцкий» и «Лугапорт» сталкиваются с рисками из-за возможных ограничений со стороны стран Балтии, которые теоретически могут ввести запрет на проход судов через проливы (например, в районе Гогланда или Моонзундского архипелага), полностью парализовав экспорт. Страны Балтии (Эстония, Латвия, Литва) периодически обсуждают ужесточение контроля в своих территориальных водах Балтийского моря из-за геополитической напряженности [В Латвии ..., 2023]. Кроме того, внутри ЕС не стихает дискуссия по поводу возможности полностью ограничить проход танкеров с российским сырьем через Датские проливы, соединяющие Балтику с Северным морем [Может ли..., 2026].

В типичной схеме перемещения зерновых товаров отправка из Новороссийска проходит через Босфор до Порт-Саида (транзит) и Суэца, а далее – в Момбасу (Кения), Дар-эс-Салам (Танзания), Дурбан (ЮАР), Лагос/Апапа (Нигерия) или Дакар (Сенегал) [Russia to Launch ..., 2025]. Для западноафриканского направления все шире применяются прямые рейсы без перевалки в акватории Средиземного моря. Наиболее значимыми портовыми центрами, помимо указанных выше, являются Кейптаун (ЮАР), Тин Кан (Нигерия), Луанда (Ангола), Дуала (Камерун), Радес (Тунис), Порт-Луи (Маврикий); они выступают распределителями внутриконтинентальных коридоров формата «Север–Юг» (логистический коридор Накала, транспортный коридор ЛАПССЕТ [The incredible ..., 2006] и Центральный коридор).

Коридор Накала связывает северные провинции Мозамбика с портом Накала на берегу Индийского океана, простираясь также вглубь территории Малави и частично Замбии [Nacala Road ..., 2023]. Для российского экспорта, ориентированного на страны Южной и Восточной Африки, этот коридор обеспечивает доступ к рынкам, сравнительно удаленным от традиционных маршрутов через Дар-эс-Салам или Момбасу.

Система ЛАПССЕТ представляет собой крупномасштабный инфраструктурный проект, охватывающий порты, автомобильные магистрали, железные дороги и трубопроводы, призванные соединить порт Ламу в Кении с Южным Суданом и Эфиопией. Для зарубежных поставщиков, включая российские компании, ЛАПССЕТ создает перспективы выхода на внутренние рынки, минуя перегруженные морские пути, что в долгосрочном плане может содействовать диверсификации экспортных маршрутов [ЕСА Facilitates ..., 2024].

Центральный коридор нацелен на связку портов Танзании (Дар-эс-Салам) с внутренними районами Руанды, Бурунди, Уганды и восточными районами Демократической Республики Конго [Annual Report ..., 2023]. Модернизация портовых мощностей Дар-эс-Салама и улучшение дорожной инфраструктуры помогают уменьшить затраты на доставку товаров российского происхождения (например, зерна, удобрений), делая их более доступными для рынков Центральной и Восточной Африки.

Немаловажную роль в пространственной организации российско-африканского торгового взаимодействия играет Африканская континентальная зона свободной торговли, соглашение о создании которой было подписано 21 марта 2018 г. [The African ..., 2018]. 30 мая 2019 г. оно вступило в силу, а соответствующие торговые отношения были инициированы с 1 января 2021 г. С момента начала торговли сформировался надрегиональный режим, предполагающий снижение тарифных барьеров и унификацию нетарифных ограничений. Для внешних поставщиков, включая российские компании, указанные нормы существенно понижают транзакционные издержки, связанные с транзитом между региональными экономическими сообществами, а также упрощают стратегию «порт – склад – трансграничное распределение» одновременно для нескольких рынков [World Investment ..., 2021].

Вышеназванная стратегия согласуется с парадигмой глобальных производственных сетей¹. В контексте российского экспорта продукции АПК подобная модель объясняет, каким образом создается непрерывная цепочка «фермерский кооператив/кластер → порт-хаб → морской коридор → африканский порт → внутренние коридоры», а также показывает, почему расстановка приоритетов в инвестициях (портовые терминалы, элеваторные мощности, мультимодальные центры) столь важна для укрепления пространственного присутствия на африканских рынках.

Теоретические и методологические ориентиры, применяемые для анализа российско-африканских связей в аграрной сфере, представляют собой многоуровневую систему подходов, которая охватывает геоэкономический (межгосударственный), сетевой (цепочечный), маршрутный (транспортно-географический), региональный (интеграционный) и институциональный уровни [Russia – Africa ..., 2024] (Таблица 1.3.1).

На *межгосударственном уровне* главную методологическую роль играет теория соотношения факторов производства (теория Хекшера – Олина) [Heckscher, 1919; Ohlin, 1933]. Дополняют данную теорию концептуальные идеи, развиваемые в дискурсе «зерновой дипломатии», а также модели кооперации «Юг – Юг», интерпретирующие аграрную торговлю как инструмент внешнеэкономического взаимодействия и обеспечения продовольственной устойчивости партнеров. Идея «зерновой дипломатии» предполагает использование экспортных поставок продовольствия, прежде всего зерна, в качестве инструмента внешнеполитического влияния и укрепления международного положения страны [Paarlberg, 1982]. В таких случаях поставщик может формировать льготные условия или стратегические запасы для импортеров, рассчитывая на формирование долгосрочных политических или экономических обязательств.

---

¹ В модели [Henderson et al, 2002] каждый уровень выступает как «узел» генерации стоимости и управляется факторами разных категорий [Coe, Yeung, 2015].

Таблица 1.3.1 – Теоретико-методологические ориентиры для анализа российско-африканских связей в аграрной сфере

№ п/п	Уровень	Концепция	Сущность и основные положения
1	<i>Геоэкономический (межгосударственный)</i>	Теория Хекшера–Олина (соотношения факторов производства)	Страны экспортируют товары, для производства которых у них есть избыточные факторы
		«Зерновая дипломатия»	Использование экспортных поставок продовольствия (главным образом зерна) в качестве инструмента для укрепления международного положения и оказания внешнеполитического влияния. Может включать льготные условия или создание стратегических запасов для партнеров
		Кооперация «Юг – Юг»	Совокупность инициатив и программ партнерства между странами Глобального Юга, направленная на обмен технологиями, ресурсами и опытом
2	<i>Сетевой (цепочечный)</i>	Global Commodity Chains (GCC) (Г. Джереффи)	Товарные цепочки – глобально распределенные процессы, где каждое звено (выращивание, переработка, логистика) локализовано в разных регионах. Акцент на структурах управления и монополизации ключевых узлов
		Global Production Networks (GPN)	Подчеркивает сетевую, а не линейную природу цепочек. Цепочки становятся более распределенными, а ведущие торгово-логистические факторы получают расширенные полномочия по регулированию потоков
3		Модель “Port–Hub–and– Spoke”	Порты – центральные узлы (hubs), куда сходятся маршруты (spokes) от терминалов. Это оптимизирует потоки, сокращая число прямых линий

№ п/п	Уровень	Концепция	Сущность и основные положения
	<i>Маршрутный (транспортно-географический)</i>	Теория Maritime Connectivity (морской связности)	Рассматривает систему морских перевозок как сеть. Оценивается качество связности портов на основе частоты захода судов в порты, глубины причалов, возможностей обработки грузов и связей с судоходными линиями
		Теория центральных мест	Объясняет иерархию транспортных узлов (портов) по их значимости и зоне влияния. Крупнейшие узлы обслуживают глобальные потоки, тогда как более мелкие – региональные
4	<i>Региональный (интеграционный)</i>	Подход «новой регионализации»	Страны объединяются на основе общих географических, экономических или политических интересов. Акцент на политической воле к интеграции
		Гравитационные модели	Объем торговли между двумя странами прямо пропорционален размерам их экономик и обратно пропорционален расстоянию между ними. Учитываются дополнительные факторы: общий язык, граница, исторические связи
5	<i>Институциональный</i>	Модель “Developmental State”	Активное участие государства в регулировании экономики, стимулировании реформ и поддержке ключевых отраслей (промышленность, сельское хозяйство) через субсидии, льготное кредитование и другие инструменты
		Модель “Food-Security Diplomacy” (Дипломатия продовольственной безопасности)	Использование экспорта продовольствия или продовольственной помощи в качестве инструмента внешнеполитического влияния, направленного на формирование долгосрочных отношений и обязательств со странами-импортерами

Составлено автором.

Кооперация «Юг – Юг» трактуется как совокупность инициатив и программ партнерства между странами Глобального Юга, нацеленная на обмен технологиями, ресурсами и опытом [South–South ..., 2022]. Для России сотрудничество с африканскими государствами может иметь черты такого взаимодействия, направленного на преодоление зависимости от западных рынков.

На *сетевом (цепочечном) уровне* в исследованиях используются модели Global Commodity Chains (GCC) и Global Production Networks, указывающие на модульность агропродовольственных цепочек (например, зерно в формате bulk-поставок через портовый элеватор до мелькомбинатов; масложировой комплекс, включающий тростниковые, пальмовые, подсолнечные кластеры) и подчеркивающие ключевую роль логистических узлов и трейдерских структур.

Концепция Global Commodity Chains была развита в работах Г. Джереффи [Gereffi, 1994]. Она рассматривает товарные цепочки как глобально распределенные процессы производства и распределения, в которых каждое звено (выращивания, переработки, логистики, реализации) пространственно локализовано в разных регионах. GCC-методология акцентирует внимание на структурах управления внутри цепочек, а также на степени монополизации узлов [Bair, 2005]. Global Production Networks на основе GCC учитывает сетевую природу международных производственных систем [Coe, Yeung, 2015]: цепочки в рамках этой модели становятся еще более распределенными, а ведущие торгово-логистические факторы (трейдеры, портовые операторы) получают расширенные полномочия в регулировании потоков.

В сфере экспорта зерновых и масложировых товаров из России в Африку GCC/GPN-концепции указывают, что bulk-поставки проходят через портовые элеваторы (например, Новороссийск, порт Высоцкий), далее подключаются участники переработки (мелькомбинаты, заводы по рафинированию масла) и трейдеры, распределяющие продукцию на рынках Африки.

В *маршрутном (транспортно-географическом)* измерении используется Port–Hub–and–Spoke модель, теории Maritime Connectivity (морской связности) и

центральных мест [Дмитриев, 2023] для объяснения иерархии портовых узлов и направлений экспортных потоков [African Economic ..., 2022]. Port–Hub–and–Spoke модель рассматривает морские порты как «центральные узлы» (hubs) в транспортной системе, куда сходятся «спицы» (spokes) – маршруты от многочисленных припортовых и внутренних терминалов [Rodrigue, 2020]. Такая схема позволяет оптимизировать потоки товаров за счет уменьшения числа линий, заменяемых одним (или несколькими) крупным портом-хабом, выполняющим роль распределительного центра. Эта модель отражает логику, по которой, например, Новороссийск, порт Высоцкий в России, а также Лагос (Нигерия) или Дурбан (ЮАР) в Африке занимают верхние ступени иерархии портовых узлов [African Economic ..., 2022]. Концепция морской связности рассматривает систему морских перевозок как сеть, определяемую совокупностью портовых узлов и морских маршрутов [Review of Maritime ..., 2023]. Ее ключевые индикаторы включают частоту и регулярность судозаходов, глубину причалов, возможности обработки контейнеров или зерновых грузов, а также существующие соглашения с судоходными линиями.

Применительно к российско-африканскому контексту, более развитые логистические центры (например, Новороссийск, Тамань, порт Высоцкий) демонстрируют высокие значения индекса морской связности, что отражает формирование относительно стабильных маршрутов и снижение транспортных издержек от экспорта зерна и других агропромышленных товаров. В африканском секторе те порты, которые характеризуются большей частотой заходов судов (Лагос, Дурбан, Кейптаун), рассматриваются как центральные узлы.

Для анализа на *региональном (интеграционном) уровне* используются подходы «новой регионализации» и гравитационные модели. Под «новой регионализацией» понимается совокупность процессов формирования и укрепления международных или наднациональных торгово-экономических объединений. В рамках этого подхода страны объединяются на основе общих географических, экономических и/или политических интересов [Hettne, 1999].

Гравитационные модели [Дмитриев, 2012] базируются на положении, в соответствии с которым объемы взаимной торговли между двумя странами зависят от величины их совокупного ВВП и обратно пропорциональны расстоянию между ними [Tinbergen, 1962]. Дополнительными переменными могут выступать общность языка, наличие общей границы, культурные или исторические связи.

В контексте агропромышленного экспорта гравитационные переменные (например, расстояние от российских портов до африканских, население и ВВП африканских государств) объясняют, почему значительная доля импорта сельскохозяйственных товаров концентрируется в наиболее «крупных» странах (Египет, Нигерия, ЮАР) [Минсельхоз России ..., 2024].

Модели исследования на *институциональном уровне* рассматривают участие государства в субсидировании фрахта, предоставлении экспортных кредитов и заключении межправительственных соглашений о санитарно-ветеринарных нормах, способствующих упрощению поставок [The State of Agricultural ..., 2022]. Модель “Developmental State” предполагает активное участие государства в регулировании экономических процессов, стимулировании структурных реформ и продвижении промышленного/аграрного развития [Johnson, 1982]. В рамках развития сельскохозяйственного сектора государственные структуры могут напрямую субсидировать определенные отрасли, внедрять льготное кредитование, организовывать кооперации и применять прочие инструменты поддержки экспортеров. В модели “Food-Security Diplomacy” в качестве основного параметра используется экспорт продовольствия (или объем продовольственной помощи) как один из инструментов внешнеполитического влияния, формирующего долгосрочную зависимость [Paarlberg, 1982].

Реализация российской политики в сфере продовольственной безопасности, включающей соглашения о фитосанитарных нормах и страховании экспортных рисков, упрощает торговые процедуры и способствует укреплению двусторонних связей со странами Африки. Стимулирование

экспорта через льготный фрахт или экспортные кредиты отражает подход «дружественного поставщика», ориентированного на закрепление политико-экономических позиций в регионе.

***

Основу устойчивого наращивания экспорта продукции российского АПК в страны Африки в стоимостном и натуральном выражении составляет пространственное взаимодействие экономических агентов на геоэкономическом (межгосударственном), сетевом (цепочечном), маршрутном (транспортно-географическом), региональном (интеграционном) и институциональном уровнях.

Приоритетность советско-российских теорий и разработок в исследовании экономического пространства в рамках исследования обоснована не как «абсолютное первенство» в изучении пространства вообще, а как приоритет в формировании и раннем развертывании комплексно-районной парадигмы, включающей:

– разработку производственно-территориального подхода и непосредственно территориально-производственных комплексов как «узлов» пространственной организации хозяйства;

– методологию экономического районирования как инструмента декомпозиции неоднородного и анизотропного пространства;

– категорию экономико-географического положения как системной характеристики включенности территории в социально-экономические связи.

По сравнению с западными направлениями пространственной экономики, в основу которых положены рыночные механизмы агломерации и транспортные издержки, отечественная школа исторически сильнее акцентирует внимание на структуре хозяйственных связей, инфраструктуре, организации и управляемости пространственных трансформаций, что повышает ее прикладную ценность для задач внешнеторговой стратегии.

В рамках первой главы сформирована теоретико-методологическая основа исследования: определены ключевые категории и инструменты анализа

экономического пространства и обосновано, что приоритет отечественных (советско-российских) разработок проявляется в их системности, комплексности и прикладной направленности.

Теоретические и методологические ориентиры, применяемые для анализа российско-африканских связей в аграрной сфере, дополняют друг друга и раскрывают комплексность экономического пространства, в рамках которого формируются внешнеторговые операции: от мотивации «зерновой дипломатии» на высшем политическом уровне до конкретных маршрутных схем поставок через центральные порты и логистические центры, вплоть до местной инфраструктуры переработки и складирования, ориентированной на запросы населения африканского континента.

Для исследования выбирается методологический подход, основанный на сочетании теории факторов производства и модели кооперации с элементами зерновой дипломатии, поскольку он позволяет, во-первых, аналитически сопоставлять ресурсную обеспеченность России и стран Африки и тем самым объяснять структуру торговых и инвестиционных потоков; во-вторых, учитывать актуальную политико-экономическую динамику Глобального Юга; в-третьих, оценивать использование продовольственных поставок как инструмента долгосрочного внешнеполитического влияния.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года [О Стратегии ..., 2024] институционально закрепляет значимость АПК в пространственной организации экономики страны: через систему целевых показателей, соотнесенных с национальными целями, и через выделение южных и дальневосточных регионов в качестве приоритетных направлений развития экспортно ориентированного производства и инфраструктуры. Для Юга России это выражено в прямом признании АПК одним из ключевых драйверов экономики, для Дальнего Востока – в приоритете экспортной инфраструктуры и экспортно ориентированных отраслей, что в совокупности подтверждает стратегический статус аграрного экспорта в региональной политике государства.

Заявленная в Концепции внешней политики России амбициозная повестка нашей страны на африканском направлении может быть реализована только при наличии комплексных программ и устойчивого финансирования, включая банковско-страховые инструменты, фонды поддержки экспортеров и инвесторов и гуманитарные проекты в образовании, здравоохранении и культуре. Иное смещение акцентов – преимущественно в сторону военного сотрудничества при вторичности экономических и гуманитарных инициатив – опасно закреплением образа «силового» партнера для РФ и ограничением возможностей для масштабных инфраструктурных и социальных проектов. Следовательно, для достижения заявленных целей по росту торговли и инвестиций необходима пространственно выверенная экономическая стратегия, поддержанная институциональными и гуманитарными механизмами доверия: именно такая связка обеспечивает снижение издержек и рисков, ускорение оборота, диверсификацию рынков сбыта и укрепление долгосрочного партнерства.

ГЛАВА 2. УРОВНИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ РОССИЙСКОГО АПК: ПОЛИМАСШТАБНЫЙ АНАЛИЗ

2.1. Динамика экспорта: от формулирования задач – к реальным результатам

В рамках национальной цели «Устойчивая и динамичная экономика» [О национальных ..., 2024] установлены следующие целевые показатели и задачи по ее достижению в рамках увеличения к 2030 г.:

- объема инвестиций в основной капитал не менее чем на 60% по сравнению с уровнем 2020 г. за счет постоянного улучшения инвестиционного климата;

- объема производства продукции АПК не менее чем на 25% по сравнению с уровнем 2021 г.;

- экспорта продукции АПК не менее чем в полтора раза по сравнению с уровнем 2021 г.;

- объема перевозок по международным транспортным коридорам не менее чем в полтора раза по сравнению с уровнем 2021 г. за счет повышения глобальной конкурентоспособности маршрутов.

Сегодня в мире актуализируется задача решения продовольственной проблемы и поступательного роста сельскохозяйственного производства для обеспечения устойчивого развития [Шкваря, 2024]. Национальная цель «Устойчивая и динамичная экономика» формирует высокие, однако реалистичные ориентиры при условии, что рост инвестиционной активности будет целевым образом направлен на преодоление инфраструктурных ограничений, в первую очередь относящихся к портам и транспортно-логистическим коридорам, обеспечивающим доступ на африканские рынки. Простое наращивание объемов производства не гарантирует достижения поставленных целей: успех в решающей степени определяется одновременным решением четырех взаимосвязанных задач – увеличения капитальных вложений,

внедрения технологических инноваций, диверсификации логистических маршрутов и смягчения нетарифных ограничений. Сочетание этих мер позволит не только выполнить вышеназванные целевые показатели, но и закрепить долгосрочные позиции России в быстроразвивающемся продовольственном сегменте Африканского континента.

Поддержка российских производителей сельскохозяйственной продукции, равно как и стимулирование их экспортной активности, институционально выстроена в трех взаимосвязанных контурах:

1) *государственная программа развития сельского хозяйства* (далее – Программа) [О Государственной ..., 2012]. Она задает базовые механизмы субсидирования и преференций для аграрного сектора, включая компенсацию части процентной ставки по инвестиционным и оборотным кредитам, грантовые формы поддержки при модернизации производственных мощностей, а также возмещение части затрат на сертификацию и логистику. Кроме того, в Программе предусмотрена так называемая сквозная схема экспортного сопровождения, в рамках которой при поставках за рубеж может компенсироваться до четверти транспортных расходов, что делает экспортное направление более рентабельным для российских сельхозпроизводителей [Минсельхоз России, 2024];

2) приоритетный федеральный проект «Экспорт продукции АПК» (далее – Федеральный проект) утвержден в 2017 г. и с 2020 г. интегрирован в структуру нацпроекта «Международная кооперация и экспорт» и пролонгирован до 2030 г. Согласно Указу Президента [О национальных ..., 2024], плановое значение целевого показателя по поставкам сельскохозяйственной продукции за рубеж составляет \$55,2 млрд (в текущих ценах). В рамках данного проекта применяются механизмы субсидирования железнодорожных и морских тарифов, страховая поддержка через «Росэксимбанк», а также акселерационные и маркетинговые инструменты, реализуемые Российским экспортным центром (РЭЦ), включая маркетинговую платформу «Сделано в России». Федеральный проект в 2024 г. продемонстрировал высокую финансовую и операционную результативность, обеспечив досрочное выполнение национальных целевых ориентиров по

наращиванию аграрного экспорта и заложив основу для дальнейшего поступательного роста до 2030 г.;

3) национальный проект «Международная кооперация и экспорт» (далее – Национальный проект) принят во исполнение Указа Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. С 2025 г. реализуется обновленный национальный проект «Международная кооперация и экспорт», объединяющий четыре федеральных проекта, один из которых – «Экспорт продукции агропромышленного комплекса». Национальный проект обеспечивает межведомственную синхронизацию (Минсельхоз России, Минпромторг России, Минфин России, Российский экспортный центр), расширяет доступ к льготному кредитованию (ставка до 5% годовых), поддерживает цифровые решения (федеральная государственная информационная система «Зерно», единая витрина экспортных контрактов) и развитие внешней логистики (от компенсации фрахта до инвестиций в терминалы).

Национальный проект «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» стартовал в России в 2025 г. Он представляет собой комплексную стратегическую программу и направлен на развитие АПК страны с целью повышения технологической независимости и устойчивого роста производства продукции [Национальный ..., 2025]. Среди приоритетов проекта:

- укрепление позиций по традиционным направлениям экспорта (зерновая, масложировая продукция, рыба и морепродукты);
- наращивание экспорта продуктов с более высокой добавленной стоимостью (в том числе мясная и молочная продукция, кондитерские изделия);
- реализация конкурентных преимуществ на внешних рынках;
- ориентация на рынки дружественных стран, в том числе страны Африки (Египет, Алжир, ЮАР, Эфиопия и др.);
- противодействие внешним и внутренним рискам (санкции, барьеры, расчеты, логистика).

Особое внимание в проекте уделяется внедрению инновационных решений, обеспечению импортозамещения в ключевых сегментах отрасли, а также

формированию и развитию квалифицированного кадрового потенциала для обеспечения долгосрочной продовольственной безопасности страны [Национальный..., 2025]. В проект заложено порядка 260 млрд рублей: из бюджета выделяют 127 млрд, оставшуюся часть составит внебюджетное финансирование [На нацпроект ..., 2024].

В современных условиях на первый план выходит задача усиления инновационной инфраструктуры в целях трансфера создаваемых научно-технических результатов и коммерциализации имеющегося научного задела. Комплексное сочетание трех уровней господдержки – программного, проектного и нацпроектного – позволило увеличить совокупный агроэкспорт и довести долю сектора АПК в общем объеме российского экспорта до 10,6%. Наибольшая доля в его структуре – около 38% – приходится на зерно. Россия сохраняет лидерство в мире по поставкам пшеницы, занимая 25% рынка [Господдержка ..., 2024].

По последнему публично приведенному рейтингу крупнейших мировых экспортеров продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (по итогам 2022 г.) Российская Федерация занимает 17-е место в мире (доля около 2,1%), при этом среди топ-20 стран (таблица 2.1.1) Россия продемонстрировала наибольший прирост объема экспорта продукции АПК за последние 10 лет – в 2,5 раза [В 2022 году Россия ..., 2023]. По оценкам центра «Агроэкспорт» при Минсельхозе, Россия с объемом поставок в 2023 г. продукции АПК в \$43,5 млрд находилась среди стран-экспортеров на 16-й позиции. В первую десятку вошли США, Бразилия, Нидерланды, Германия, Китай, Франция, Канада, Испания, Италия и Польша [Минсельхоз: Россия..., 2024].

Сельское хозяйство в Российской Федерации практически полностью обеспечивает потребности государства по большинству отраслей АПК. В этой связи ориентация на экспорт становится приоритетной задачей для аграрной отрасли. Основными покупателями продукции российского АПК являются Китай, Турция, страны ЕС, Казахстан, Беларусь, Республика Корея, Египет [Экспорт продукции АПК..., 2023].

Таблица 2.1.1 – Топ-20 стран-экспортеров продукции АПК в 2020–2022 гг.

№ п/п	Страна	Объем экспорта, \$ млрд		
		2020	2021	2022
1	США	149,4	176,5	192,6
2	Бразилия	83,5	99,8	135,2
3	Нидерланды	103,9	118,7	120,6
4	Германия	84,8	93,2	96,1
5	Китай	74,5	82,5	95,8
6	Франция	68,9	80,8	86,7
7	Канада	55,9	66,4	72,2
8	Испания	60,7	69,9	69,5
9	Италия	53,1	62,3	63,7
10	Индонезия	36,5	50,6	55,2
11	Индия	36,3	46,0	51,8
12	Польша	37,7	43,3	49,8
13	Австралия	28,7	38,7	46,1
14	Бельгия	36,5	41,7	43,5
15	Таиланд	34,8	38,2	42,9
16	Аргентина	34,7	39,0	41,7
17	Россия	30,6	37,1	41,6
18	Мексика	35,7	37,1	41,6
19	Малайзия	22,0	29,3	34,0
20	Великобритания	29,0	29,5	32,4
	Мир, всего	1619,6	1885,1	2024,6

Источник: [В 2022 году Россия..., 2023].

Общее производство продукции АПК России в 2024 г. составило 8,9 трлн рублей в действующих ценах [Сельхозпроизводство..., 2025], тогда как экспорт продукции АПК достиг \$42,6 млрд; в пересчете по среднему курсу Банка России это эквивалентно 3,94 трлн рублей, или 44,2% от стоимости произведенной

сельскохозяйственной продукции. При этом в 2025 г. Россия экспортировала продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья на \$40,9 млрд, что на 4,1% меньше, чем в 2024 г. (\$42,6 млрд) и на 5,2% меньше, чем в 2023 (\$43,1 млрд) [ФТС отметила ..., 2026]. По сравнению с 2013 г., когда экспорт продукции АПК достигал \$17,1 млрд [Минсельхоз России ..., 2024], к 2025 г. он вырос примерно в 2,4 раза.

За последнее десятилетие в России была проведена масштабная работа по наращиванию потенциала экспорта продукции АПК [Чухарев, Шкваря, 2025]. Наша страна является надежным и стабильным поставщиком ключевых сельскохозяйственных товаров, гарантируя продовольственную безопасность африканских стран. РФ – крупнейший экспортер продукции АПК в Африку в натуральном выражении, обеспечивает более 14% общего объема продовольственного импорта континента. На Россию приходится свыше трети африканского импорта пшеницы, ячменя и подсолнечного масла [Россия – крупнейший ..., 2024].

Согласно сводному отчету Федеральной таможенной службы РФ за январь–декабрь 2024 г., на африканские государства пришлось \$20,5 млрд из \$433,9 млрд общего российского экспорта. Таким образом, удельный вес Африки в совокупном объеме поставок России на внешние рынки составил около 4,7%, что соответствует уровню предыдущих лет [ФТС ..., 2025].

Развитие экспортных поставок продукции АПК из России в страны Африки представляет собой стратегически важное направление внешнеэкономической деятельности, обусловленное растущей потребностью африканского континента в продовольствии на фоне увеличения численности населения. В связи с ограниченными возможностями самостоятельного обеспечения продовольственной безопасности африканские страны зависят от импорта, что формирует для российских аграриев перспективные рыночные возможности. Конкуренеспособные цены и качество российской продукции, подкрепленные значительными ресурсными возможностями и опытом в сельскохозяйственном производстве, способствуют укреплению позиций России на африканском рынке.

При этом на страны африканского континента приходится более 50% общего объема экспорта пшеницы из России [Россия увеличила поставки ..., 2025].

Экспорт российской агропродовольственной продукции на африканский континент демонстрирует устойчивую восходящую динамику, формируя новые торгово-логистические конфигурации и усиливая роль Африки в географии сбыта РФ; он имеет значительный потенциал для развития и расширения бизнес-связей между Россией и африканскими странами [Новая географическая ..., 2021]. Рост объемов экспорта продукции АПК (Рисунок 2.1.1) обеспечивался за счет успешной реализации инструментов поддержки, которые охватывают весь экспортный цикл – от инвестиций в новое производство до сертификации и вывода продукта на зарубежный рынок.

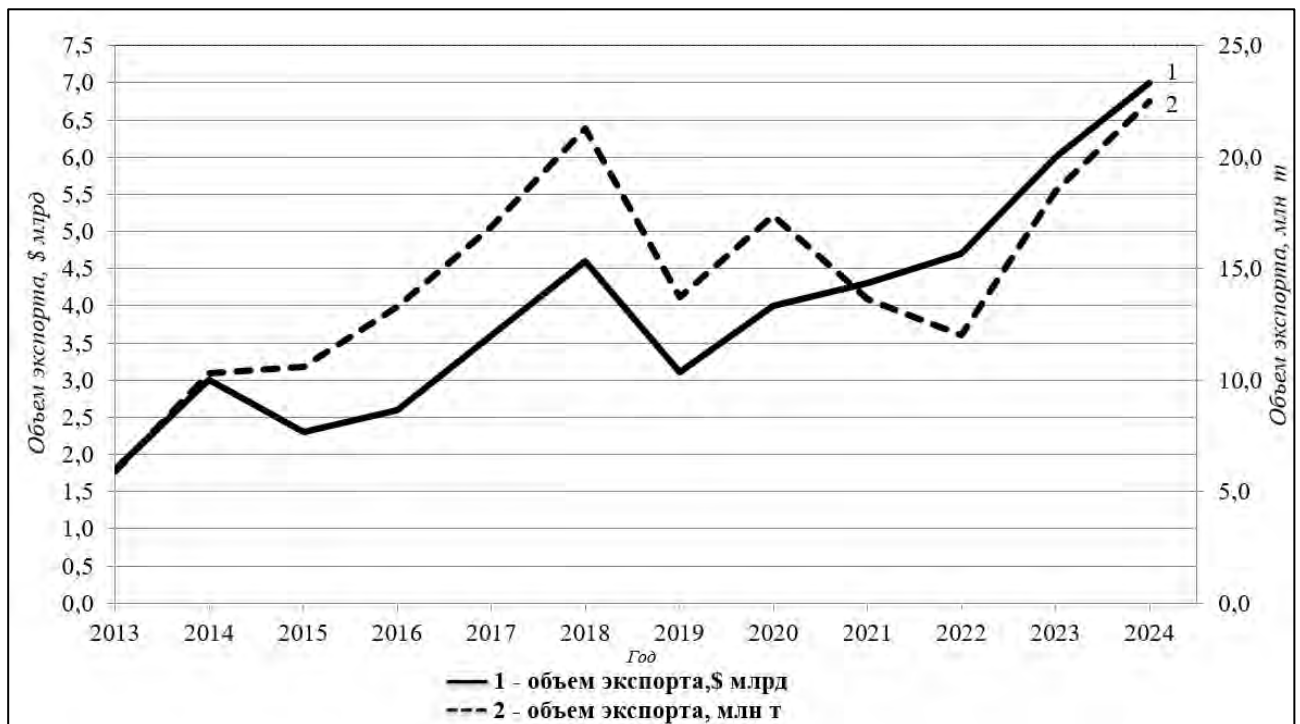

Рисунок 2.1.1 – Динамика экспорта российской с/х продукции в страны Африки в 2013–2024 гг., \$ млрд (левая ось) и млн т (правая ось)

Рассчитано и составлено автором по: [Экспорт и импорт ..., 2024; Россия увеличила объем ..., 2023; Свой ..., 2024; Экспорт АПК ..., 2023; Российский агроэкспорт ..., 2025; В 2024 году ..., 2025; Глава ..., 2023].

В 2024 г. стоимость поставок превысила \$7 млрд, что на 19% выше уровня предыдущего года [Российский агроэкспорт ..., 2025]. Доля Африки в стоимостном объеме экспорта продукции АПК России в 2024 г. составила около 16,4%. Ключевой драйвер роста – зерновой сегмент: в сезоне 2023/24 на африканские рынки ушло 21,2 млн т пшеницы (38% всего российского экспорта пшеницы), что закрепило за Африкой статус крупнейшего макрорегионального клиента России [там же]. Примечательно, что зерновые формируют около 87% стоимостного объема. При этом ускоренно растут масложировой сегмент (подсолнечное и соевое масла), кукуруза и ячмень (рост в 2,3–2,8 раза за 2023 г.), а также «нишевые» категории – мясо птицы, мороженое, молочные ингредиенты и рыбпродукция. На североафриканских импортеров (Египет, Алжир, Ливия, Марокко, Тунис) традиционно приходится до 60% закупок, однако за последние пять лет ярко выражен «поворот» на юг: Кения, Нигерия, Танзания, Гана и Ангола вошли в пятерку наиболее динамичных рынков, увеличив импорт российской пшеницы в 2–3 раза [Экспорт и импорт ..., 2024].

Однако повышение экспорта нельзя оценивать только по стоимостным показателям – ярким примером может выступать ситуация в 2016 и 2021, 2017 и 2020, 2018 и 2024 гг. Так, в 2016 г. из России в страны Африки было экспортировано злаков на сумму \$2,1 млрд, при этом весовой объем составил 12683 тыс. т; для сравнения – в 2021 г. экспортные значения по идентичному коду составили \$3,5 млрд, объем же сопоставим с показателями 2016 г. – 12927 тыс. т. Еще более показательна ситуация в 2018 и 2024 гг.: разница в денежном выражении составила 35%, при этом в 2024 г. поставок в весовом выражении было всего на 1 тыс. т больше (рисунок 2.1.1).

Причины подобных «нестыковок» следует искать в теоретико-методологических основах экспортно-импортных отношений. Действительно, цепочка поставок продовольствия представляет собой процесс движения продовольственных товаров от поставщика к потребителю и включает сельскохозяйственное производство, обработку, хранение, упаковку, распределение, розничную торговлю и потребление [Abu Nahleh et al., 2023].

Поскольку звенья цепочки функционально взаимосвязаны, сбой на любом этапе (например, в логистике, хранении или переработке) приводит к каскадному эффекту: возникают задержки, рост потерь и издержек, ухудшение доступности товара и снижение устойчивости всей системы поставок. Цена продовольственного товара складывается из себестоимости производства, затрат на переработку и упаковку, расходов на хранение и логистику, финансовых и страховых издержек, налогов и торговых наценок. На экспортно-импортные поставки дополнительно влияет валютный курс и таможенно-транспортные расходы. Волатильность цен определяется колебаниями предложения и издержек по цепочке поставок. Волатильность могут усиливать такие факторы как погодные риски, изменения цен на электроэнергию и удобрения, рост транспортных тарифов, колебания курса и регуляторные ограничения, а также сбои в перевозках и хранении.

Таким образом, разница в стоимости экспорта злаков при практически одинаковом весовом объеме поставок (рисунок 2.1.1) объясняется несколькими ключевыми факторами:

1) в 2021 г. мировые цены на сельскохозяйственную продукцию, включая злаки, существенно выросли. Во многом это было связано с восстановлением мировой экономики после пандемии COVID-19 (приведшей к ограничению цепочек поставок и высокой волатильности на рынках), что увеличило спрос на продовольствие; проблемами с урожаем в других странах-экспортерах – таких как США, Канада и Австралия – из-за неблагоприятных погодных условий; увеличением спроса со стороны крупных импортеров – особенно Китая;

2) инфляция и рост затрат на производство, транспортировку и хранение злаков. Рост цен на энергоносители (особенно на нефть и газ) в 2021 г. также увеличил стоимость логистики;

3) изменение курса валют. В этот период курс рубля по отношению к доллару США претерпел значительные изменения. В 2021 г. это соотношение уменьшалось, что могло сделать российский экспорт злаков более конкурентоспособным на мировом рынке и позволило экспортерам получать

более высокую выручку в долларах;

4) повышенный спрос на продукцию в странах Африки из-за роста численности населения и снижения урожайности на континенте. Это могло увеличить конкурентное давление на рынок и способствовать росту цен.

2.2. Начальные звенья экспортных цепочек: пространственная дифференциация российских регионов

Роста объема экспорта продукции АПК из России в страны Африки за период 2013–2024 гг. (Рисунок 2.1.1) неравномерно распределен между российскими регионами (Рисунок 2.2.1).

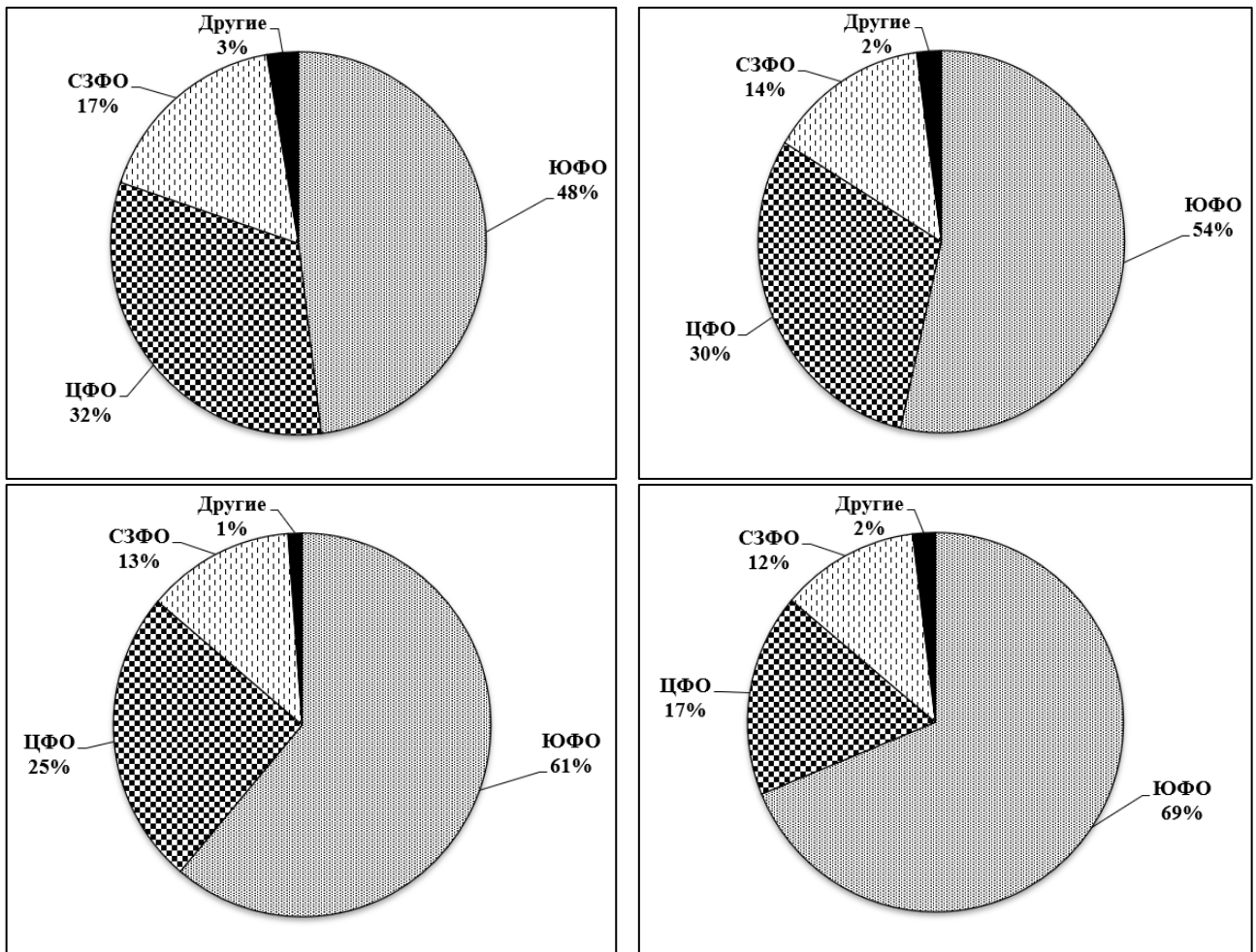

Рисунок 2.2.1 – Структура экспорта продукции АПК из России в страны Африки по федеральным округам в 2013 (слева вверху), 2017 (справа вверху), 2019 (слева внизу) и 2021 гг.

Рассчитано и составлено автором по: [Экспорт и импорт ..., 2024].

Отрыв Южного федерального округа (ЮФО) от остальных существенно увеличивался, тогда как доля Центрального (ЦФО) и Северо-Западного (СЗФО) округов неуклонно снижалась. При этом в абсолютном выражении поставки из ЮФО, ЦФО и СЗФО демонстрируют устойчивую восходящую динамику: например, экспорт из ЮФО увеличился с \$872 млн в 2013 г. до \$2,9 млрд в 2021 г. [Нуждин, 2024]. В то же время объемы экспорта из Уральского, Сибирского Приволжского ФО остаются низкими. Отмечается значительный прогресс в этом отношении Дальневосточного и Северо-Кавказского округов, показатели которых в 2021 г. превысили уровень 2013 г. соответственно в три и десять раз [Нуждин, 2025с]. Это может свидетельствовать о смещении в будущем географического (гравитационного) центра экспортных поставок на юг и восток РФ. При переходе с уровня федеральных округов на уровень субъектов РФ фиксируется постепенный рост количества субъектов-экспортеров продукции АПК в страны Африки. Эта тенденция свидетельствует о диверсификации экспортной базы, что снижает зависимость от узкого круга поставщиков и способствует развитию устойчивых торговых связей (Таблица 2.2.1).

Таблица 2.2.1 – Количество субъектов РФ – экспортеров продукции АПК в Африку в 2013–2021 гг.

Год	Количество регионов-экспортеров	Доля в общем числе субъектов РФ, %
2013	30	36,1
2014	32	37,6
2015	35	41,2
2016	38	44,7
2017	43	50,6
2018	42	49,4
2019	40	47,1
2020	37	43,5
2021	46	54,1

Рассчитано и составлено автором по: [Экспорт и импорт ..., 2024].

Сводные данные Федеральной таможенной службы (ФТС) Российской Федерации за 2013–2021 гг. показывают устойчивое лидерство трех субъектов–экспортеров в структуре поставок продукции АПК на рынки Африки: Ростовской области, Краснодарского края и г. Москвы (Таблица 2.2.2).

Таблица 2.2.2 – Регионы-лидеры по экспорту продукции АПК в Африку (в общем ценовом объеме экспорта)

Год	1 место	2 место	3 место	4 место	5 место
2013	Москва	Ростовская область	Краснодарский край	Санкт-Петербург	Калининградская область
2014	Москва	Краснодарский край	Ростовская область	Калининградская область	Санкт-Петербург
2015	Москва	Ростовская область	Краснодарский край	Калининградская область	Санкт-Петербург
2016	Ростовская область	Москва	Краснодарский край	Калининградская область	Санкт-Петербург
2017	Ростовская область	Москва	Краснодарский край	Калининградская область	Санкт-Петербург
2018	Ростовская область	Краснодарский край	Москва	Санкт-Петербург	Воронежская область
2019	Ростовская область	Краснодарский край	Москва	Санкт-Петербург	Воронежская обл.
2020	Ростовская область	Краснодарский край	Москва	Санкт-Петербург	Калининградская область
2021	Ростовская область	Краснодарский край	Москва	Калининградская область	Санкт-Петербург

Рассчитано и составлено автором по [Экспорт и импорт ..., 2024].

Их доминирование обусловлено совокупностью факторов: благоприятной агроклиматической базой и высокой урожайностью зерновых (Ростовская область и Краснодарский край), наличием глубоководных терминалов Азово–

Черноморского бассейна, а также крупными объемами контрактного и логистического сопровождения, декларируемыми через московские таможенные посты, где регистрируется значительная доля сделок по схеме «экспорт по месту нахождения компании–трейдера».

К пятерке постоянных участников экспортного рейтинга за рассматриваемый период стабильно присоединялись Калининградская область и г. Санкт-Петербург. Их позиции объясняются, во-первых, функционированием балтийских портовых хабов, обладающих развитой «холодовой цепью» и возможностью перевалки как зерновых, так и продуктов глубокой переработки; во-вторых, эффективной системой мультимодальной логистики, позволяющей оперативно перенаправлять грузы в случае конъюнктурных или санкционных ограничений на традиционных южных маршрутах.

Несмотря на то, что после 2021 г. ФТС ограничила открытый доступ к покомпонентным региональным данным, косвенные индикаторы – в частности, статистика работы крупных зерновых терминалов – позволяют оценить приблизительный объем экспорта за период после начала специальной военной операции. Например, через Новороссийский зерновой терминал в 2024 г. прошло 7,2 млн т, что на 14% выше предыдущего максимума [НЗТ, 2025]; перевалка в порту Туапсе за январь–июль 2024 г. выросла до 1,18 млн т, увеличившись на 15% к аналогичному периоду 2023 г. [Балкерный ..., 2024].

Данные [Аграрный экспорт регионов..., 2024] показывают устойчивый рост перевалки зерна в северо-западных хабах, что закрепляет роль Санкт-Петербурга как центра поставок высокотоварной пищевой продукции с глубокой переработкой. Подтверждается и сохранение пространственной структуры экспорта [Аграрный ..., 2023; Итоговый ..., 2024]: на Краснодарский край и Ростовскую область приходится свыше 45% стоимостного объема, тогда как доля северных направлений растет преимущественно за счет готовых пищевых товаров высокой добавленной стоимости. При этом наблюдалось умеренное перераспределение стоимостных долей внутри самой «тройки»: на фоне логистических и страховочных издержек, вызванных геополитической

турбулентностью, товарные партии частично перераспределялись в пользу Краснодарского края [РБК, 2025] и Ростовской области [Ростовская ..., 2023], где концентрация специализированных терминалов позволяет минимизировать время оборота судов и фрахтовые затраты. В сегменте высокотоварной пищевой продукции (консервы, детское питание, кормовые концентраты) усилилась роль Санкт-Петербурга благодаря углублению переработки и активному освоению нишевых каналов сбыта в Северной и Западной Африке.

Рост доли Ростовской области и всего ЮФО (Рисунок 2.2.1, таблица 2.2.2) при одновременном снижении доли Москвы и ЦФО в экспорте зерновой продукции в Африку, как правило, обусловлен влиянием не единичного события (массового переноса юридических лиц, штаб-квартир), а совокупностью институциональных и пространственно-логистических факторов [Нуждин, Дмитриев 2026]. Во-первых, региональная статистика экспорта часто фиксирует не место происхождения продукции, а место регистрации экспортера (декларанта), поэтому перераспределение потоков между юридическими лицами внутри групп способно заметно менять региональный вклад (долю) без изменения географии производства [Откуда экспорт...2020]. Во-вторых, экспортная логистика зерна пространственно сконцентрирована на юге страны: значительная часть морских отгрузок проходит через Азово-Черноморский бассейн, что стимулирует вынесение контрактования, экспедирования и операционного управления ближе к портовому узлу – в Ростов-на-Дону и припортовые зоны [Кто станет...2025]. В-третьих, Ростовская область традиционно выполняет функции зернотрейдингового узла: укрепление рыночных позиций крупных региональных экспортеров, включая компании, зарегистрированные в Ростове-на-Дону, приводит к росту удельного веса региона в экспортной статистике даже при неизменности физической базы производства.

Показателен пример одного из крупнейших российских зерноэкспортеров: торговый дом «РИФ» (Ростов-на-Дону) в 2024 г. сменил наименование юридического лица на ООО «Родные поля», при этом в деловой прессе и информационных сообщениях он прямо характеризуется как крупный/ведущий

экспортер зерна [ТД «Риф»...2024]. В результате выявленное перераспределение «Москва → Ростовская область» целесообразно трактовать прежде всего как перенос организационно-юридического оформления и статистического учета экспортных операций к южному логистическому узлу и усиление роли региональных зернотрейдеров, а не как прямое следствие массового закрытия московских компаний и создания новых в Ростовской области.

В качестве меры интегральной оценки статистических данных с целью выявления уровня однородности российского экспорта могут использоваться различные индексы и коэффициенты [Нуждин, 2025а]: индекс Херфиндаля-Хиршмана (далее – *HHI*) [индекс Херфиндаля-Хиршмана], индекс мозаичности Эккеля (далее – *ИМЭ*) [Эккель, 1976], модифицированный индекс мозаичности (далее – *МИМ*) [Горохов, 2017] и др.; для оценки степени различия структуры экспорта между периодами может использоваться индекс Рябцева.

В общем случае *HHI* определяется по формуле:

$$HHI = \sum_{i=1}^n \pi_i^2,$$

где π_i – доля i -ой из n частей в общем объеме.

HHI широко используется в анализе внешней торговли благодаря интуитивно понятной интерпретации: его значения принадлежат интервалу от $1/n$ до 1, что позволяет без дополнительных преобразований оценить степень концентрации товарных потоков. Чем выше значение данного показателя, тем ниже уровень товарной диверсификации, но выше уровень концентрации, и наоборот [Аграрный экспорт, 2023]. Поскольку доли в расчете возводятся в квадрат, индекс остро реагирует на рост крупнейших позиций; таким образом даже умеренное преобладание одной–двух категорий продукции резко отражается на итоговом значении. Именно из-за этой чувствительности *HHI* прочно закрепился в антимонопольной практике США и ЕС и часто применяется в прикладных исследованиях диверсификации экспорта, облегчая сопоставление эмпирических результатов.

Однако у показателя имеются методологические ограничения. Сравнения

во времени и между, например, странами некорректны, если меняется число категорий n или границы рассматриваемых территориальных полигонов. Поэтому при оценке диверсификации российского аграрного экспорта в Африку *НИИ* следует применять в качестве оперативного диагностического инструмента, но интерпретировать в связке с альтернативными индексами, отражающими структуру распределения экспортных долей, степень сходства товарных позиций и изменение их удельного веса во времени. Такое сочетание позволяет компенсировать методологические слабости базового индекса и получить более сбалансированное представление о рисках пространственной концентрации поставок.

ИМЭ первоначально был «связан с попыткой определить этническую пестроту населения через теоретическую вероятность интенсивности межнациональных контактов, которая имела бы место, если бы контакты обуславливались лишь процентным соотношением национальных групп в данном районе независимо от других факторов» [Эккель, 1976]. Этот показатель рассчитывается по формуле:

$$\text{ИМЭ} = 1 - \sum_{i=1}^n \pi_i^2.$$

Существенный недостаток *ИМЭ* (равно – как и *НИИ*) состоит в том, что он не учитывает (но зависит от) количество стран, куда был осуществлен экспорт, либо количество групп товаров АПК [Нуждин, 2025а].

Более точным в этом отношении представляется *МИМ*. Первоначально он был разработан С.А. Гороховым для анализа изменений, происходящих в рамках компонентной структуры конфессионального геопространства, и в дальнейшем адаптирован нами для оценки диверсификации экспортных потоков субъектов РФ на африканском направлении. В отличие от *ИМЭ*, *МИМ* характеризуется четко определенным диапазоном значений и не демонстрирует скрытой зависимости результатов от количества анализируемых стран или регионов. *МИМ* рассчитывается по формуле:

$$\text{МИМ} = \frac{1 - \sum_{i=1}^n \pi_i^2}{1 - 1/n}$$

где в нашем случае n – количество стран, регионов либо групп товаров АПК (исходя из того, какой именно показатель подлежит вычислению).

В отличие от *НИИ* и *ИМЭ*, значения *МИМ* заключены в интервале (0; 1]: чем ближе расчетное значение к правой границе, тем более однороден (гомогенен) вклад рассматриваемых групп в общее значение анализируемого параметра.

К числу показателей, позволяющих – в дополнение к *МИМ* – оценивать не только уровень гомогенности/гетерогенности, но и характер его изменений, относятся структурные индексы Салаи, Гатева, Рябцева и др. Их применение обеспечивает ответ на два взаимосвязанных вопроса: во-первых, за счет каких именно компонентов (участков) рассматриваемого экономического пространства происходит рост или снижение гомогенности/гетерогенности, и, во-вторых, каков масштаб этих изменений за анализируемый период, то есть насколько существенно трансформируется структура экономического пространства [Нуждин, Дмитриев, 2026]. Особое преимущество индекса Рябцева заключается в наличии шкалы значений, позволяющей качественно интерпретировать степени структурных различий (таблица 2.2.3). Его расчет производится нами по следующей формуле:

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (k_{i(t_2)} - k_{i(t_1)})^2}{\sum_{i=1}^n (k_{i(t_2)} + k_{i(t_1)})^2}},$$

где k – доля каждой из n задействованных в экспорте/импорте продукции АПК территориальных единиц (субъекты РФ / страны Африки) в общем объеме экспорта/импорта из России в смежные моменты времени t_2 и t_1 .

Чем больше полученное значение индекса, тем более значительными были изменения пространственной структуры. При этом процентный вклад (δ) изменения доли каждой из n территориальных единиц в общее изменение пространственной структуры (то есть в значение I_R) [Горохов, 2017] рассчитывается по формуле:

$$\delta_i = \frac{(k_{i(t_2)} - k_{i(t_1)})^2}{\sum_{i=1}^n (k_{i(t_2)} - k_{i(t_1)})^2} * 100.$$

Таблица 2.2.3 – Шкала оценки меры существенности структурных различий по индексу Рябцева

Интервал значений I_R	Характеристика меры структурных различий
0,000–0,030	Тождественность структур
0,031–0,070	Весьма низкий уровень различий структур
0,071–0,150	Низкий уровень различий структур
0,151–0,300	Существенный уровень различий структур
0,301–0,500	Значительный уровень различий
0,501–0,700	Весьма значительный уровень различий
0,701–0,900	Противоположный тип структур
0,901 и выше	Полная противоположность структур

Источник: [Региональная статистика..., 2001].

Во всех официальных материалах к паспорту федерального проекта «Экспорт продукции АПК» подчеркивается, что экспортная статистика и меры поддержки группируются по шести отраслевым кластерам (подотраслям):

- 1) зерновые культуры (пшеница, ячмень, кукуруза, зернобобовые и др.);
- 2) масложировая продукция (подсолнечное, рапсовое, соевое масла, жмыхи, шроты);
- 3) мясная и молочная продукция (мясо птицы, говядина, свинина, сухое молоко, сыры и проч.);
- 4) рыба и морепродукты (рыбное филе, ракообразные, моллюски, готовые рыбные изделия);
- 5) продукция пищевой и перерабатывающей промышленности (кондитерские изделия, макароны, сахар, напитки, готовые соусы и др.);
- 6) прочая продукция АПК (удобрения органического происхождения, корма, мед, пряности и иные специфические товары).

Именно по этим шести группам рассчитываются ключевые показатели экспорта (Таблица 2.2.4), дифференцируются льготные кредиты, субсидии на транспортировку и сертификацию, а также публикуется регулярная отчетность Минсельхоза России и ФГБУ «Агроэкспорт». Информация за 2022–2024 гг. была взята нами из информационных источников [Россия увеличила объем ..., 2023; Свой ..., 2024; Экспорт АПК ..., 2023], в основном освещающих процентовку по зерновым культурам; остальные подотрасли рассчитывались усредненно по информации в рамках общемирового экспорта и предыдущих периодов.

Таблица 2.2.4 – Структура российского экспорта продукции АПК в Африку в 2013–2024 гг., %

Год (общий объем экспорта в Африку, \$ млрд)	Продукция зерновой отрасли	Продукция масло- жировой отрасли	Рыба и море- продукты	Мясная и молочная продукция	Продукция пищевой и перераба- тывающей промы- шленности	Продукция прочей продукции АПК
2013 (1,8)	75,2	18,2	0,6	0,1	4,5	1,4
2014 (3,0)	79,1	18,2	0,7	0,03	1,3	0,7
2015 (2,3)	81,8	15,1	0,6	0,03	1,8	0,8
2016 (2,6)	81,7	15,6	0,3	0,2	1,3	0,9
2017 (3,6)	80,2	17,6	0,1	0,1	1,2	0,9
2018 (4,6)	88,4	10,1	0,2	0,1	0,5	0,6
2019 (3,1)	85,9	11,6	0,4	0,2	0,5	1,4
2020 (4,0)	89,5	8,7	0,3	0,3	0,4	1,0
2021 (4,3)	82,7	13,6	0,7	0,9	0,9	1,3
2022 (4,7)	79	17	≈1	≈1	≈1	≈1
2023 (6)	80	14	≈1	≈2	≈2	≈1
2024 (7)	87	10	≈1	≈1	≈<1	≈<1

Рассчитано и составлено автором по: [Экспорт и импорт ..., 2024].

Анализ статистики ФТС России за период 2013–2021 гг. показывает, что экспорт продукции АПК формируется широким набором товарных групп, однако его структура носит выражено асимметричный характер: при наличии диверсифицированной номенклатуры поставок устойчиво доминируют зерновые культуры. Их удельный вес в совокупном объеме экспорта АПК в рассматриваемый период стабильно превышал 80%, что указывает на высокую концентрацию экспортных доходов в данном сегменте. В указанный период отмечалась позитивная динамика количественных поставок зерновых, при этом объем поставок масложировой продукции на фоне зерновых снижался. Иные отрасли АПК (рыба и морепродукты, мясная и молочная промышленность, продукция пищевой и перерабатывающей промышленности, а также продукция прочей продукции АПК) совокупно формировали лишь 3–4% экспортного потока. В 2022–2023 гг. доля зерновых уменьшилась, что, вероятно, связано с логистическими и макроэкономическими ограничениями этого периода. Уже к 2024 г. их удельный вес вновь превысил 85%, что только подтверждает зерновую ориентацию российского аграрного экспорта.

Общее значение *МИМ* по степени диверсификации экспорта сельскохозяйственной продукции из субъектов РФ в Африку в ценовом выражении в 2021 г. составило 0,76 (аналогичное значение было в 2020 г.) (Рисунок 2.2.2). В 2021 г. отмечалась тенденция к увеличению уровня деконцентрации экспорта АПК – по итогам года в группу с невысоким уровнем концентрации (значение *МИМ* менее 0,45) вошли 12 регионов – против 10 в 2020 г. [Нуждин, 2025а]. Рост объема экспорта сельскохозяйственной продукции из России в страны Африки за последнее десятилетие происходит на фоне снижения уровня пространственной диверсификации, так как 99% продукции экспортируется в Африку из Южного, Центрального и Северо-Западного ФО [Нуждин, Дмитриев, 2024]. После 2021 г. Федеральная таможенная служба ограничила открытый доступ к покомпонентным региональным данным.

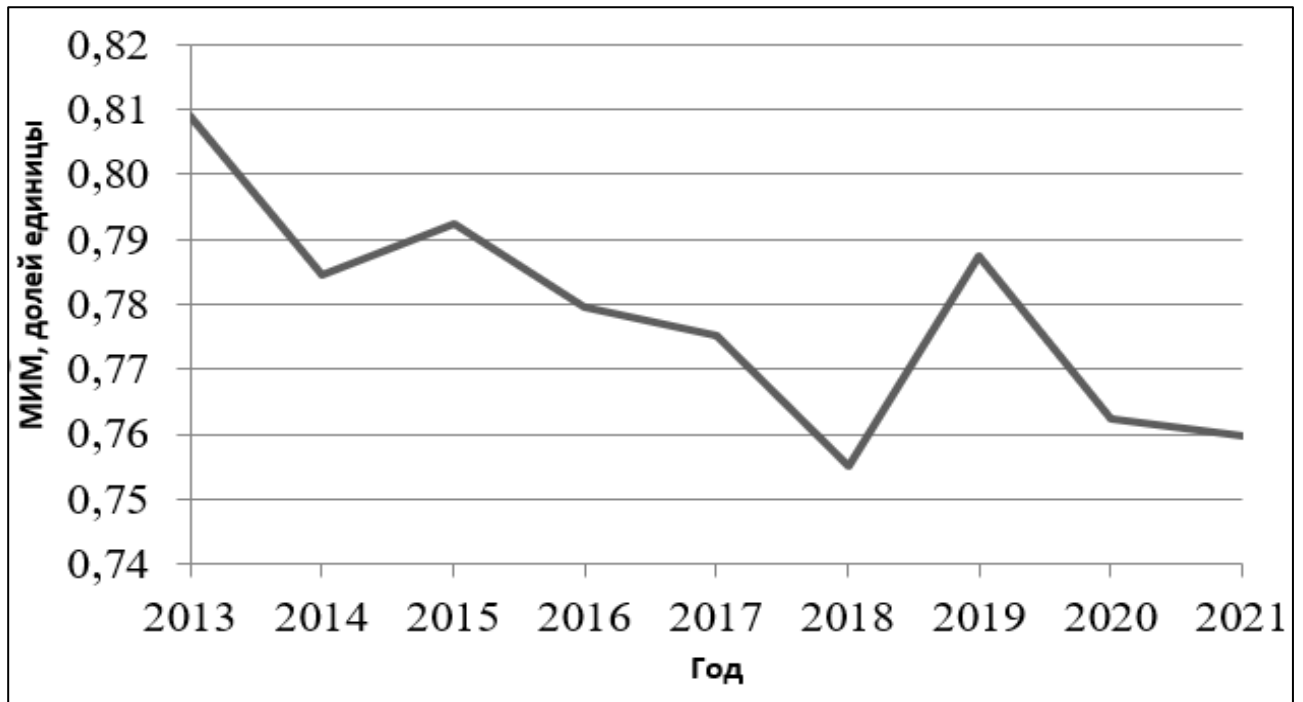

Рисунок 2.2.2 – Значение модифицированного индекса мозаичности по степени диверсификации экспорта сельскохозяйственной продукции из субъектов РФ в Африку в ценовом выражении за период 2013–2021 гг.

Источник: [Нуждин, 2025а].

Таким образом, незначительное снижение значения *МИМ* указывает на умеренное сокращение пространственной диверсификации регионального (субъектного) экспорта продукции АПК в Африку при одновременном росте его абсолютных объемов.

Расчет *МИМ* в разрезе федеральных округов в стоимостном выражении демонстрирует более выраженное падение по сравнению с результатами на уровне субъектов Федерации: показатель снизился на 18 долей единицы (Рисунок 2.2.3). Такое сокращение указывает на усиление территориальной концентрации поставок, поскольку доминирующая доля экспортных потоков все в большей степени сосредоточивается в трех округах – Южном, Центральном и Северо-Западном [Нуждин, 2025с]. Укрепление их лидирующих позиций фактически нивелирует потенциал остальных округов, ограничивая пространственную диверсификацию экспортной базы.

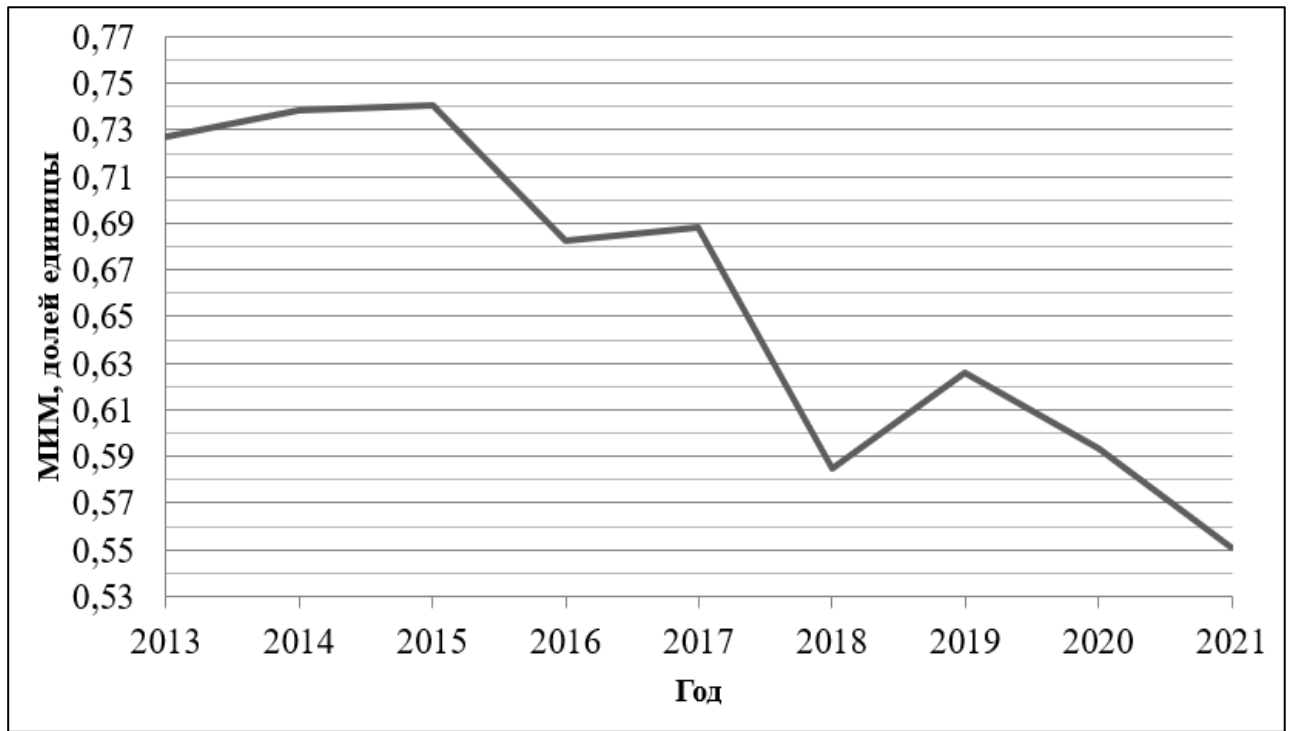

Рисунок 2.2.3 – Значение модифицированного индекса мозаичности по степени диверсификации экспорта сельскохозяйственной продукции из федеральных округов РФ в Африку в ценовом выражении за период 2013–2021 гг.

Источник: [Нуждин, 2025а].

Следовательно, несмотря на наращивание абсолютных объемов экспорта, его пространственная структура становится менее сбалансированной (диверсифицированной), что повышает зависимость национального аграрного экспорта от ограниченного числа логистических «узлов». Такой дисбаланс усиливает уязвимость системы к региональным и инфраструктурным рискам и может замедлять вовлечение новых территорий в международные агропродовольственные цепочки поставок. Дальнейшее снижение диверсификации может повысить уязвимость экспортных операций к региональным инфраструктурным сбоям (портовые ограничения, погодные риски и т.д.). Следовательно, в общем случае для повышения устойчивости национального аграрного экспорта целесообразно стимулировать развитие альтернативных логистических коридоров (Каспийский, Дальневосточный, Арктический) и расширять перечень специализированных терминалов за

пределами традиционных «точек притяжения».

Стабильность МИМ как в общем, так и в зерновом разрезе указывает на отсутствие выраженной пространственной концентрации риска и подтверждает устойчивость российской экспортной стратегии на африканском направлении. В связи с этим на рисунке 2.2.4 приведен расчет МИМ для внутренних региональных потоков зерна, направляемых из субъектов Российской Федерации в Египет.

Анализ статистических показателей (таблица 2.2.5) указывает на увеличение количества российских регионов, вовлеченных в поставки зерновых в Египет, сопровождаемое ростом объемов экспортируемой продукции (максимальное значение, достигшее \$1,9 млрд, зафиксировано в 2018 г.).

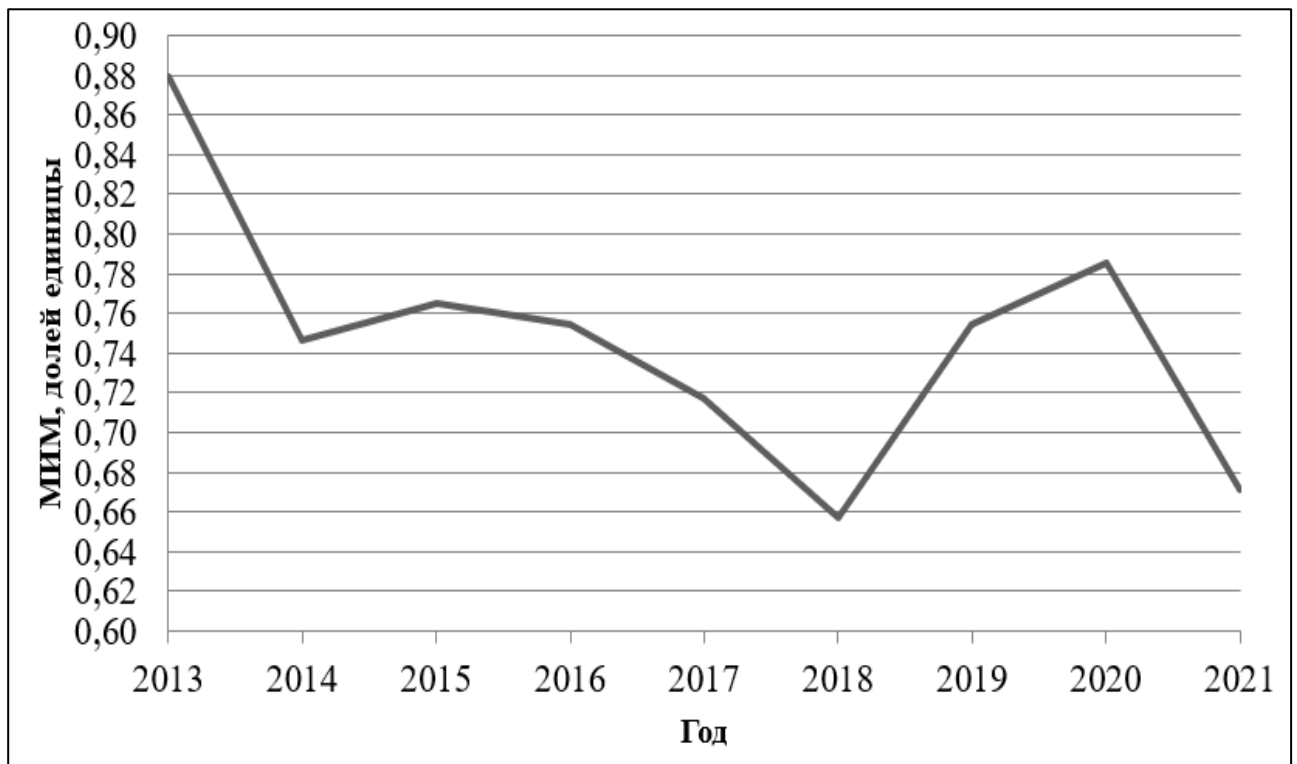

Рисунок 2.2.4 – Значение МИМ для внутренних региональных потоков зерна, направляемых из субъектов Российской Федерации в Египет в ценовом выражении

Рассчитано и составлено автором по: [Экспорт и импорт ..., 2024].

Таблица 2.2.5 – Дифференциация импорта Египтом зерновых культур из субъектов России

Год	Объем поставок, \$ млрд	Число субъектов России, задействованных в поставках	Субъекты-лидеры (доля в объеме экспорта зерновых культур в Египет, %)	
2013	0,6	6	Москва (38,3)	84,3
			Краснодарский край (27,0)	
			Ростовская область (19,0)	
2014	1,0	7	Москва (49,5)	91,9
			Краснодарский край (31,6)	
			Ростовская область (10,8)	
2015	0,8	14	Москва (38,9)	84,6
			Ростовская область (34,2)	
			Краснодарский край (11,5)	
2016	1,0	11	Ростовская область (46,2)	89,7
			Москва (23,7)	
			Краснодарский край (19,8)	
2017	1,4	12	Ростовская область (51,3)	87,1
			Москва (24,4)	
			Краснодарский край (11,4)	
2018	1,9	15	Ростовская область (58,3)	85,2
			Краснодарский край (16,1)	
			Москва (10,8)	
2019	1,3	11	Ростовская область (48,6)	83,2
			Краснодарский край (22,8)	
			Москва (11,8)	
2020	1,8	8	Ростовская область (45,3)	90,5
			Краснодарский край (24,9)	
			Москва (20,3)	
2021	1,6	8	Ростовская область (58,3)	94,0
			Краснодарский край (23,6)	
			Москва (12,1)	

Рассчитано и составлено автором по: [Экспорт и импорт ..., 2024].

В 2020–2021 гг. наблюдалось небольшое сокращение числа субъектов России, задействованных в поставках зерновых в Египет до восьми, что, вероятно, связано с внешними и внутренними (экономическими, логистическими, институциональными) факторами, а также пандемией Covid-19, повлиявшими на торговую активность [Новая географическая ..., 2021]. Тем не менее, несмотря на эпизодические торговые разногласия, приводившие, в частности, к временным ограничениям на ввоз российской пшеницы или египетских цитрусовых [Дерюгина, 2019], общий тренд остается восходящим, что свидетельствует о приоритете долгосрочных торговых интересов над ситуативными барьерами.

В течение рассматриваемого периода порядка 90% российского экспорта зерновых культур в Египет формировалось тремя крупнейшими регионами-экспортерами: Москвой, Краснодарским краем и Ростовской областью (таблица 2.2.5). При этом удельный вес Москвы в региональной структуре поставок снизился более чем в три раза – с 38,3% в 2013 г. до 12,1% в 2021 г., тогда как позиции Ростовской области в тот же период усилились, что еще раз подчеркивает смещение центров оформления и логистического сопровождения экспортных операций в пользу юга России.

Значения индекса Рябцева (таблица 2.2.6) по зерновым культурам демонстрируют высокую стабильность структуры экспорта из регионов России в Африку. Почти все годовые значения находятся в диапазоне низкого уровня структурных различий, что подчеркивает устойчивость региональных пропорций. В то же время значение индекса за весь рассматриваемый период (0,347) отражает значительный уровень структурных различий, что свидетельствует о поступательном, а не резком характере пространственных изменений [Нуждин, Дмитриев 2026]. Расчеты показывают, что последние на 50,1% были обусловлены изменением в общем объеме экспорта зерна доли Москвы – лидировавшей в 2013 г. и опустившейся к 2021 г. на третье место; на 45,3% – доли Ростовской области; на 2,6% – доли Краснодарского края (таблица 2.2.7) [Нуждин, Дмитриев 2026].

Таблица 2.2.6 – Значения индекса Рябцева по экспорту продукции АПК из субъектов РФ, 2013–2021 гг.

Период	Зерно	Мясо	Масло	Пищевая продукция	Рыба	Прочее
2013–2014	0,106	0,017	0,308	0,130	0,122	0,380
2014–2015	0,184	0,291	0,201	0,099	0,266	0,172
2015–2016	0,121	0,765	0,229	0,902	0,963	0,146
2016–2017	0,061	0,493	0,129	0,127	0,945	0,388
2017–2018	0,131	0,253	0,132	0,439	0,564	0,547
2018–2019	0,079	0,285	0,156	0,206	0,385	0,190
2019–2020	0,072	0,552	0,049	0,240	0,118	0,209
2020–2021	0,145	0,416	0,285	0,409	0,048	0,307
2013–2021	0,347	0,833	0,428	0,798	0,382	0,628

Источник: [Нуждин, Дмитриев 2026].

Анализ по мясной продукции показывает волатильность значений индекса Рябцева: пиковое значение 0,765 (2015–2016 гг.) указывает на формирование противоположного типа структуры (как и за весь период в целом). На 77,6% различия структур 2013 и 2021 гг. объясняются вкладом Ставропольского края, покинувшего (как и Москва и Санкт-Петербург) к концу рассматриваемого периода тройку лидеров [Нуждин, Дмитриев 2026].

Изменение значений индекса Рябцева по масложировой продукции отражает более стабильную структуру экспорта из регионов России в Африку по сравнению с мясной продукцией. Анализ вклада отдельных регионов в совокупное структурное изменение показывает, что последнее было на 57,8% обусловлено вкладом Ростовской области, на 22,3% – Калининградской и на 16,3% – Белгородской (поднявшейся с девятого места на третье) [Нуждин, Дмитриев 2026].

Индекс Рябцева по продукции пищевой и перерабатывающей промышленности демонстрирует высокую волатильность с одним экстремальным пиком в 2016 г. Анализ вклада отдельных субъектов РФ в

совокупное структурное изменение показывает, что определяющим фактором выступила динамика Ленинградской области (объясняет 80,2% общего сдвига); существенно меньший вклад обеспечили изменения доли Санкт-Петербурга (9,2%) и Московской области (4,2%) [Нуждин, Дмитриев 2026].

Таблица 2.2.7 – Субъекты РФ – лидеры по экспорту продукции АПК

Статья экспорта	Лидеры (доля в объеме экспорта соответствующей продукции в Африку, %)	
	2013 г.	2021 г.
Зерно	Москва (39,2)	Ростовская область (43,7)
	Краснодарский край (28,3)	Краснодарский край (34,1)
	Ростовская область (19,4)	Москва (13,6)
Мясо	Ставропольский край (95,9)	Пензенская область (35,7)
	Санкт-Петербург (2,5)	Брянская область (23,9)
	Москва (1,6)	Московская область (13,9)
Масло	Ростовская область (51,3)	Калининградская область (42,3)
	Калининградская область (22,1)	Ростовская область (18,8)
	Санкт-Петербург (8,7)	Белгородская область (17,3)
Пищевая продукция	Ленинградская область (66,5)	Санкт-Петербург (39,9)
	Санкт-Петербург (17,6)	Московская область (15,1)
	Краснодарский край (11,6)	Калининградская область (10,3)
Рыба	Сахалинская область (45,5)	Приморский край (70,7)
	Приморский край (40,0)	Хабаровский край (14,8)
	Мурманская область (10,7)	Сахалинская область (12,6)
Прочее	Краснодарский край (49,2)	Ростовская область (24,0)
	Москва (18,2)	Воронежская область (21,3)
	Ростовская область (18,0)	Липецкая область (19,3)

Источник: [Нуждин, Дмитриев 2026].

По рыбе и морепродуктам индекс Рябцева характеризуется экстремальной волатильностью с двумя очень существенными сдвигами в 2015–2016 и 2016–2017 гг. (полная противоположность структур), за которыми следовала стабилизация. За весь период общая трансформация структуры была обусловлена вкладом Сахалинской области – на 46,3%, на 40,5% – Приморского и на 9,4% – Хабаровского краев. Упомянутые выше сдвиги носили не системный, а, скорее, случайный характер: в 2016 г. рыба не экспортировалась в Африку из субъектов Дальневосточного федерального округа, хотя за весь рассматриваемый период в целом вклад последних в общий объем экспорта соответствующей продукции вырос с 89,0% в 2013 г. до 98,1% в 2021 г. [Нуждин, Дмитриев 2026].

Региональная структура экспорта прочей продукции АПК характеризуется весьма значительной трансформацией за рассматриваемый период. Анализ вкладов отдельных регионов показывает, что ключевыми драйверами перестройки выступили Краснодарский край (57,4% общего сдвига), Воронежская (17,0%) и Липецкая (14,0%) области [Нуждин, Дмитриев 2026].

На основе сопоставления результатов расчета *МИМ*, индекса Рябцева и анализа фактической структуры экспортных потоков можно заключить, что для федеральных округов и субъектов Российской Федерации, не имеющих устойчивой специализации на экспорте зерновых культур, экономически необоснованно наращивать поставки этих товаров в ущерб собственной рентабельности; целесообразно сосредоточиться на раскрытии и использовании их собственных сравнительных преимуществ (таблица 2.2.8).

В этой связи более обоснованной представляется стратегия, ориентированная на структурную адаптацию экспортного профиля региона за счет выявления, укрепления и коммерциализации собственных сравнительных преимуществ. Речь идет о развитии тех товарных позиций и цепочек создания стоимости, где регион обладает относительно более благоприятным сочетанием ресурсной базы, технологических компетенций, инфраструктурной обеспеченности и доступа к рынкам сбыта.

Таблица 2.2.8 – Возможная специализация «отстающих» федеральных округов

Округ	Сильная сторона (факторы конкурентоспособности)	Возможный экспортный фокус
Дальневосточный (ДФО)	Рыбные ресурсы, близость к портам; подходящие климатические условия для выращивания сои и рапса	Рыба и морепродукты в сочетании с глубокой переработкой, соевые бобы, органические продукты
Северо-Кавказский (СКФО)	Традиции, благоприятные агроклиматические условия; садоводство, эфиромасличные культуры	Фрукты, орехи, эфирные масла, халяльная продукция
Сибирский (СФО)	Холодостойкие зернобобовые, льняное масло, малая плотность населения (экологичность)	Пищевые ингредиенты из льна, чечевицы, пшеницы твердых сортов
Уральский (УрФО)	Глубокая переработка масличных	Масложировая продукция в розливе/бутилировании; комбикорма

Составлено автором.

С точки зрения теории международной торговли – в особенности в контексте модели сравнительных преимуществ и концепции «новой экономической географии» П. Кругмана [Krugman, 1991] – повышение пространственно-товарной диверсификации экспорта полезно лишь до тех пор, пока предельное уменьшение ценовых или политических рисков превышает рост транзакционных и управленческих издержек. Эмпирические данные по российскому аграрному экспорту указывают, что после определенного порога расширение ассортимента и числа направлений поставок приводит к убывающей отдаче: усиливаются расходы на сертификацию, маркетинг, логистику, а также на

управление валютными и правовыми рисками каждой новой товарной линии.

Следовательно, диверсификация экспортных потоков не должна рассматриваться в качестве самоцели: функционирующий через Южный, Центральный и Северо-Западный федеральные округа зерновой коридор обладает выраженным эффектом масштаба, и целенаправленное его ослабление ради формального обеспечения пространственной равномерности поставок представляется нецелесообразным.

Для федеральных округов, чья доля в экспорте продукции АПК остается низкой, целесообразно опираться на сравнительные преимущества, а не стремиться повторить зерновую модель. Так, рыбные ресурсы и наличие портов позволяют Дальневосточному округу ориентироваться на высокую степень переработки рыбы и соевых бобов; плодородие земель и развитое садоводство Северного Кавказа формируют потенциал экспорта фруктов, орехов и эфиромасличных культур; климатические особенности Сибири создают нишу для холодостойких зернобобовых и продукции с экологическим позиционированием; технологические мощности Урала подходят для глубокой переработки масличных, а Поволжье способно расширять поставки птицеводческой и молочной продукции.

Диверсификация экспортного спектра агропромышленной продукции утрачивает экономическую целесообразность, когда совокупные выгоды от ввода новых товарных позиций оказываются ниже прироста издержек и выпадающей маржи. Можно выделить несколько ключевых факторов такой неэффективности:

- 1) каждая новая товарная позиция требует отдельного комплекса процедур: ветеринарно-санитарной сертификации, адаптации логистической цепочки, контрактации страхового покрытия и маркетингового продвижения. В результате возрастает доля накладных расходов в структуре себестоимости, а предельная прибыль снижается. Так, по оценкам Национальной мясной ассоциации, только в сфере мясного экспорта транзакционные издержки (валютные платежи, страхование, дополнительная отчетность) достигают 4–6% оборота, «съедая» большую часть ценовой премии [План съедобен ..., 2025];

2) риск «каннибализации» внутренних преимуществ. Если регионы, обладающие сходными ресурсами, начинают одновременно наращивать выпуск идентичного продукта, они конкурируют между собой на внешнем рынке, снижая экспортную цену и маржу всей страны. В зерновом сегменте это проявляется в соперничестве ЮФО и ЦФО, где рост производства пшеницы совпал с уменьшением числа компаний-экспортеров и снижением цен предложения FOB (Free On Board). Аналитики Российского зернового союза фиксируют, что высокая внутренняя конкуренция стала одной из главных причин ухода небольших трейдеров и падения рентабельности отгрузок [Экспортные ..., 2024];

3) концентрация нескольких продуктовых потоков в ограниченном числе портовых узлов увеличивает подверженность системным рискам: инфраструктурные сбои, неблагоприятные погодные условия, санкционные ограничения [Африка ..., 2021] в одном коридоре способны дестабилизировать значительную часть поставок.

Диверсификация поставщиков и продуктов на мировом продовольственном рынке становится имманентной необходимостью для предотвращения глобального продовольственного кризиса [Дерюгина, 2024]. В этом контексте диверсификация российского сельскохозяйственного экспорта в Африку целесообразна там и постольку, где/когда это создает устойчивый прирост добавленной стоимости и снижает риски, а не ради самого показателя. В современных условиях рациональным представляется развитие экспортной специализации на базе сравнительных преимуществ каждого федерального округа Российской Федерации.

Следовательно, для российского аграрного экспорта диверсификация должна выступать инструментом повышения эффективности и устойчивости, а не самоцелью. Оптимальной представляется модульная конфигурация: сохранение лидирующей зерновой специализации ЮФО, ЦФО и СЗФО; развитие нишевых и высокомаржинальных направлений в ДФО, СКФО и СФО; а также углубление переработки и логистической интеграции в УрФО и ПФО. Ключевым индикатором успешности выбранной стратегии следует считать не формальное

увеличение числа товарных позиций, а устойчивое улучшение соотношения валютной выручки к совокупным ресурсным затратам (производство, переработка, логистика, финансовые издержки) и подтверждаемую устойчивость экспортных потоков к внешним шокам и ограничениям.

2.3. Конечные звенья экспортных цепочек: пространственная дифференциация стран Африки

Сельскохозяйственный сектор остается системообразующей отраслью экономики Африки: на него приходится около трети совокупного ВВП Африки, а занятость в нем обеспечивает средства к существованию примерно половине населения [World Economic ..., 2023]. Продовольственная безопасность давно превратилась в центральный элемент академического и политического дискурса об Африке, однако вопросы доступности продовольствия, соблюдения санитарных стандартов, а также хронические формы недоедания и голода продолжают сохранять остроту на протяжении последних десятилетий.

Устойчивая продовольственная безопасность Африки зависит от преодоления целого комплекса взаимосвязанных природно-климатических и социально-экономических барьеров. Основными факторами нарушения продовольственной безопасности стали: сокращение доступа к технологическим инновациям в наименее развитых странах, нарушения в логистических цепочках поставок продовольствия; политическая нестабильность, региональные и этноконфессиональные конфликты; связанное с ними ухудшение экономической и физической доступности продовольствия; усиление неравенства, бедности; усиление деградации ресурсов, необходимых для производства сельскохозяйственной продукции, климатические изменения, погодные аномалии [Дерюгина, 2023].

К ключевым ограничениям продовольственной безопасности Африки относятся регулярные засухи (Сахаро-Сахельская зона, Судан, Африканский Рог, Кения, Мадагаскар и др.), а также недоиспользование значительной части потенциально пригодных земель (до 60%) вследствие дефицита ирригации,

низкой обеспеченности удобрениями, эрозии почв и процессов опустынивания [Глава ..., 2023]. На всей территории Африки к югу от Сахары орошением охвачено лишь около 4% обрабатываемых земель, тогда как в Азии – 47% [You, 2008]. Серьезной проблемой остается истощение почвенного плодородия [Исаев, Филоник, 2020]: средний уровень внесения удобрений в странах Африки южнее Сахары – около 20 кг/га, что в 10–15 раз ниже показателей Восточной и Южной Азии и Латинской Америки [Towards ..., 2022].

Дополнительным фактором выступает ориентация части земель на технические и экспортные культуры (хлопок, каучук и др.), из-за чего потребности в зерновых (пшеница, рис, кукуруза) во многих странах покрываются за счет импорта. Средняя урожайность зерновых в Африке (1,65 т/га) в 2,5 раза ниже мирового уровня (≈ 4 т/га), а потенциал повышения урожайности при оптимальном водо- и агрохимическом обеспечении оценивается в 60–90% [Feed ..., 2016; Ongoma et al., 2025]. При этом многие страны Африки южнее Сахары попали в так называемую пшеничную ловушку: в [Andrae, Beckman, 1986] на примере Нигерии показано, что ориентация потребительского спроса на пшеницу, слабо приспособленную к местным агроклиматическим условиям, приводит к устойчивой импортозависимости и «вытеснению» традиционных культур из рациона.

На фоне демографического роста и усиления антропогенной нагрузки деградирует кормовая база, сужаются возможности экстенсивного расширения пашни и пастбищ; при слабой интенсификации это ухудшает перспективы наращивания собственного производства. Сохранение продовольственной базы осложняется сокращением ресурсов дикой флоры и фауны под давлением демографического роста, браконьерства и вооруженных конфликтов, что усиливает потребность в ресурсосберегающих технологиях [Njoku, 2025]. Изменение климата, разрастание пахотных земель и разработка природных ресурсов, увеличение поголовья стад и другие факторы приводят к росту конкуренции за земельные и водные ресурсы между фермерами и скотоводами [Гаврилова, Мухаметзянов, 2021].

В результате Африканский континент сохраняет статус нетто-импортера продовольствия: при текущей динамике внутреннее производство не компенсирует роста спроса, а импорт продовольствия на уровне \$55 млрд в год может удвоиться к 2030 г. [Продовольственный ..., 2023].

Недавние глобальные потрясения, дестабилизировавшие международную обстановку, лишь подчеркнули уязвимость африканских продовольственных систем. В докладе продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) за 2019 г. отмечалось, что позитивный тренд на сокращение голода остановился еще в середине 2010-х, особенно на фоне падения мировых цен на сельхозпродукцию в 2014–2018 гг. [The State of Food ..., 2019]. Последующие доклады фиксируют сохранение высокой напряженности: в 2023 г. голод затрагивал порядка 733 млн человек (≈ 1 из 11 – в мире и 1 из 5 – в Африке) [The State of Food ..., 2024]; в 2024 г. показатель снизился до 673 млн человек (8,3% населения мира), однако региональная динамика остается неоднородной – в Африке голод продолжает расти: доля населения, сталкивающегося с голодом, превысила 20% (около 307 млн человек) [The State of Food ..., 2025]. 31 страна Субсахарской Африки фигурирует в рейтинге стран по индексу скрытого голода, отражающему дефицит цинка, железа и витамина А [Global ..., 2023].

Рост объемов выпуска сельскохозяйственной продукции в прошлом десятилетии в Африке обеспечивался, главным образом, за счет расширения пахотных площадей, а не повышения эффективности использования земель [Sanchez, 2002]. Исключение демонстрирует Эфиопия, где благодаря широкому внедрению высокопродуктивных сортов и реализации правительственной программы ускоренного роста сельского хозяйства фиксируется значительный прирост урожайности [Abate et al., 2015].

С учетом прогнозируемого более чем двукратного роста населения стран Субсахарской Африки к середине века достижение Цели устойчивого развития № 2 – ликвидации голода, улучшения питания и обеспечения продовольственной безопасности на основе устойчивого сельского хозяйства – выступает первостепенной стратегической задачей. Согласно оценкам, прогнозам ОЭСР–

ФАО на 2024–2033 гг., субсахарский регион уже является наиболее продовольственно небезопасным в мире и «все более зависит от импортных поставок для удовлетворения растущих потребностей населения» [OECD–FAO ..., 2024]. В базовом сценарии чистый импорт зерновых к 2030 г. увеличится не менее чем на 15–20% по отношению к уровню 2020 г., что превращает устойчивые внешние источники снабжения в критический фактор континентальной продовольственной безопасности.

На этом фоне даже в условиях внешнеэкономических ограничений, выражающихся в санкционном давлении и усложнении логистических цепочек, РФ укрепила свои позиции в качестве одного из ключевых поставщиков зерна и масложировой продукции на африканский рынок: совокупный объем экспорта отечественной продукции АПК в государства континента в 2024 г. превысил \$7 млрд, что на 19% выше уровня 2023 г. [Экспорт российской ..., 2025]. Санкционные ограничения, уход ряда глобальных перевозчиков с российского рынка и необходимость перестройки логистических маршрутов не привели к снижению закупок. Более того, отраслевые прогнозы указывают на потенциал дополнительного увеличения спроса почти на 16 млн т зерновых в течение ближайшего десятилетия, что открывает дальнейшие возможности для наращивания российского агроэкспорта [Россия может увеличить экспорт ..., 2025].

В 2024 г. число африканских стран–покупателей агропромышленной продукции из России составило 45, что почти на 5% больше, чем годом ранее (Таблица 2.3.1). Тем не менее для преобладающего числа африканских стран характерны небольшие объемы получаемой продукции (Таблица 2.3.2). Ключевым контрагентом для России остается Египет [Мухаметзянов, Сторожев, Платоновский, Снегирев, 2023], аккумулирующий около 42% совокупного объема аграрных поставок нашей страны на континент [Названы ..., 2024]. Наблюдается поступательный рост группы африканских государств (Таблица 2.3.3), на которые приходится умеренная доля российских аграрных поставок (от 1% до 5%).

Таблица 2.3.1 – Динамика числа африканских стран–импортеров российской агропромышленной продукции в 2013–2024 гг.

Год	Число стран–импортеров	Относительное изменение к предыдущему году, %	Кумулятивное отклонение от уровня 2013 г., %
2013	34	–	–
2014	39	+14,7	+14,7
2015	40	+2,6	+17,6
2016	43	+7,5	+26,5
2017	45	+4,7	+32,4
2018	44	–2,2	+29,4
2019	41	–6,8	+20,6
2020	42	+2,4	+23,5
2021	47	+11,9	+38,2
2022	43	–8,5	+26,5
2023	43	0,0	+26,5
2024	45	+4,7	+32,4

Рассчитано и составлено автором по: [Названы ..., 2024; Россия увеличила объем ..., 2023; РФ поставляет ..., 2025; Экспорт и импорт ..., 2024].

Такая динамика указывает, с одной стороны, на сохранение высокой концентрации потоков на крупных и стабильных импортерах, а, с другой – на расширение географии сбыта и постепенное укрепление диверсификации экспортных направлений. Даже при доминировании традиционных рынков Северной Африки, в структуре торговли формируются новые, менее емкие, но перспективные ниши, связанные с Кенией, Нигерией, Тунисом, ЮАР и другими странами [там же].

Таблица 2.3.2 – Страны-лидеры в общем ценовом объеме экспорта российской сельскохозяйственной продукции в Африку*

Год (общий объем экспорта, \$ млрд)	1 место (доля, %)	2 место (доля, %)	3 место (доля, %)	4 место (доля, %)	5 место (доля, %)
2013 (1,8)	Египет (48,2)	Ливия (9,7)	ЮАР (7,5)	Кения (6,6)	Судан (5,2)
2014 (3,0)	Египет (46,3)	Судан (8,4)	Нигерия (6,9)	ЮАР (6,7)	Алжир (5,1)
2015 (2,3)	Египет (44,8)	Нигерия (8,0)	ЮАР (7,6)	Алжир (6,4)	Ливия (5,8)
2016 (2,6)	Египет (46,6)	Нигерия (9,8)	Судан (7,0)	Алжир (6,4)	Марокко (4,9)
2017 (3,6)	Египет (49,6)	Судан (9,2)	Нигерия (7,3)	Алжир (6,7)	Танзания (3,4)
2018 (4,6)	Египет (46,6)	Судан (10,2)	Нигерия (9,0)	Алжир (3,8)	Кения (3,5)
2019 (3,1)	Египет (46,9)	Судан (7,9)	Нигерия (6,1)	Алжир (4,3)	Марокко (3,8)
2020 (4,0)	Египет (48,7)	Судан (8,5)	Нигерия (5,5)	Танзания (3,9)	Алжир (3,6)
2021 (4,3)	Египет (42,9)	Алжир (7,9)	Судан (6,7)	Нигерия (6,5)	Ливия (6,3)
2022 (4,7)	Египет (47,4)	Алжир (14,9)	Ливия (10,5)	Судан (9,0)	Кения (3,9)
2023 (6,0)	Египет (42,0)	Алжир (14,0)	Ливия (10,0)	Судан (6,4)	Кения (6,0)
2024 (7,0)	Египет ($\approx$ 43,0)	Алжир ($\approx$ 12,0)	Ливия ($\approx$ 7,0)	Кения ($\approx$ 7,0)	Тунис ($\approx$ 4,0)

* Страновые показатели на 2024 г. рассчитаны путем аппроксимации значений 2023 г.

Рассчитано и составлено автором по: [Дайджест ..., 2025; Курс ..., 2023; Минсельхоз: российских ..., 2024; Экспорт и импорт ..., 2024].

Таблица 2.3.3 – Число стран с умеренной и низкой долей объема получаемой продукции

Год	Число стран с умеренной долей (1–5%)	Число стран с низкой долей (менее 1%)
2013	6	23
2014	7	27
2015	8	27
2016	9	30
2017	11	29
2018	13	28
2019	10	28
2020	14	25
2021	10*	32

*Тунис, Камерун, Танзания, ДРК, Кения, Сенегал, Эфиопия, Гана, Ангола, Марокко.

Рассчитано и составлено автором по: [Экспорт и импорт ..., 2024].

Высокая концентрация российского агроэкспорта на небольшом числе северо-африканских импортеров остается высокой: пять стран-лидеров аккумулируют около 4/5 валютной выручки, хотя доля остальных стран медленно растет за счет Танзании и Нигерии.

Структура товарного портфеля в 2021 г. была менее диверсифицирована, чем в 2022–2024 гг.: на зерно приходилось ~83% экспортной выручки против ~76% в 2024 г. Пространственный сдвиг в сторону Восточной и Южной Африки начал проявляться именно в 2021 г., что затем отразилось в резком приросте поставок в Кению и Танзанию в 2023–2024 гг., когда объемы экспорта в эти страны увеличились более чем в 1,5 раза по сравнению с докризисным уровнем [Курс ..., 2023; Минсельхоз: российских ..., 2024]. Доля африканских стран БРИКС в нынешних границах объединения (ЮАР, Египет, Эфиопия) в общем объеме экспорта российской продукции АПК в Африку снижалась (не увеличивалась) по всем группам товаров: особенно сильное падение имеет место

по продукции пищевой промышленности (таблица 2.3.4).

Таблица 2.3.4 – Страны Африки–лидеры по импорту продукции российского АПК

Статья импорта	Страны–лидеры (доля в объеме импорта соответствующей продукции из России, %)	
	2013 г.	2021 г.
Зерно	Египет (40,3)	Египет (44,2)
	Ливия (12,8)	Нигерия (7,2)
	ЮАР (9,1)	Ливия (7,0)
	<i>Страны БРИКС (49,4)</i>	<i>Страны БРИКС (47,1)</i>
Мясо	Гана (53,6)	Бенин (28,5)
	Либерия (28,6)	Марокко (23,9)
	Габон (8,9)	ДРК (13,1)
	<i>Страны БРИКС (–)</i>	<i>Страны БРИКС (0,0)</i>
Масло	Египет (76,8)	Египет (43,2)
	Алжир (17,8)	Алжир (36,1)
	Марокко (4,1)	Судан (14,6)
	<i>Страны БРИКС (76,8)</i>	<i>Страны БРИКС (43,2)</i>
Пищевая продукция	Египет (65,4)	Ливия (48,4)
	Марокко (14,9)	Нигерия (10,4)
	ЮАР (13,3)	Тунис (8,2)
	<i>Страны БРИКС (80,9)</i>	<i>Страны БРИКС (9,7)</i>
Рыба	Нигерия (100,0)	Нигерия (66,3)
	–	Кот-д’Ивуар (29,3)
	–	Гана (2,1)
	<i>Страны БРИКС (–)</i>	<i>Страны БРИКС (–)</i>
Прочее	Египет (47,5)	Египет (37,9)
	Мали (47,0)	Алжир (31,8)
	Танзания (2,4)	Кот-д’Ивуар (7,2)
	<i>Страны БРИКС (49,3)</i>	<i>Страны БРИКС (41,0)</i>

Источник: [Нуждин, Дмитриев 2026].

На уровне официальных документов африканские государства все отчетливее стремятся не только полностью удовлетворять собственный спрос на продовольствие, но и превратиться в одного из ключевых игроков мирового зернового рынка. Эта позиция зафиксирована в Дакарской декларации саммита «Feed Africa: Food Sovereignty and Resilience» (Dakar II, 25–27 января 2023 г.), где главы 34 стран подчеркивают, что «пришло время Африке кормить себя и мир», и обязуются довести бюджетное финансирование аграрного сектора минимум до 10% общих государственных расходов [Dakar ..., 2023]. Указанный норматив дословно воспроизводит обязательство, принятое двадцатью годами ранее в Декларации о сельском хозяйстве и продовольственной безопасности в Африке (Мапуту, 2003 г.) [Declaration ..., 2003], а впоследствии подтвержден в министерской декларации 32-й Региональной конференции ФАО по Африке (Малабо, 11–14 апреля 2022 г.) [Report ..., 2022].

Анализ динамики МИМ по странам Африки показывает, что пространственная диверсификация российского аграрного импорта в Африку на протяжении 2013–2021 гг. остается практически неизменной (Рисунок 2.3.1). Это позволяет говорить о сбалансированном присутствии российских товаров в странах Африки (прежде всего – на ключевых рынках Северной и Северо-Восточной Африки).

Расчет МИМ только для зернового сегмента демонстрирует аналогичную устойчивость: индекс стабильно удерживается на уровне, свидетельствующем о равномерном распределении потоков по странам (Рисунок 2.3.1). Поскольку зерновые культуры формируют основную часть экспортной выручки (свыше 80% по итогам 2024 г.) [Аграрный ..., 2024], динамика индекса по этому сегменту практически полностью совпадает с изменениями совокупного значения МИМ для всего экспорта продукции АПК.

В течение рассматриваемого периода порядка 90% российского экспорта зерновых культур в Египет формировалось тремя крупнейшими регионами-экспортерами: Москвой, Краснодарским краем и Ростовской областью. При этом удельный вес Москвы в региональной структуре поставок снизился более чем в

три раза – с 38,3% в 2013 г. до 12,1% в 2021 г., тогда как позиции Ростовской области в тот же период усилились, что еще раз подчеркивает смещение центров оформления и логистического сопровождения экспортных операций в пользу юга России.

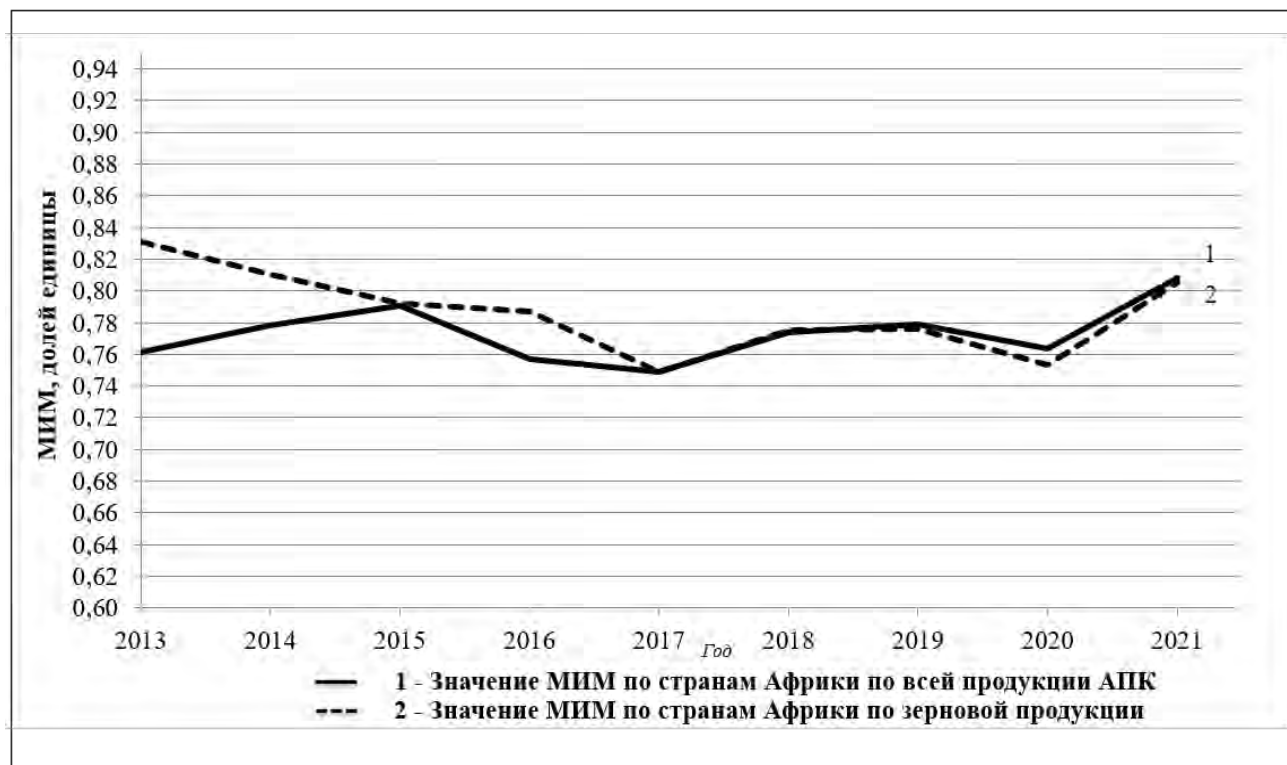

Рисунок 2.3.1 – Динамика значений МИМ по странам Африки по степени диверсификации импорта всей сельскохозяйственной продукции (1) и зерновой продукции (2) из России в ценовом выражении

Рассчитано и составлено автором по: [Экспорт и импорт ..., 2024].

Структурно российский аграрный экспорт в Африку остается «зерноцентричным», при этом объем поставок масложировой продукции на фоне зерновых снижался. Остальные отрасли АПК (рыба и морепродукты, мясная и молочная промышленность, продукция пищевой и перерабатывающей промышленности, продукция прочей продукции АПК) составляют лишь 3–4% общего объема экспорта АПК [Нуждин, 2025b]. Представленные на Рисунке 2.3.2 результаты свидетельствуют, что при стабильности и «равномерности» зерновых и масложировых поставок остальные некрупные товарные категории

демонстрируют поступательный рост диверсификации.

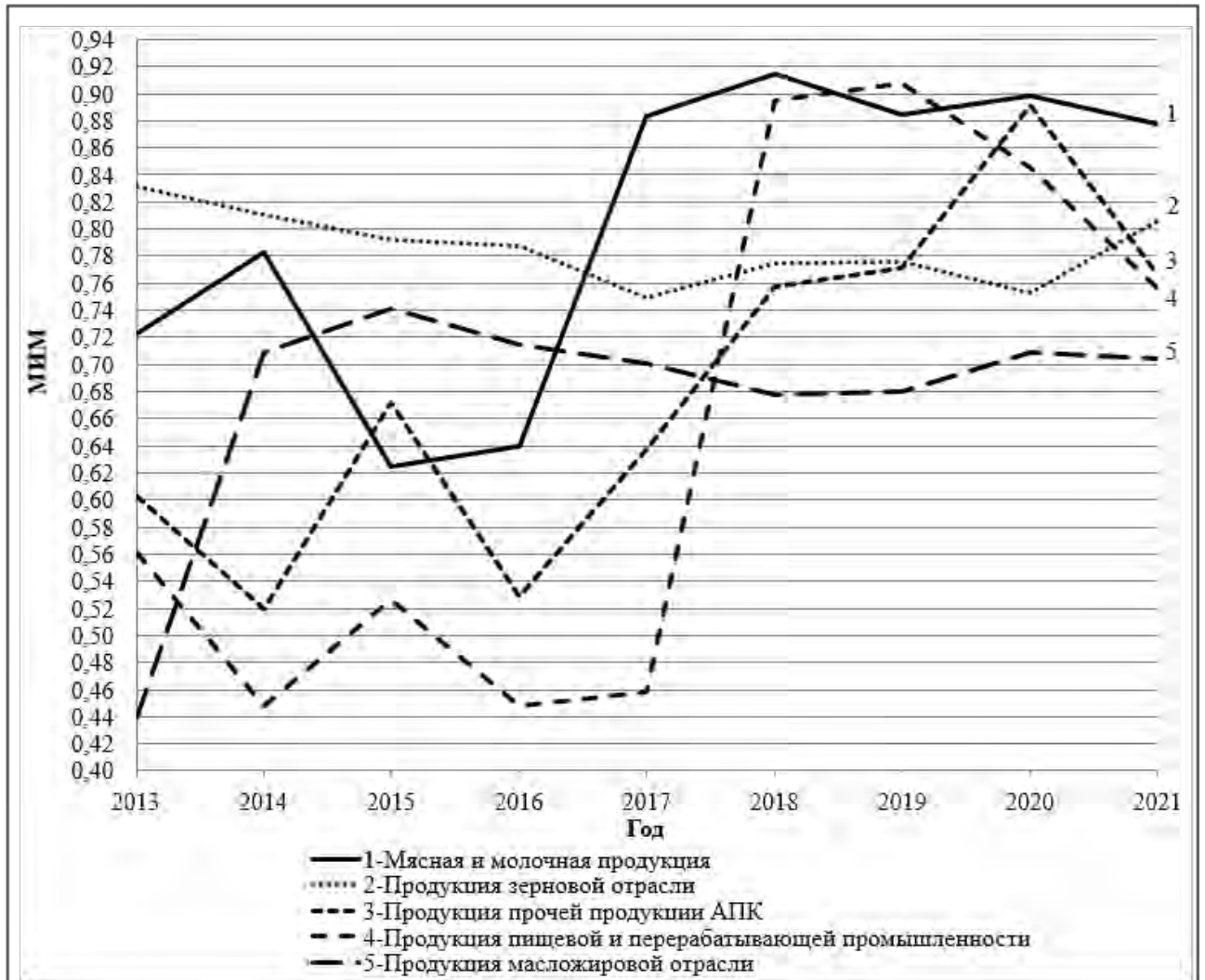

Рисунок 2.3.2 – Значение МИМ Африки по степени диверсификации экспорта 5 групп товаров АПК в ценовом выражении

Источник: [Нуждин, 2025b].

Расчет МИМ для сегмента рыбы и морепродуктов на Рисунке 2.3.2 намеренно не представлен, поскольку до 2020 г. свыше 90% соответствующих поставок приходилось на Нигерию; при такой экстремальной концентрации показатель утрачивает аналитическую ценность. Начиная с 2021 г. пространство экспортных потоков стало расширяться (в том числе за счет Бенина, Ганы и Кот-д’Ивуара), что обусловило снижение уровня концентрации и постепенное повышение диверсификации этого товарного направления.

Несмотря на указанные изменения, общий уровень пространственной концентрации экспортных потоков по странам Африки остается практически неизменным; это указывает на ориентацию российского аграрного экспорта на определенный набор основных рынков (Египет, Алжир, Судан, Кения и др.) и подтверждает устойчивость внешнеэкономической политики России, а также стабильные предпочтения отечественных экспортеров.

Наиболее значительные изменения пространственной структуры импорта странами Африки за весь рассматриваемый период имели место по мясной, пищевой и прочей продукции; менее выраженные – по зерну, маслу и рыбе (таблица 2.3.5).

Таблица 2.3.5 – Значения индекса Рябцева по импорту африканскими странами продукции АПК из России, 2013–2021 гг.

<i>Период</i>	<i>Зерно</i>	<i>Мясо</i>	<i>Масло</i>	<i>Пищевая продукция</i>	<i>Рыба</i>	<i>Прочее</i>
2013–2014	0,123	0,514	0,164	0,112	0,001	0,252
2014–2015	0,083	0,251	0,246	0,076	0,004	0,143
2015–2016	0,098	0,949	0,118	0,058	0,004	0,158
2016–2017	0,077	0,390	0,055	0,052	0,002	0,166
2017–2018	0,043	0,475	0,069	0,459	0,063	0,422
2018–2019	0,051	0,384	0,025	0,241	0,074	0,498
2019–2020	0,040	0,444	0,091	0,297	0,024	0,708
2020–2021	0,100	0,486	0,030	0,239	0,245	0,237
2013–2021	0,168	0,798	0,309	0,851	0,261	0,562

Источник: [Нуждин, Дмитриев, 2026].

Обращает на себя внимание тот факт, что изменение значения индекса Рябцева по каждой статье экспорта/импорта продукции АПК в Африку за весь рассматриваемый период было большим у субъектов РФ (см. таблицу 2.2.6) по сравнению со странами континента. Существенный уровень различий структур, образованных странами Африки – импортерами российского зерна в 2013 и

2021 гг., на 29,8% был обусловлен изменением (падением) доли ЮАР; значительный уровень по маслу на 67,3% и весьма значительный уровень по пищевой продукции на 55,3% – изменением (падением) доли Египта (таблица 2.3.4) [Нуждин, Дмитриев, 2026].

Графики годовых изменений для двух совокупностей на Рисунке 2.3.3 в значительной степени повторяют друг друга (исключая в значительной степени случайные пики по экспорту рыбы и пищевой продукции субъектами РФ, несколько нивелированные на графиках скользящих средних значений за два периода). Трансформация по другим экспортным статьям, однако, связана в первую очередь со странами Африки, не входящими в БРИКС. Так, противоположный тип структур в 2013 и 2021 гг. по мясу на 51,3% был обусловлен изменением (падением) доли Ганы; существенный уровень по рыбе на 54,8% – изменением (падением) доли Нигерии; весьма значительный уровень по прочей продукции на 65,0% – изменением (падением) доли Мали [Нуждин, Дмитриев 2026].

В целом, результаты по субъектам РФ и странам Африки показывают, что пространственная организация экспорта продукции российского АПК в Африку в 2013–2021 гг. формируется ограниченным набором ключевых узлов как на стороне предложения (2–3 ведущих региона РФ в каждой группе товаров АПК), так и на стороне спроса (как правило, 2–4 ведущих страны–импортера).

***

В главе показано, что российский аграрный экспорт в страны Африки в последние годы развивается как одно из наиболее динамичных направлений внешней торговли, однако его рост сопровождается сохранением структурных основ и высокой пространственной концентрации. Российский аграрный экспорт в страны Африки характеризуется устойчивым ростом поставок, преобладанием зернового сегмента при постепенном расширении товарной структуры, использованием комплекса гибридных политико-экономических механизмов стимулирования, а также поэтапной трансформацией логистической инфраструктуры в условиях внешнеэкономической нестабильности.

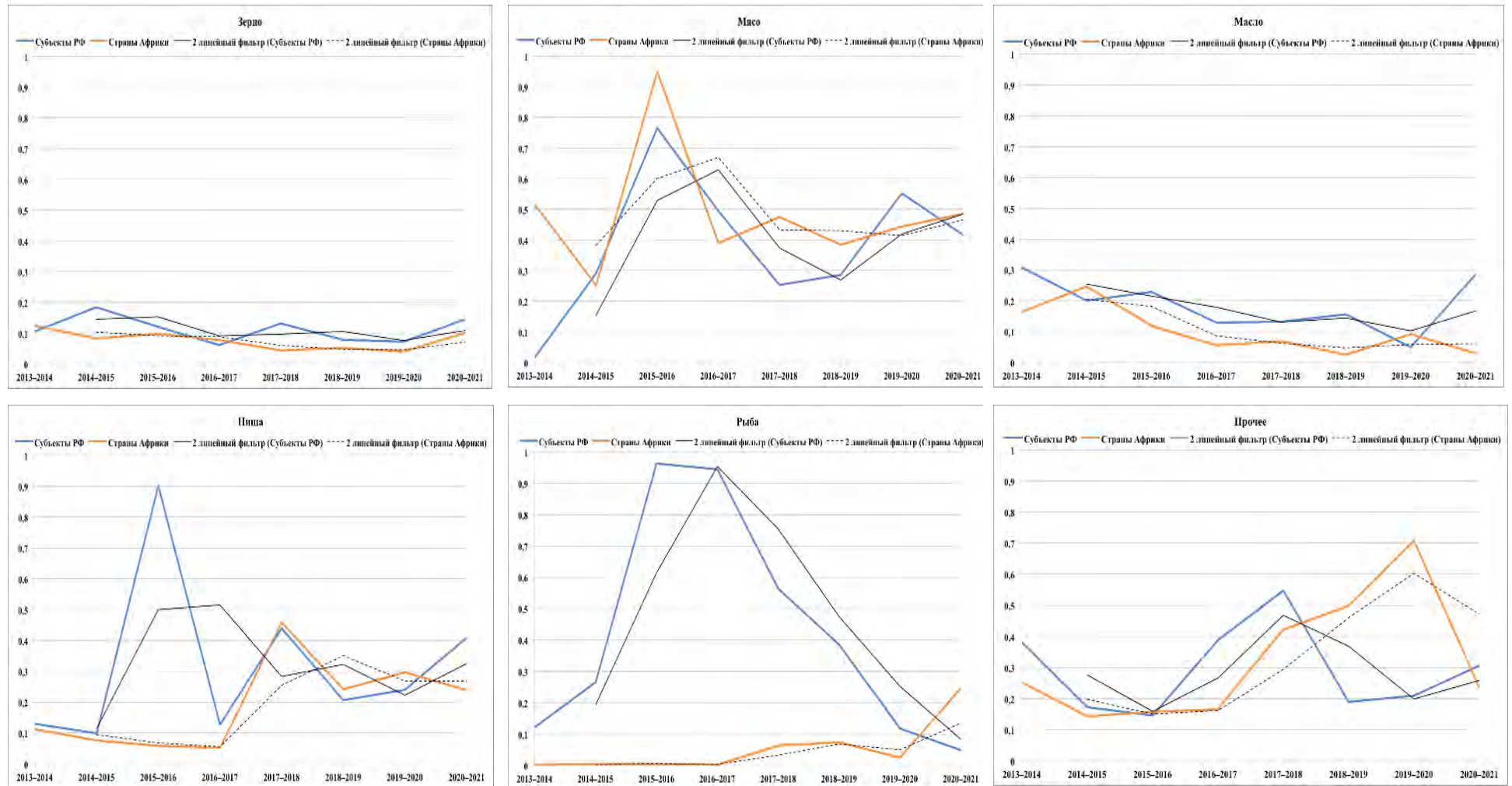

Рисунок 2.3.3 – Изменение значений индекса Рябцева по субъектам РФ и странам Африки в разрезе групп экспортных отраслей за период 2013–2021 гг.

Источник: [Нуждин, Дмитриев 2026].

Для африканского континента жизненно важно поступление сельскохозяйственной продукции извне для решения вопросов продовольственной безопасности. Экспорт продукции АПК за последние годы из России в Африку имеет тенденцию к увеличению, и это может свидетельствовать о том, что в будущем поставки будут только увеличиваться, а сотрудничество – расширяться.

Пространственная организация российского аграрного экспорта в страны Африки характеризуется высокой устойчивостью: ее ядро формируют субъекты, одновременно обладающие значительным ресурсно-производственным потенциалом и развитой внешнеторговой инфраструктурой, тогда как периферийные регионы принимают участие в экспорте преимущественно посредством транзитных операций и услуг переработки. Такая концентрация обеспечивает эффект масштаба и минимизирует транзакционные издержки национальной экспортной системы, однако повышает ее уязвимость к локальным инфраструктурным и регуляторным сбоям. Следовательно, при сохранении экономически оправданной иерархии регионов-лидеров целесообразно планомерно диверсифицировать транспортно-логистические коридоры, расширяя возможности северо-западного, каспийского и дальневосточного направлений – тем самым снижая совокупные логистические и страховочные риски.

По числу регионов за анализируемый период отмечается увеличение как количественных показателей, так и объемов экспорта. Важно отметить значительный сдвиг в степени диверсификации в сторону юга и востока России как по федеральным округам, так и по отдельным регионам. Отстающими регионами по объемам экспорта продукции АПК в Африку являются субъекты УрФО, СФО, ПФО. Одним из возможных решений данной проблемы может стать развитие альтернативных направлений экспортной деятельности.

Уровень пространственной дифференциации поставок по африканским странам сохраняет постоянство и стабильность, что указывает на отсутствие существенных изменений в распределении экспортных потоков по различным

странам Африки. Эта ситуация свидетельствует о стратегической ориентации экспорта российского АПК на определенные рынки и демонстрирует устойчивые предпочтения российских экспортеров на африканском континенте.

Сопоставление пространственной структуры экспорта субъектами РФ и импорта африканскими странами показывает, что изменения в большинстве случаев происходят синхронно, то есть трансформация предложения со стороны российских регионов коррелирует с изменением структуры спроса. При этом структурная организация по отдельным товарным группам неоднородна: экспорт/импорт мяса, пищевой и «прочей» продукции более чувствителен к колебаниям рыночной конъюнктуры, чем структуры по зерну, маслу и рыбе. Имеет место более высокая инерционность сформированных направлений импорта африканскими странами, тогда как экспортная структура субъектов РФ в среднем менее инерционна и быстрее реагирует на внешние изменения.

Выявленные в ходе исследования особенности пространственной организации экспорта продукции АПК в страны Африки – высокая концентрация поставок в ограниченном числе регионов-лидеров, устойчивость ядра экспортной системы, неравномерная вовлеченность субъектов РФ и зависимость отдельных товарных потоков от конкретных транспортно-логистических коридоров – указывают на необходимость обязательного учета региональной компоненты при планировании торгово-экономических отношений со странами континента. Региональная структура экспорта определяет не только доступные логистические маршруты и потенциал масштабирования поставок, но и степень чувствительности экспортной системы к инфраструктурным ограничениям, внешним шокам и регуляторным изменениям. В связи с этим экспортная стратегия должна формироваться с учетом пространственной организации производства, переработки и логистики, а также реальной специализации отдельных регионов, что позволит более обоснованно соотносить товарные приоритеты с конкурентными преимуществами территорий.

Приоритеты дальнейшего развития российского аграрного экспорта на африканском направлении целесообразно связывать не с формальным

расширением товарной номенклатуры, а с повышением эффективности и устойчивости экспортной модели. Это предполагает реализацию комплекса адресных мер, включающего государственные гарантии, льготное кредитование и страхование экспорта, развитие концессионных механизмов в инфраструктурных и внешнеторговых проектах, создание условий для встречной торговли и расчетов в национальных валютах, а также активизацию договорно-правовой базы в сфере поощрения и защиты инвестиций [Абрамова, Фитуни, 2021]. Одновременно необходимы модернизация транспортно-логистической инфраструктуры, формирование специализированных экспортных кластеров по видам продукции, адаптация поставок к стандартам и требованиям целевых рынков, расширение каналов сбыта и внедрение цифровых решений в управление цепочками поставок. В качестве наиболее перспективной организационной основы выступает модель государственно-частного партнерства в сочетании с развитием двусторонних форматов взаимодействия, поскольку такой подход повышает управляемость проектов, усиливает адресность поддержки и создает условия для более устойчивого закрепления российских экспортеров на африканских рынках [там же].

ГЛАВА 3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ПРИСУТСТВИЯ ПРОДУКЦИИ РОССИЙСКОГО АПК В АФРИКЕ

3.1. Планирование пространственной реализации потенциала АПК

России: ориентиры, уровни, стратегии

Современная ситуация диктует необходимость выработки для РФ целостного набора мер, инструментов и подходов, направленных на достижение интегральной цели – устойчивого поступательного развития АПК через системный переход от импортозамещающей к экспортно-ориентированной модели [Иванова, 2018]. Нарастающий объем российских поставок в страны Африки служит конкретным подтверждением потенциала этой стратегии и подчеркивает актуальность переориентации экспорта и импорта на дружественные страны [Андреева и др., 2024]. Этот процесс требует системной работы по диверсификации экспортных цепочек, укреплению международных связей и адаптации региональных стратегий в разрезе федеральных округов, агломераций и регионов.

Учитывая диспропорцию между ограниченным внутренним спросом на сельскохозяйственную продукцию и значительными возможностями для возврата в оборот ранее неиспользуемых земельных массивов, становится актуальным активный поиск и расширение возможностей выхода на африканские рынки [Костяев, Трафимов, 2017]. Такой комплексный подход обеспечивает повышение устойчивости агропродовольственного сектора и способствует эффективному использованию регионального потенциала в условиях меняющейся глобальной конъюнктуры.

С одной стороны, отрасль в последние годы демонстрирует высокую устойчивость, с другой – сохраняет признаки нестабильного развития. Достигнутые результаты все еще не соответствуют масштабу аграрного потенциала страны, что требует:

– ускорения процессов импортозамещения в сегментах скотоводства, овощеводства и плодоводства;

– расширения вовлеченности ресурсно-сырьевой базы при одновременном повышении качественных характеристик и конкурентоспособности продукции за счет оптимального сочетания факторов интенсивного и экстенсивного роста;

– комплексной оптимизации структуры и качества питания населения, сокращения межрегиональной дифференциации, а также снижения удельного веса расходов домашних хозяйств на продукты питания (существенно превышающего уровень развитых экономик);

– уменьшения пространственной дифференциации [Костяев, 2023] уровня и качества жизни в сельской местности и профилактики депопуляционных и дезинтеграционных процессов в малонаселенных регионах с дефицитом транспортной связности;

– приоритетного развития сельских территорий и повышения оплаты труда работников АПК (в настоящее время – почти на треть ниже среднего по экономике), укрепления статуса сельского труда;

– активной замены импортируемых средств производства отечественными аналогами и наращивания материально-технической и логистико-инфраструктурной базы, ориентированной на внутренний и внешний рынки;

– снижения межотраслевой и межтерриториальной асинхронности динамики и повышения устойчивости к экзогенным и эндогенным рискам и шокам;

– обеспечения устойчивого увеличения рентабельности сельского хозяйства при инструментальной поддержке государства и повышении ресурсной эффективности;

– ускорения технико-технологической реновации и модернизационных процессов посредством наращивания инвестиций в основные фонды и оптимизации межотраслевых и внутриотраслевых ценовых механизмов.

Продовольственная безопасность, согласно мнению С.Ю. Барсуковой [2012], держится на трех смысловых китах: доля собственного производства по основным видам продовольствия, качество этого

продовольствия и его доступность для населения. Деполизитизация достигается за счет смещения фокуса проблемы от идеи внешней экспансии, от которой надо защищаться ростом собственного производства, к проблемам внутренним – не просто производить достаточно для продовольственной независимости, но уделять внимание качеству продуктов и их доступности.

Аргументы С.Ю. Барсуковой представляются весьма убедительными, однако, на наш взгляд, необходимо также акцентировать внимание на сложившейся ситуации нарастания пространственной поляризации в АПК, которая сопровождается смещением ключевых функций – переработки, логистики, стандартизации качества и доступа к финансам – в пользу столиц и крупных агломераций. Совокупность факторов – снижение средних издержек производства на единицу продукции, концентрация платежеспособного спроса в крупных городах, централизованные закупки сетевой розницы и высокие барьеры входа в «регуляторно сложные» сегменты (прослеживаемость, сертификация, холодовая логистика) – усиливает рыночную концентрацию.

В результате значительная часть добавленной стоимости цепочки «от поля до полки» аккумулируется в ограниченном числе городских узлов и у крупных компаний. Периферийные сельские территории в этой конфигурации сталкиваются со сжатием малого и среднего производства и переработки, расширением разрыва между закупочными ценами на продукцию и ценами на ресурсы, сокращением занятости и деградацией локальной инфраструктуры. При сохранении формальных показателей самообеспеченности по базовым продуктам два иных измерения продовольственной безопасности – качество и доступность – становятся пространственно неравномерными: формируются зоны с ограниченным доступом к качественным продуктам, растут транспортные и транзакционные издержки на периферии.

Как отмечал Г.В. Иоффе [1990], поляризация социального пространства нашей страны была и причиной, и следствием поляризации пространства экономического. Трансформация 1990–2000-х годов – кризис большинства лишившихся дотаций колхозов и совхозов и снижение активности личных

подсобных хозяйств – усилила влияние экономических факторов, однако привела к неоднородным результатам: наряду с деконцентрацией, разделением и свертыванием производства на части бывших предприятий (вплоть до закрытия) наблюдалось встречное укрупнение за счет формирования новых крупных агропромышленных структур [Нефедова, 2019]. Внутриотраслевые пространственные контрасты усилились, что обусловило рост неравномерности развития регионов и отдельных сельскохозяйственных зон, очаговый характер индустриализации АПК и подрыв экономической базы значительного числа сельских поселений, включая сокращение занятости.

Рациональный ответ на обозначенные проблемы, связанные с излишней поляризацией – переход к полицентричной модели продовольственных систем, когда ключевые функции распределены между несколькими региональными узлами, а не сконцентрированы в столицах. Это предполагает размещение переработки ближе к сырьевой базе; развитие оптово-распределительных центров «второго уровня» и межрайонных узлов холодной логистики, поддержку модульной (в том числе мобильной) переработки. Вместе с тем, чтобы эти решения работали в качестве единой системы, а не как набор разрозненных проектов, необходимы устойчивые и согласованные регламенты между уровнями управления. Чтобы снизить межрегиональные разрывы и транзакционные издержки, необходима единая правовая база.

Стратегическое развитие аграрного сектора РФ в настоящее время определяется преимущественно транспортной конфигурацией страны, а не агроклиматическими зонами. Одновременно важной задачей остается построение единого и связанного экономического пространства, которое обеспечит эффективное взаимодействие регионов и агломераций, повысит доступность рынков и создаст условия для устойчивого развития сельского хозяйства в различных частях страны [Макар, 2023]. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года [Об утверждении Стратегии ..., 2024] конкретизировала положения предыдущей Стратегии до 2025 г., прямо увязав развитие АПК с

транспортно-логистическим каркасом страны. В документе подчеркивается, что природно-ресурсные преимущества регионов могут быть реализованы лишь при достаточной пропускной способности внутренних и морских транспортных коридоров.

Стратегия до 2030 г. подтверждает тезис о том, что ограничивающим развитие АПК фактором становится прежде всего логистика, и расширяет прежние ориентиры, увязывая аграрные кластеры с конкретными транспортными коридорами и мероприятиями по повышению пропускной способности внутренних водных путей и обязательной цифровой интеграции производственной, транспортной и экспортной инфраструктуры.

В рамках Транспортной стратегии Российской Федерации до 2035 г. основным мероприятием по достижению целей и прогнозных результатов является создание Единой опорной сети как инструмента управления развитием транспортного комплекса. Предусматривается связка объектов транспортной инфраструктуры в единую сеть (порты, погранпереходы, транспортно-логистические центры, аэропорты, железнодорожные подходы к ним) [Об утверждении Транспортной ..., 2021]. Развитие единой опорной сети является важным фактором и стимулятором увеличения в том числе экспортных поставок сельскохозяйственной продукции в Африку.

Федеральный закон № 288-ФЗ «О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2024], который закрепил понятие «единый транспортный документ» (ЕТД) в качестве единого перевозочного документа и единого договора на смешанную (мультимодальную) перевозку, оформляемых (в том числе в электронном виде) перевозчиком-оператором. За счет одного договора и одного комплекта данных на весь маршрут ЕТД упрощает связку «транспортные перевозки внутри России → порт → морская линия» и снижает транзакционные издержки экспорта, в том числе при выходе на африканские рынки. В рамках ЕТД экспортер заключает один договор с оператором смешанной перевозки вместо нескольких договоров по видам транспорта. Это снимает неустановленные зоны

ответственности на стыковочных зонах (автомобильная дорога ↔ железная дорога ↔ порт), упрощает урегулирование претензий и повышает предсказуемость сроков отгрузки на суда.

Учитывая, что на африканском континенте идет внедрение цифровых мер упрощения торговли в рамках Африканской зоны свободной торговли (электронные сертификаты происхождения, электронные платежи), внедрение ЕТД повысит отдачу от перехода на электронные документы у экспортера: предзаполнение и сверка будут выполняться быстрее, повторный ввод минимизируется, увеличится скорость логистической цепи «порт → склад → распределение». Но важно отметить, что ЕТД – это инструмент российского права для прямых смешанных перевозок; за пределами страны ключевым документом остается морской коносамент, ЕТД не заменяет его в африканских портах.

Поляризация усилила потребность в многоуровневом стратегическом планировании размещения агропромышленного производства, способном одновременно учитывать эффекты концентрации и снижать риски периферизации территорий [Аверкиева и др., 2021]. При этом такое планирование целесообразно выстраивать как иерархическую систему из четырех взаимосвязанных уровней: муниципальные ячейки → агломерационные пояса → макрорегионы → федеральные округа. Такая многоуровневая трактовка опирается на полимасштабный анализ агропространства (от межрегионального до муниципального уровней), позволяющий увязать специализацию, инфраструктуру и рынки сбыта с реальными пределами природно-ресурсной обеспеченности и логистическими ограничениями [там же].

Муниципальные ячейки – базовая производственная сетка, на которой детализируются севообороты, система содержания и методы выпаса животных, водопользование, меры по предотвращению эрозии почв и внутрирайонная логистика. Именно здесь достигается эффект «тонкой настройки»: сокращение непроизводительных потерь (вода, энергия, урожайность), рост эффективности через кооперацию малых форм хозяйствования и сервисные центры, внедрение

цифровой прослеживаемости. Муниципальный масштаб критичен для адаптации к неоднородности сельского пространства и закрепления локальных преимуществ (почвенно-климатических и человеческого капитала) [«Агроэкспорт» ..., 2024]. Муниципальный уровень теперь связан с аграрной повесткой через единый документ территориального планирования и градостроительного зонирования, который закрепляет зонирование и регламенты на муниципальном уровне, что помогает удерживать сельскохозяйственную функцию в пригородах и планировать размещение холодильной и складской инфраструктуры [Об утверждении Правил ..., 2023; Градостроительный ..., 2004, ст. 28.1].

Агломерационные пояса – зоны вокруг крупных и средних городов – выполняют функции узлов переработки, оптово-распределительных центров и очагов скоропортящихся цепочек (овощи, молоко, птицеводство). Их развитие снижает логистические издержки «последней мили», повышает предсказуемость поставок и качество сервиса на потребительских рынках, но требует нормативного и управленческого оформления (зонирование, санитарные барьеры, режимы землепользования). Показателен пример мультитемпературного терминала ООО «РПК Логистик» в Богородском городском округе у ЦКАД: первая очередь введена в эксплуатацию в феврале 2024 г. (единовременная мощность хранения – до 10–15 тыс. т); этот промежуточный центр оперативно принимает продукцию, охлаждает ее (если в этом есть необходимость) и распределяют по оптовым каналам и магазинам, тем самым заметно снижая задержки и риски для конечных потребителей [Об итогах ..., 2025; Рыба ..., 2024]. Вдоль магистрали М-12 «Восток» формируется второй контур агломерационных «поясов»: по данным Минтранса и ГК «Автодор» [Трасса М-12 ..., 2024; 2025], время в пути от Казани до Москвы для автоперевозок сократилось до 6,5–8 часов, что непосредственно снижает логистические риски и издержки по скоропортящейся продукции.

Макрорегиональный уровень конкретизирует специализацию с учетом агроклиматических особенностей регионов (обеспеченность водными,

тепловыми ресурсами, качество почвы) и транспортной доступности до портов. На этом уровне рассчитываются объемы сырья по зонам и балансируется их распределение.

В каждом экономическом макрорегионе формируются собственные доминанты (пространственные структуры) в результате развития процессов как экономического, так и внеэкономического характера. Данные процессы прямо и/или косвенно могут быть связаны с основными типами экономических ресурсов, их разновидностями, а также теми конкретными формами, в которых экономические ресурсы востребованы национальным хозяйством, в том числе отдельными видами хозяйственной деятельности, на конкретно определенном этапе развития производительных сил и производственных отношений [Макар, 2024].

Уровень федеральных округов задает рамочный каркас агропродовольственной политики и межрегиональной специализации: здесь формируется конфигурация опорных потоков (сырье, переработка, экспорт/крупные потребительские рынки), распределяются крупные инфраструктурные проекты (магистральная логистика, мелиоративные системы, цифровые контуры учета), а также унифицируются правила мониторинга и мер поддержки для последующих уровней, что минимизирует диспропорции и рыночные разрывы [О стратегическом ..., 2014].

3.2. Методы и варианты решения проблем транспортировки экспортируемой продукции

Транспортировка сельскохозяйственной продукции из России в Африку является важным аспектом внешней торговли, учитывая высокие темпы роста потребностей в продовольствии на континенте. Для успешной реализации поставок сельскохозяйственных товаров на африканский рынок необходимо использование существующих и создание новых транспортных коридоров, а также оптимизация логистических цепочек с учетом региональных особенностей. При этом сопряжение объединений, которые различаются по

миссиям, институтам и количеству участвующих стран, способствует частичной нейтрализации геополитических рисков, неизбежно усиливающихся в условиях трансформации международных отношений. Особенно это актуально для таких стран как Беларусь, Иран и Россия, находящихся под мощным санкционным давлением Запада. Такой подход обеспечивает устойчивость и безопасность поставок в сложных внешнеполитических условиях [Вардомский, 2024].

С учетом геоэкономических рисков и неоднородности портовой инфраструктуры африканского континента целесообразно отметить, что на сегодняшний день существуют четыре опорных транспортно-логистических экспортных коридора из России, каждый из которых имеет разную пропускную способность и демонстрирует потенциал для расширения (Рисунок 3.2.1).

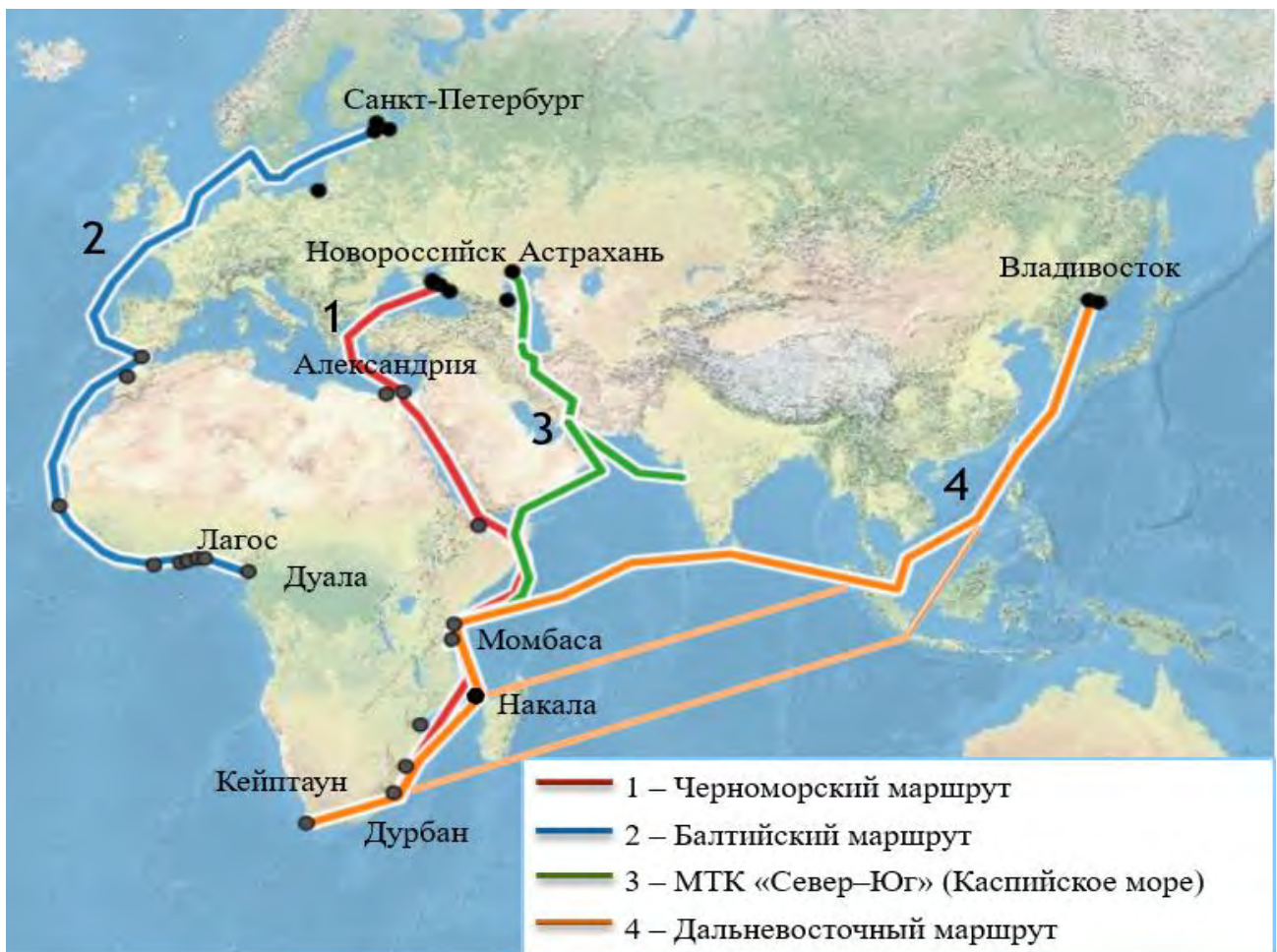

Рисунок 3.2.1 – Опорные транспортно-логистические экспортные коридоры из России в Африку

Источник: [SeaRates ..., 2026] с дополнениями автора.

1. *Черноморский маршрут* в Северную Африку остается опорным для российского зернового экспорта в силу концентрации на российском побережье основных терминальных мощностей и сложившейся структуры спроса. На южные порты России (Новороссийск, Тамань, Кавказ и др.) в сезоне 2023/24 приходилось около 90% российского морского экспорта зерна, что закрепляет лидирующую роль черноморского контура в распределении экспортных потоков [Russia's grain ..., 2024]. Кроме того, модернизация, углубление перевалочных мощностей и их планомерное расширение продолжились. Так, Зерновой терминал «КСК» (прежнее название «Комбинат «Стройкомплект») в Новороссийске располагает пропускной способностью 10,5 млн т в год, что обеспечивает обработку крупнотоннажных судов и сокращение оборота времени на швартовке и погрузке [Зерновой ..., 2025]. В 2024 г. терминал фиксировал рекордные месячные объемы переработки зерна, что подтверждает устойчивость профиля загрузки и эффект от инвестиционных программ. Терминал переработал в апреле 2024 г. более 1 млн т зерна [Терминал ГК «Дело» в Новороссийске, 2024].

Наконец, ценовые решения Администрации Суэцкого канала – в частности, временная скидка 15% на сборы для контейнеровозов нетто-тоннажем от 130 тыс. т, введенная с 15 мая 2025 г. – призваны частично компенсировать повышенные страховые издержки на данном направлении и влияют на расчет оптимальных фрахтовых маршрутов для поставок в Восточное и Северо-Восточное Средиземноморье и в Восточную Африку [Egypt's ..., 2025].

По состоянию на конец марта 2026 г. ближневосточный конфликт не подрывает черноморский маршрут напрямую: по уведомлениям крупнейших судоходных линий основные экстренные надбавки и операционные ограничения сосредоточены на направлениях, связанных с Персидским заливом и Восточной Африкой, а не на прямом средиземноморском плече в Северную Африку. Вместе с тем конфликт оказывает на этот маршрут заметное косвенное давление через удорожание топлива, военного страхования и общих логистических издержек; поэтому его абсолютная ценовая эффективность снижается, но сравнительное

преимущество перед маршрутами, завязанными на иранско-красноморское плечо, в текущих условиях, напротив, усиливается [Shipping between ..., 2026].

2. *Балтийское направление* в Западную Африку. В I полугодии 2024 г. из балтийских портов отправлено 669 тыс. т зерна [Russia Ships ..., 2024]; универсальный терминал «Лугапорт» в Усть-Луге начал регулярные операции, а первые отгрузки зерна состоялись летом 2024 г. Большая часть экспорта из региона Балтийского моря, которое, по сравнению с Черным морем, более доступно из центральной России, осуществляется через Высоцкий зерновой терминал, годовой объем работы которого составляет 4 млн т. Высоцк отгрузил первое зерно в апреле 2023 г. [там же]. Стратегия расширения балтийских мощностей увязана с целевым ростом агроэкспорта к 2030 г. и диверсификацией рынков на африканском направлении: проекты в Усть-Луге и Высоцке рассматриваются как инструмент снижения зависимости от традиционных маршрутов через Черное море и Суэцкий канал. При этом балтийские порты, рассматриваемые как важные элементы диверсификации российских агроэкспортных маршрутов и наращивания поставок на африканские рынки, одновременно характеризуются высокой зависимостью от политико-правового режима судоходства в Балтийском регионе [Focus ..., 2024].

Российские сухогрузы в Балтийском море подвергаются угрозам в форме задержаний и досмотров со стороны европейских государств под предлогом соблюдения санкционного режима [Sweden detains ..., 2026; Russian Embassy ..., 2026]. Например, в марте 2026 г. шведские власти задержали сухогруз CAFFA, что иллюстрирует расширение практики инспекций на грузовые суда [Sweden detains ..., 2026]. Такие инциденты, участившиеся с конца 2025 г., побуждают Россию усиливать меры защиты, включая конвоирование и авиационное сопровождение, подчеркивая эскалацию гибридных угроз в балтийской акватории. Это отражает рост гибридных угроз в Балтийском море, где экологические претензии сочетаются с политическим давлением, создавая сложные условия для морских перевозок [Russia Navy escorts ..., 2026; Швеция напрашивается ..., 2026].

В контексте эскалации гибридных угроз в Балтийском море порт Усть-Луга неоднократно подвергался атакам беспилотников, направленным на нарушение критической инфраструктуры российского экспорта [Атаки на ..., 2026]. В частности, в начале 2026 г. зафиксированы удары украинских БПЛА по терминалам порта, что привело к временной приостановке операций по перевалке грузов и подчеркивает уязвимость ключевых логистических узлов в условиях геополитического противостояния [Russia's Ust-Luga ..., 2026]. Анализ тенденций свидетельствует о системном характере этих мер, направленных на подрыв логистических цепочек РФ, с потенциалом дальнейшей дестабилизации региональной морской торговли.

В Нигерии с апреля 2023 г. в штатном режиме работает глубоководный порт Лекки, создающий для прямых рейсов из Балтики новый, более устойчивый и удобный «вход» на рынки Западной Африки. По оценке UNCTAD, показатель связности линейного судоходства (LSCI) Нигерии в 1-м квартале 2024 г. вырос на 25% к 1-му кварталу 2023 г., а Кот-д'Ивуара – на 5,2%, что облегчает заходы линий из Северной Европы и поддерживает формирование регулярных сервисов [Pallis et al., 2024]. К эксплуатационным рискам относятся зимняя навигация и ледовые ограничения в восточной части Финского залива; вместе с тем «Росморпорт» обеспечивает ледокольную проводку и лоцманские услуги для Усть-Луги и Высоцка, что позволяет планировать круглогодичную работу с учетом графиков доставки [Ледокольные ..., 2025]. В горизонте 2025–2030 гг. перспектива для России – добор мощности Лугапорта/Высоцка при условии улучшения геополитической обстановки, консолидация партий под прямые рейсы в Лагос/Абиджан и постепенный рост суммарной пропускной способности балтийских зерновых проектов до 15 млн т в год – при одновременном управлении рисками в Гвинейском заливе [Russia expands ..., 2024].

3. *Каспийское направление* и международный транспортный коридор «Север–Юг». Каспийский бассейн занимал второе место по объемам перевалки и имеет решающее значение для экспорта зерна в Азербайджан, Туркменистан и Иран [Vardomsky, 2023] и обеспечивает выход к Индийскому океану. Этот

коридор, включающий как автомобильные и железнодорожные, так и морские транспортные пути, служит важной альтернативой традиционным маршрутам через Суэцкий канал [Акимов, 2023], обеспечивая короткие сроки поставок и более низкие транспортные расходы. В частности, через этот коридор Россия может осуществлять экспорт пшеницы и других зерновых культур в страны Южной и Восточной Африки.

Через три каспийских порта – Астрахань, Махачкалу и Олю – в сезоне 2023/2024 года было экспортировано 3,6 млн т, или 5,75% общего объема морских перевозок зерна из России. Крупнейшим зерновым терминалом на Каспии является порт Оля, который в сезоне 2023 г. перевалил 935 тыс. т зерна [Russia's grain ..., 2024].

Правовую и инфраструктурную основу коридора усилило межправительственное соглашение РФ и Ирана по железнодорожной вставке Решт–Астара, подписанное 17 мая 2023 г. [Russia and Iran ..., 2023]. Иран передал российской стороне около 34 км участка земли, выделенного под строительство железной дороги Решт – Астара для международного транспортного коридора «Север – Юг» [Иран ..., 2025]. В дополнение к этому 13 мая 2024 г. Индия заключила 10-летний контракт на развитие и эксплуатацию терминала «Шахид Бехешти» в иранском порту Чабахар, закрепив южный «выход» коридора «Север–Юг» к Индийскому океану [India ..., 2024].

В практической логистике это означает сбор партии грузов в российских каспийских портах, морскую доставку в Энзели/Амир-Абад, далее – железной дорогой до Чабахара/Бендер-Аббаса с последующей морской отправкой в порты Восточной Африки, что позволяет обойти узел Суэц–Красное море [Taneja et al., 2024]. На горизонте до 2030 г. ключевые приоритеты для России состоят во вводе в строй участка железной дороги Решт–Астара, поддержании осадки не менее 4,5 м на Волго-Каспийском морском судоходном канале и расширении мощностей российских каспийских терминалов под зерно и масложировую продукцию.

Помимо российских (каспийских), иранских и индийских портов коридор «Север–Юг» включает несколько крупных транспортных хабов и портов в Африке. Среди них выделяются прежде всего Дар-эс-Салам и Момбаса. Первый служит транзитным пунктом для поставок товаров (в том числе сельскохозяйственной продукции, включая зерно, овощи, фрукты и мясо) в страны Центральной и Южной Африки; второй также играет важную роль в транспортировке сельскохозяйственных товаров и товаров народного потребления в страны Восточной и Центральной Африки.

Согласно Транспортной стратегии РФ до 2035 г. [Об утверждении Транспортной ..., 2021], развитие инфраструктуры коридора «Север–Юг» имеет большой потенциал для увеличения торговли с Африкой, особенно в сфере аграрной продукции. В частности, российские порты и логистические системы могут обеспечивать регулярные поставки сельскохозяйственной продукции в Восточную Африку и соседние регионы. Строительство новых портов и углубление существующих, улучшение железнодорожной инфраструктуры и создание дополнительных логистических хабов будут способствовать росту торговли и укреплению существующих экономических связей.

Отдельно можно выделить *восточноафриканский коридор* через Кению, Танзанию и Эфиопию, который также представляет собой важное направление для российского экспорта. Он косвенно пересекается с поставками по транспортному коридору «Север–Юг», но выглядит более перспективным за счет открытия регулярного транспортного сообщения России с Танзанией [Решетников ..., 2024]. Порт Дар-эс-Салам в Танзании стал важным логистическим хабом для страны и соседних регионов. Россия активно развивает поставки пшеницы и комбикормов в страны Восточной Африки через этот маршрут. В частности, этот коридор используется для увеличения поставок зерна, а также для расширения экспорта мясной и молочной продукции в страны региона. Одно из преимуществ коридора – наличие развитой железнодорожной и автотранспортной инфраструктуры, что позволяет снизить издержки на доставку продукции и оптимизировать логистику. В июне–июле 2025 г. в Танзании

запущены грузовые перевозки по стандартной колее на участке Пугу–Ихумва; вместе с этим введен в промышленную эксплуатацию тыловой сухой порт Квала, что позволяет выносить оформление и обработку грузов из припортовой зоны [Tanzania Launches ..., 2025].

После эскалации конфликта на Ближнем Востоке в конце февраля 2026 г. иранское плечо МТК «Север–Юг» из конкурентного преимущества превратилось в источник системного риска. Корректнее говорить не о том, что поставки «полностью прекратились», а о том, что часть грузоотправителей начала приостанавливать отправки и пересматривать логистику [Экспортеры..., 2026] – в том числе опираясь на альтернативные маршруты.

4. *Дальневосточный маршрут* представляется наиболее перспективным в этом отношении, поскольку в рамках переориентации российских экспортных мощностей на восток вполне способен заменить для стран восточноафриканского побережья остальные маршруты. Африканская часть Дальневосточного маршрута выстраивается вокруг портов Момбаса (Кения), Накала (Мозамбик) и железнодорожного Накальского коридора, который связывает глубоководный порт с внутренними рынками Малави и Замбии. Инфраструктура порта Накала была модернизирована при поддержке Японского агентства международного сотрудничества в 2023 г., что повысило пропускную способность и сократило непроизводительные издержки на стыке «порт–железная дорога» [Holding ..., 2023]. Дополнительный импульс формирует строящийся зерновой терминал Steinweg, который существенно нарастит мощности по обработке зерна и повысит привлекательность маршрута для массовых агропозиций [The New ..., 2025].

Для России этот маршрут в первую очередь релевантен для массовых поставок (зерно, шроты, удобрения) и контейнерной продукции глубокой переработки, поскольку порт и коридор обеспечивают доступ к рынкам САДК (в том числе Малави и Замбии) без прохождения узла Суэцкий канал/Красное море [Our services ..., 2025].

Сравнение основных маршрутов поставок продукции АПК из России в страны Африки позволяет выявить различия не только в их пространственной конфигурации, но и в транспортно-экономической эффективности. Различия четырех базовых направлений наиболее наглядно проявляются в протяженности морского плеча и ориентировочном времени в пути до ключевых африканских портов (таблица 3.2.1). При этом следует учитывать, что приведенные оценки носят аналитический характер и отражают особенности типовых морских коридоров, а не индивидуальные параметры конкретных рейсов.

Приведенные данные показывают, что с точки зрения минимизации расстояния и времени в пути безусловное преимущество сохраняет черноморский маршрут. Особенно наглядно это проявляется на североафриканском направлении: доставка до Александрии по черноморскому коридору требует преодоления примерно 1200 морских миль в течение 3–4 суток, тогда как балтийский маршрут увеличивает это плечо почти в четыре, а дальневосточный – почти в семь раз. Это объясняет устойчивое доминирование черноморского направления в поставках российского зерна в Египет и другие страны Северной Африки, где критически важны низкие транспортные издержки и высокая скорость оборота массовых партий.

Для Восточной и Южной Африки различия между маршрутами становятся менее однозначными, однако черноморский коридор также сохраняет сильные позиции. Для Момбасы его протяженность составляет около 4250 морских миль, что близко к общей составляющей маршрута МТК «Север–Юг» и заметно меньше дальневосточного плеча. Для Дурбана черноморский маршрут также выглядит более выгодным по сравнению с балтийским и дальневосточным.

Вместе с тем МТК «Север–Юг» демонстрирует потенциальную конкурентоспособность именно на восточном и южноафриканском направлении. Однако интерпретировать это как его безусловное преимущество было бы методологически некорректно, поскольку морской участок не отражает общей сложности мультимодальной доставки, включающей перевалку и сухопутный транзит.

Таблица 3.2.1 – Сравнительная оценка расстояния и времени в пути по основным маршрутам поставок продукции АПК из России в Африку¹

Маршрут	Александрия	Момбаса	Дурбан	Лагос
Черноморский (Новороссийск)	≈ 1200 мор. миль / 3–4 сут.	≈ 4250 мор. миль / 12– 13 сут.	≈ 5800 мор. миль / 17– 18 сут.	≈ 5400 мор. миль / 15– 16 сут.
Балтийский (Санкт- Петербург)	≈ 4400 мор. миль / 13– 14 сут.	≈ 7500 мор. миль / 22–23 сут	≈ 8200 мор. миль / 24– 25 сут.	≈ 5400 мор. миль / 16–17 сут.
МТК «Север– Юг» (Каспийское море) ² (Астрахань)	–	≈ 3100 мор. миль / 11– 12 сут. + 1700 км / 2 сут. ³	≈ 4650 мор. миль / 14– 15 сут. + 1700 км / 2 сут. ⁴	–
Дальневосточный (Владивосток)	≈ 8200 мор. миль / 24– 25 сут.	≈ 7000 мор. миль / 20– 21 сут.	≈ 7800 мор. миль / 22– 23 сут.	–

Рассчитано и составлено автором по: [Sea-distances ..., 2026].

¹ При выполнении расчетов была принята скорость судна, равная 14 узлам.

² Для МТК «Север–Юг» приведена оценка полного логистического цикла, включающего каспийский и сухопутный сегменты, а также морскую часть маршрута после выхода в акваторию Персидского залива.

³ Астрахань – Бендер-Энзели ≈ 700 мор. миль / 3 сут. + Бендер-Энзели – Бендер Аббас ≈ 1700 км / 2 сут. + Бендер-Аббас – Момбаса ≈ 2400 мор. миль / 7-8 суток.

⁴ Астрахань – Бендер-Энзели ≈ 700 мор. миль / 3 сут. + Бендер-Энзели – Бендер Аббас ≈ 1700 км / 2 сут. + Бендер-Аббас – Дурбан ≈ 3950 мор. миль / 11-12 суток.

Последние особенно усложняются в текущих реалиях, когда на территории Ирана идет вооруженный конфликт с Израилем и США. Так, по сообщениям экспертов и данным РЖД, даже при быстром завершении конфликта грузооборот коридора может сократиться примерно на четверть [Экспортеры..., 2026].

В торговле зерном и продовольствием решающими часто становятся не только тариф, но и стабильность графика, доступность страхового покрытия, наличие судов и отсутствие внеплановых простоев на транзитных участках. Когда эти параметры перестают быть управляемыми, бизнес вынужден возвращаться к более длинным, но понятным схемам, диверсифицировать отгрузки и раскладывать риски между несколькими направлениями. В этом смысле нынешний кризис показал, что зависимость МТК «Север–Юг» от иранского транзита делает коридор эффективным в спокойный период, но резко снижает его устойчивость в момент военной эскалации [Черный лебедь ..., 2026].

Дополнительным фактором давления стала общая перестройка судоходства в регионе. Контейнерные судоходные компании Maersk, Harap-Lloyd и CMA CGM в начале марта 2026 г. начали уводить суда в обход Африки, отказавшись от прохода через Суэц и Баб-эль-Мандеб. Судоходные компании Maersk и Harap-Lloyd также приостановили проходы через Ормузский пролив [Shipping..., 2026]. Сообщалось о сбоях бункеровки, дополнительных сборах и приоритетной обработке критических грузов – продовольствия и медикаментов [Maersk..., 2026]. На этом фоне любой маршрут, завязанный на Иран и прилегающие акватории, неизбежно воспринимается экспортерами как канал с повышенной премией за риск.

В контексте экспорта российской продукции АПК в Африку конфликт на Ближнем Востоке снижает значение МТК «Север–Юг» прежде всего как маршрута для поставок в восточноафриканском направлении и для более чувствительных к логистике товарных групп. Основной эффект связан не с формальной недоступностью коридора как такового, а с трансформацией его экономических параметров: ростом тарифов, ограничением рефрижераторного сегмента, нарушением регулярности сервиса и увеличением совокупного

логистического риска. В результате коридор временно утрачивает часть своего преимущества как инструмента диверсификации аграрного экспорта в Африку – прежде всего в сегментах с повышенными требованиями к срокам и условиям перевозки.

Балтийский и дальневосточный маршруты уступают черноморскому по критериям расстояния и времени, однако их значение не сводится исключительно к этим параметрам. Балтийское направление выступает прежде всего как альтернативный коридор, снижающий зависимость российской экспортной системы от одного бассейна и позволяющий перераспределять потоки в условиях ограничений в Черном море. При этом риски использования балтийского маршрута существенно возрастают ввиду потенциального закрытия ключевых проливов (например, датские (балтийские) проливы), что может полностью парализовать трафик в Балтийском море [Балтика ..., 2026]. Кроме того, практика досмотров и задержаний российских судов под предлогом соблюдения санкционного режима, изначально сосредоточенная преимущественно на танкерах, демонстрирует тенденцию к расширению на сухогрузы [Sweden detains ..., 2026].

Дальневосточный маршрут, несмотря на наибольшую протяженность, имеет значение как резервный и диверсифицирующий контур, особенно для продукции из регионов Сибири и Дальнего Востока, а также для контейнеризированных, рефрижераторных и иных поставок, не сводимых к модели массового зернового экспорта. Его роль возрастает в ситуации, когда устойчивость логистической системы становится не менее важной, чем сокращение транспортного плеча.

Таким образом, сравнительная оценка четырех основных маршрутов показывает, что черноморский коридор сохраняет статус наиболее эффективного с точки зрения времени и расстояния – прежде всего на североафриканском направлении. Балтийский и дальневосточный маршруты проигрывают ему по прямым транспортным параметрам, но приобретают значение как инструменты пространственной диверсификации экспортной логистики. МТК «Север–Юг», в

свою очередь, до конфликта на Ближнем Востоке рассматривался как потенциально конкурентоспособный, но более сложный мультимодальный контур. Однако происходящие вооруженные столкновения вызывают трудности и снижают значение МТК «Север–Юг» прежде всего как маршрута для поставок в восточноафриканском направлении и для более чувствительных к логистике товарных групп. Коридор временно утрачивает часть своего преимущества как инструмента диверсификации аграрного экспорта в Африку – прежде всего в сегментах с повышенными требованиями к срокам и условиям перевозки.

Следовательно, выбор маршрута должен определяться не только длиной морского плеча, но и совокупностью факторов – товарной специализацией груза, регионом происхождения продукции, уровнем инфраструктурных рисков и стратегической задачей снижения логистической концентрации.

Возможная перспектива российского экспорта продукции АПК в страны Африки связана со снижением зависимости от традиционного Черноморского транспортно-логистического коридора и повышением роли Балтийского и, особенно, Дальневосточного маршрутов. Последний уже значим для российского АПК как преимущественно азиатский экспортный контур, но для Африки он пока не является базовым каналом массовых поставок: на африканском направлении его роль – скорее резервная, нишевая и диверсифицирующая [Russia expands ..., 2024; Russia's seaborne ..., 2024].

Вместе с тем в условиях нарастающей геополитической нестабильности и повышения уязвимости традиционных внешнеторговых коридоров преимущество дальневосточного маршрута заключается не в полном отсутствии ограничений, а в более низкой зависимости от черноморских и части западных «узких» мест мировой торговли, что позволяет рассматривать его как инструмент пространственной диверсификации экспортных потоков и снижения концентрации логистических рисков. Черноморский коридор по-прежнему остается основным для российского зернового экспорта, однако высокая концентрация поставок через один бассейн повышает чувствительность системы к санкционным ограничениям, страховым издержкам, военным рискам и

нарушениям судоходства. На этом фоне дальневосточное направление, несмотря на большую протяженность и более высокую стоимость доставки для части грузов, приобретает значение резервного и страхующего контура, особенно для продукции восточного происхождения, контейнеризированных поставок и маршрутов в Восточную и Южную Африку [РФ в январе ..., 2023]. В более широком смысле его значение возрастает по мере того, как глобальная морская торговля сталкивается с перегрузкой и политизацией ключевых проливов и каналов: по оценкам UNCTAD, сбои в Красном море и снижение транзита через Суэц сопровождались удлинением сроков доставки и ростом транспортных издержек, что усиливает значение альтернативных экспортных конфигураций [Webinar... 2024]. Особенно это актуально в период нынешней эскалации конфликта на Ближнем Востоке.

В аналитическом смысле дальневосточный маршрут – это восточный экспортный контур, включающий железнодорожную доставку агрогрузов к портам Дальневосточного бассейна и восточным сухопутным переходам, а затем – морскую отправку на внешние рынки. В системе российского агроэкспорта он важен прежде всего как канал выхода в страны Азиатско-Тихоокеанского региона [Изотов, 2024], а не как основной путь в Африку. По данным Минсельхоза России, в 2022 г. регионы Дальнего Востока экспортировали продукции АПК на \$5,5 млрд, а в январе–августе 2023 г. – на \$2,9 млрд; основным экспортным товаром оставалась рыба, при этом в номенклатуре также присутствуют соя, кукуруза и растительные масла, а основным потребителем выступает Китай [РФ в январе ..., 2023]. Приморский край при этом вошел в топ-5 российских регионов по экспорту продукции АПК в 2024 г. [Аграрный экспорт ..., 2025].

Если анализировать именно морской экспорт зерна, значение Дальнего Востока пока невелико. В сезоне 2023/24 Россия вывезла морем 62,4 млн т зерна, из них около 90% прошло через южные порты Черного и Азовского морей (56,5 млн т), 5,75% – через Каспий, 2,36% – через Балтику и лишь 1,4% (869 тыс. т) – через Дальневосточный бассейн. При этом дальневосточные порты

пока не демонстрируют сопоставимых планов расширения именно по зерну из-за высокой стоимости железнодорожной доставки из основных зернопроизводящих районов и ограниченного регионального спроса на морской зерновой импорт [Russia's seaborne ..., 2024].

На сегодняшний день для классического маршрута «пшеница из юга России – Северная Африка» дальневосточный путь обычно проигрывает южному по сочетанию железнодорожного плеча и морской дальности. В то же время государство последовательно развивает восточное направление как элемент общей экспортной устойчивости. По данным Минтранса России и Росжелдора, в 2025 г. объем субсидий на железнодорожные перевозки агропродукции превысил 8,3 млрд руб., а в 2019–2025 гг. совокупный фактический объем такой поддержки составил около 23,6 млрд руб.; в перечень субсидируемых грузов входят не только зерновые, но и продукты переработки масличных, соя, рыба и рыбопродукция. Минтранс России также отмечал рост перевалочных мощностей по зерну и развитие восточного направления, включая Забайкальский зерновой терминал мощностью до 8 млн т в год [Russia's seaborne ..., 2024].

Учитывая, что контейнерная логистика африканского направления в настоящее время опирается прежде всего на западные морские ворота России; для дальневосточного маршрута это, в свою очередь, означает, что его возможное усиление в африканском направлении будет связано либо с развитием новых тихоокеанско-индийско-африканских связей, либо с ростом нишевых экспортных позиций, а не с переносом на восток уже сложившихся потоков зерна из южных регионов.

Таким образом, дальневосточный морской маршрут в системе экспортных поставок продукции АПК из России занимает двойственное, но стратегически важное положение. В глобальном масштабе он уже выступает значимым восточным контуром экспорта, прежде всего в отношении рыбы, масложировой продукции, сои и иных товаров, ориентированных на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона [РФ в январе ..., 2023]. На африканском направлении его роль пока остается вспомогательной, вместе с этим как инструмент

пространственной диверсификации, снижения инфраструктурной концентрации и возможного продвижения более нишевой продукции на рынки Восточной и Южной Африки дальневосточный маршрут обладает существенным долгосрочным потенциалом [Гвилия, Адуссиба, 2023].

3.3. Основные направления и варианты стимулирования экспорта продукции российского АПК в страны Африки

Ключевым условием успешного выхода российских агропродовольственных компаний на рынки Африки выступает акцент на ограниченном наборе приоритетных стран и построении сквозных производственно-сбытовых цепочек, в которых возможна концентрация капитала, сопровождение сделок экспортным финансированием и формирование устойчивых альянсов с локальными операторами. Такой подход согласуется с нормативной повесткой Африканской континентальной зоны свободной торговли по инклюзивному развитию аграрных цепочек добавленной стоимости [Guidelines ..., 2024].

Отбор приоритетов должен опираться на двустороннее совпадение интересов: структуру спроса контрагента (зерновые, масложировая, молочная и мясная продукция и др.), платежную и регуляторную среду, политическую стабильность, а также на доступность портово-складской инфраструктуры и страхового покрытия.

Одной из основных проблем остается длина и логистика денег. Практика расчетов между российскими поставщиками и африканскими импортерами продукции АПК носит смешанный характер и определяется одновременно товарной спецификой, типом контрагента, состоянием банковской инфраструктуры, валютными ограничениями и санкционными рисками. Вследствие этого базовые расчетные модели в российско-африканской торговле сложились прежде всего вокруг экспорта зерновой и масложировой продукции.

Расчеты обычно строятся по одной из четырех моделей:

1. Классический банковский расчет в твердой валюте через аккредитив или прямой банковский перевод [Egypt's GASC ..., 2015; Exclusive ..., 2023];
2. Расчеты в рублях или иных «дружественных»/национальных валютах [Putin ..., 2023; Russia, Africa ..., 2025];
3. Открытый счет, документарное инкассо и иные более «доверительные» схемы, часто с внешним торговым финансированием [Afreximbank ..., 2022; How it ...].
4. Нерыночные поставки – гуманитарные, льготные, а в редких случаях компенсационные/бартерные конструкции [Pakistan ..., 2024; Russia says ..., 2024].

Исторически основной формой расчетов по крупным поставкам продовольствия в Африку оставался классический международный банковский контур с использованием документарных инструментов, прежде всего аккредитива. Наиболее показателен Египет как крупнейший покупатель российского зерна: в закупках государственного импортера использовались 180-дневные аккредитивы, при которых египетский государственный банк открывает аккредитив в пользу поставщика, поставщик получает оплату через свой банк после выполнения документарных условий, а египетская сторона затем рассчитывается с банком в течение оговоренного срока [Egypt's GASC ..., 2015]. Именно так выглядит стандартная модель египетских закупок пшеницы. В 2023 г. валютный дефицит в Египте привел к задержкам открытия таких аккредитивов, что показало высокую чувствительность продовольственной торговли к наличию свободной валютной ликвидности даже при сохранении самого спроса на импортируемое зерно [Reuters. Egypt ..., 2023].

Расчетный механизм зерновых поставок из России длительное время сохранял черты классической международной торговой модели, предполагающей участие банковских институтов, использование аккредитивной формы расчетов, оформление полного комплекта отгрузочных документов и проведение платежей, как правило, в твердой валюте. В рамках таких схем контрактная цена обычно фиксируется в \$ за тонну, нередко на условиях,

включающих стоимость товара и его доставку до пункта назначения. При этом расчеты осуществляются не напрямую между контрагентами, а через банковских посредников, обеспечивающих подтверждение платежеспособности импортера и соблюдение прав экспортера на получение денежных средств. Аналогичная логика прослеживается и в частных сделках. Так, Египет в 2023 г. осуществил прямую закупку почти 480 тыс. т российской пшеницы по цене около \$270 за тонну вне рамок стандартной тендерной процедуры, однако и в данном случае сделка была встроена в традиционный механизм международного контрактного ценообразования и банковского сопровождения [Exclusive ..., 2023].

После 2022 г. расчетная практика начала постепенно трансформироваться в сторону национальных валют и специальных расчетных механизмов. В августе 2023 г. в России был введен специальный порядок расчетов по внешнеторговым контрактам на поставку российской сельскохозяйственной продукции, предусматривающий использование специальных рублевых счетов типа «З» и специальных валютных счетов типа «З» [Putin ..., 2023]. Нормативная логика этой модели состоит в том, что иностранный покупатель перечисляет средства на специальный валютный счет, затем происходит их продажа и последующее зачисление рублей на специальный рублевый счет, с которого средства поступают российскому поставщику. Правительство также утвердило перечень товаров, по которым такая схема разрешена: туда вошли, в частности, пшеница, ячмень, кукуруза, соя, подсолнечное, соевое и рапсовое масла, сахар, свинина, мясо птицы, молоко и сливки [Russian government ..., 2023]. Таким образом, расчет может начинаться во внешней валюте покупателя, но должен завершаться в рублевом эквиваленте. Подобная схема особенно важна для рынков, где прямые долларовые расчеты затруднены из-за санкционных или банковских ограничений.

В 2023 г. РФ заключила свыше 750 экспортных контрактов, предусматривавших поставки в том числе зерна, растительного масла и сахара, с использованием национальных валют в качестве средства расчетов. Совокупный объем продукции, реализованной в рамках указанных соглашений, составил

1,5 млн т, при этом Египет был отнесен к числу ключевых направлений такого экспорта. Одновременно уже по итогам первых четырех месяцев 2023 г. более 5% российского зернового экспорта обслуживалось в национальных валютах, тогда как доля рублевых расчетов в структуре аграрного экспорта по итогам года достигла 7,8% [Абрамченко ..., 2024; Russia Signed ..., 2023].

На африканском направлении в последние годы наблюдается в целом позитивная динамика развития расчетных механизмов в национальных валютах. Российская Федерация и африканские государства на официальном уровне декларируют значимость расширения расчетов в национальных валютах, тогда как доля рублевых расчетов во взаимной торговле с африканскими странами заметно увеличивается. В частности, по данным, озвученным С.В. Лавровым в декабре 2025 г., в январе–октябре 2025 г. доля расчетов в российских рублях в торговле между Россией и странами Африки достигла 84% [Russia, Africa ..., 2025]. Вместе с тем данный показатель характеризует торговый оборот в целом, а не исключительно поставки продукции АПК. Более того, его нельзя автоматически трактовать как свидетельство прямого перехода африканских покупателей на рублевые платежи, поскольку соответствующие расчеты нередко обеспечиваются за счет промежуточной валютной конверсии и функционирования специальной банковской инфраструктуры.

При этом Россия и Египет на двустороннем уровне отдельно рассматривают вопрос увеличения доли национальных валют во взаимных расчетах. В мае 2025 г. министр промышленности и торговли Российской Федерации А.А. Алиханов отметил, что около 40% взаимных расчетов между Россией и Египтом уже осуществляется в валютах, отличных от доллара и евро, включая национальные валюты, а центральные банки двух стран обсуждают возможности дальнейшего расширения данной практики [Алиханов..., 2025]. Это позволяет заключить, что в торгово-экономических отношениях России и Египта одновременно сосуществуют, с одной стороны, традиционная долларовая модель государственных закупок продовольствия, а, с другой – более широкий

политико-финансовый курс, ориентированный на дедолларизацию двусторонних расчетов.

Если обращаться непосредственно к расчетам в национальных валютах африканских государств, то в открытых источниках представлено сравнительно небольшое число публично подтвержденных крупных кейсов, в рамках которых российский экспортер продукции АПК системно получал бы окончательную оплату непосредственно, например, в кенийских шиллингах, нигерийских найрах или южноафриканских рандах. На практике национальная валюта импортера в большинстве случаев выступает прежде всего валютой инициирования платежа на стороне африканского покупателя, тогда как конечный расчетный результат для российского экспортера достигается посредством последующей конверсии – в российские рубли, доллары США или иную расчетную валюту [Russia introduces ..., 2023]. В данном контексте особое значение приобретает африканский проект PAPSS (Pan-African Payment and Settlement System), обеспечивающий трансграничные расчеты внутри Африки в национальных валютах, включая практически мгновенные переводы и ежедневный неттинг между центральными банками [How it ...]. Вместе с тем PAPSS создавался прежде всего как инструмент обслуживания внутриафриканской торговли; следовательно, применительно к торгово-экономическим связям между Россией и африканскими странами он скорее формирует благоприятные условия для африканского сегмента платежной цепочки, чем выступает в качестве готовой замены двусторонней российско-африканской банковской инфраструктуре.

Ключевое значение для расчетов в российско-африканской торговле имеет не только валюта платежа, но и механизм минимизации риска неплатежа. В этой связи возрастает роль институтов торгового финансирования – прежде всего Afreximbank. С одной стороны, банк развивает сервис AfPAY, предназначенный для сопровождения международной торговли на условиях *open account*, то есть при осуществлении расчетов без использования классической аккредитивной формы [Afreximbank Trade Payment ..., 2022]. С другой стороны, Afreximbank реализует программу AFTRAF, предусматривающую подтверждение сделок,

предоставление гарантий подтверждения и безотзывных обязательств возмещения, что способствует укреплению доверия к платежеспособности африканских банков [Afreximbank Trade Facilitation ...]. Применительно к российско-африканской торговле это означает, что расчет все чаще принимает форму не простой двусторонней оплаты между поставщиком и покупателем, а более сложной финансово-правовой конструкции, в которую включаются банки-посредники, гарантийные институты и механизмы страхования торговых рисков. Соответственно, по мере усиления санкционных и корреспондентских ограничений значение подобных инструментов возрастает.

Из этого вытекает и типовая практическая модель расчетов для частных импортеров – например, в Кении, Гане или Нигерии. Российский поставщик в рамках контракта на поставку зерна, масла или рыбы, как правило, требует либо предварительной оплаты, либо подтвержденного аккредитива, либо соглашается на расчеты по открытому счету только при наличии надежного банка и внешнего покрытия риска. Африканский банк, в свою очередь, может опираться на гарантию Afreximbank либо аналогичного института. Иными словами, чем ниже ликвидность рынка и выше уровень сопутствующих рисков, тем чаще расчетный механизм смещается от простого банковского перевода к использованию документарных и гарантийных инструментов.

Даже в тех случаях, когда товар не подпадает под прямые продовольственные санкции, расчеты и логистика по его поставкам все равно осложняются вторичными эффектами санкционного режима. Россия ставит вопрос о снятии ограничений с компаний, банковских организаций и судоходных структур, связанных с экспортом продовольствия и удобрений, включая восстановление доступа Россельхозбанка к системе SWIFT, поскольку действующие ограничения создают существенные затруднения для осуществления платежей и организации фрахта [Russia says ..., 2025].

Российская сторона делает акцент не только на расширении использования рубля как средства расчетов, но и на формировании собственной финансовой инфраструктуры. Так, еще на саммите «Россия – Африка» в 2023 г. В.В. Путин

прямо указывал на готовность подключать африканские банки к российской системе передачи финансовых сообщений в целях осуществления трансграничных платежей независимо от западной инфраструктуры [Putin calls ..., 2023]. Следовательно, переход на расчеты в национальных валютах следует рассматривать не как изолированную валютную меру, а как составной элемент более широкой стратегии, направленной на снижение внешней финансовой зависимости и формирование альтернативной расчетной инфраструктуры для торговли России со странами Африки.

Наименее распространенной и наименее стандартизированной формой расчетов в настоящее время остаются компенсационные и бартерные схемы. Применительно к африканскому направлению крупные публично подтвержденные случаи бартерных поставок российской продукции агропромышленного комплекса фактически отсутствуют, вследствие чего говорить о бартере как о сформировавшемся механизме российско-африканской аграрной торговли представляется преждевременным. Вместе с тем в более широком контексте российского аграрного экспорта подобные схемы уже находят практическое применение в качестве обходного инструмента в условиях существенных затруднений с проведением платежей. Так, в 2024 г. был публично подтвержден российско-пакистанский бартерный контракт, в рамках которого нут и чечевица обменивались на рис, мандарины и картофель [Pakistan ..., 2024]. Данный пример имеет значение не как иллюстрация африканского направления, а как свидетельство того, что при дестабилизации или блокировании обычных банковских каналов внешняя торговля продукцией АПК способна переходить к компенсационным формам расчетов. Однако применительно к Африке на современном этапе корректнее говорить не о доминировании бартерных схем, а о расширении использования национальных валют, специальных расчетных режимов, документарных инструментов и гарантий торгового финансирования.

Особый режим представляют собой гуманитарные поставки, в рамках которых коммерческий расчет как таковой отсутствует. Так, в 2024 г. Россия завершила поставку 200 тыс. т бесплатного зерна в шесть африканских

государств – Сомали, Центральноафриканскую Республику, Мали, Буркина-Фасо, Зимбабве и Эритрею [Russia says it ..., 2024]. Подобные поставки не относятся к категории рыночных сделок и, соответственно, не реализуются в рамках стандартной банковской логики, основанной на связке «контракт – валюта платежа – аккредитив». Вместе с тем они оказывают влияние на общую структуру отношений между Россией и африканскими странами и могут сопровождаться особыми государственными либо межправительственными финансово-логистическими механизмами.

Таким образом, современная система расчетов в торговле российской продукцией АПК со странами Африки характеризуется смешанным и институционально дифференцированным характером. На фоне санкционных ограничений и выхода глобальных трейдеров – таких как Cargill и Viterro – из оперативного бизнеса в РФ [Cargill ..., 2023] видится перспективным для российских компаний рационально усиливать прямые торговые связи с африканскими покупателями и использовать альтернативные платежные решения (в том числе расчеты в национальных валютах и подключение к panaфриканской платежно-расчетной системе (PAPSS) [Pan-African ..., 2023]. Это позволит снизить зависимость от инфраструктуры SWIFT, доступ к которой для ряда российских банков был ограничен в 2022 г.

Весьма важным становится вопрос о формах внешней помощи развитию стран Африки. Представляется, что наиболее эффективным вариантом развития будет внешняя помощь с привнесением необходимых технологий [Акимов, 2021], учитывая, что российская внешнеэкономическая деятельность находится под воздействием многочисленных внешних ограничений в различных сферах: внешнеторговой, производственно-технологической, транспортно-логистической, финансово-расчетной [Андреева, Ратнер, 2025]. От России потребуются политическая воля и прицельные, точечные действия на региональных рынках, чтобы избежать минусов валового подхода к решению проблем, характерного для нашей страны во все времена [Исаев, Филоник, 2011]. Универсальной рекомендацией для развития внешнеторговых связей выступает

диверсификация партнерств в сфере импорта ключевых продовольственных товаров – прежде всего зерновых культур и мясо-молочной продукции, а также формирование долгосрочных отношений с надежными поставщиками.

Существенное укрепление торгово-инвестиционного взаимодействия с государствами Африки может быть достигнуто лишь при расширении присутствия на рынках отдельных субрегионов и конкретных стран. Потенциал такого расширения проявляется в динамике аграрного сектора континента, системный мониторинг которого позволяет выявлять отраслевые и страновые приоритеты, служащие ориентирами для будущих капиталовложений и оценки их масштабов. Такое взаимодействие уже происходит: так, в 2023–2025 гг. фиксируется рост закупок в Восточной Африке – прежде всего в Кении и Танзании [Russian wheat ..., 2024; Tanzania Imports ..., 2023]. В целом, страны Восточной Африки демонстрируют нарастание импорта зерна и продуктов его переработки, что формирует окно возможностей для российских поставщиков. Дополнительным эмпирическим индикатором служит ускоренное расширение нишевого российского присутствия: по итогам первого полугодия 2024 г. российская пшеница стала самым быстрорастущим импортным товаром Кении [Russian wheat ..., 2024]. Во многом это связано со смещением вкусовых предпочтений городского населения в пользу хлебобулочной и кондитерской продукции, что закрепляет высокий и слабоэластичный спрос на зерновую продукцию.

Зерновые традиционно составляют основу аграрного производства и продовольственного потребления в Африке: по данным [The future ..., 2022], их доля достигает 85% совокупного объема сельхозпроизводства континента за последние два десятилетия. В структуре питания населения определяющее место занимают рис, пшеница и кукуруза, при этом именно кукуруза сохраняет статус абсолютного лидера по потреблению [Crops ..., 2024]. В 2022–2023 гг. урожай кукурузы в России приблизился к уровню 15 млн т, что сопутствовало значительному росту ее экспорта: за сезон 2023/24 поставки на международные рынки достигли рекордных 5,3 млн т – по сравнению с 2,6 млн т в предыдущем

сезоне [В сезоне ..., 2024]. Эти показатели отражают устойчивую динамику наращивания экспортного потенциала и открывают для российских компаний возможность более активно позиционировать кукурузу на африканских рынках. Поэтому рост внутреннего производства зерновых (не только традиционно пшеницы, но и кукурузы) в России создал дополнительные предпосылки для активизации экспорта в африканские страны. Напротив, объемы экспорта риса из РФ традиционно остаются минимальными: в первой половине 2021 г. он составил 83,1 тыс. т, что существенно ниже масштабов экспорта пшеницы и кукурузы. Такой разрыв объективно ограничивает потенциал масштабирования российских поставок риса на африканские рынки [Экспорт и импорт риса ..., 2021].

Рекомендацией здесь может выступить увеличение поставок в Африку именно готовой продукции. С точки зрения долгосрочной эффективности российско-африканского продовольственного сотрудничества приоритет следует смещать от экспорта сырого зерна к поставкам продуктов первичной переработки (мука, комбикорма). Переработанный продукт проще распределять и хранить, он быстрее включается в локальные цепочки производства и обладает более высокой «полезной стоимостью» для импортера. При этом, несмотря на рекордные урожаи зерновых культур, около 50% существующих мукомольных мощностей в России остаются невостребованными [Россия не может ..., 2023], а запасы зерна продолжают расти.

Для Африки получение муки вместо зерна означало бы не только доступ к продукту, «готовому к употреблению» (в отличие от зерна, требующего локального помола), но и снижение ценовой волатильности на внутреннем рынке за счет прямых контрактов и меньшей зависимости от локальных посредников. Учитывая, что производство муки в России выросло до 8,23 млн т в 2024 г. (самый высокий показатель с 2012 г.) [Производство ..., 2024], увеличение экспорта муки в Африку выглядит крайне перспективным направлением сотрудничества. Ускорить и увеличить экспортные поставки могут позволить уже существующие инструменты: использование специализированных зерно-

мукомольных линий и «сухих портов», форвардные контракты на поставку муки в адрес государственных закупщиков и крупных ритейлеров, а также развитие «холодовой» и складской инфраструктуры на стороне импорта. В совокупности это делает прямые поставки муки и комбикормов не только экономически оправданными, но и социально значимыми.

Помимо зернового сегмента, устойчивый спрос африканских рынков формируется и на мясо-молочную продукцию. Увеличивающаяся динамика спроса обусловлена ускоряющейся урбанизацией и изменением потребительских предпочтений в городах [Reardon et al., 2021]. По оценкам ООН, к середине века 2/3 населения Африки будут проживать в городах, что увеличит спрос на мясо-молочную продукцию и полуфабрикаты [World Urbanization ..., 2018]. На этом фоне соответствующая отрасль российского агроэкспорта в страны Африки демонстрирует поступательный рост и диверсификацию товарной структуры. До 2030 г. наибольший прирост потребления прогнозируется в сегменте мяса птицы: относительная доступность и расширение слоя хозяйств со средними доходами делают именно эту категорию ключевым драйвером увеличения спроса в регионе [OECD–FAO ..., 2024].

Параллельно расширяются возможности в молочно-кондитерском сегменте: на текущем этапе российские компании работают преимущественно в формате B2B-поставок (сухое молоко, сыворотка, масла, сыры), однако есть и успешные примеры выхода в розничный сегмент. Так, в 2022 г. российское мороженое («Айсберри») впервые вышло на рынок Кении, продемонстрировав высокую восприимчивость потребителей к готовой продукции глубокой переработки [Russian food ..., 2023].

Кроме диверсификации, а также формирования долгосрочных отношений с постоянными поставщиками возможным фактором взаимодействия, в том числе в сфере экспорта, является сотрудничество в сфере растениеводства – прежде всего за счет включения в продовольственные цепочки «недостаточно используемых» культур, демонстрирующих повышенную устойчивость к климатическим изменениям. Речь идет прежде всего о сорго, батате, маниоке и

др. Для России это открывает нишу совместных программ по селекции и семеноводству (включая создание локальных семенных хозяйств и трансфер агротехнологий) с прицелом на адаптацию сортов к условиям конкретных агроэкологических зон.

Важным направлением для развития сотрудничества может являться повышение сохранности и безопасности продовольственных товаров. Ключевой вызов для зернового сегмента – микотоксины (прежде всего афлатоксины) – термостабильные токсичные метаболиты грибов, ассоциированные с иммунодепрессией и канцерогенными рисками у человека и животных [Mycotoxins ..., 2023]. Для успешного предотвращения образования микотоксинов и снижения микотоксикологической нагрузки необходимо проводить селекцию и внедрение устойчивых сортов, строго соблюдать правила послеуборочной обработки, осуществлять герметичное хранение (мешки, силосы с контролируемой атмосферой), проводить необходимый лабораторный мониторинг и документальный контроль качества [Dijkink et al., 2022; World Bank, 2020]. Наиболее остро потребность в таких мерах проявляется в климатически уязвимых районах Восточной Африки (включая страны Рифтовой долины), где сочетание температуры и влажности повышает вероятность послеуборочной порчи зерна [Dijkink et al., 2022].

В животноводстве практикуется использование адсорбентов в кормах бройлеров как элемента комплексной стратегии управления микотоксинами. Микотоксины остаются широко распространенной и сложной угрозой для птицеводства, влияя не только на рост и здоровье бройлеров, но и на эффективность вакцин и безопасность пищевых продуктов. Их разнообразие, факторы окружающей среды, способствующие их появлению, и способность к синергетическому взаимодействию с патогенами подчеркивают острую необходимость в комплексных стратегиях контроля по всей цепочке создания стоимости в птицеводстве [Olariu et al., 2025].

В контексте обеспечения продовольственной безопасности африканского континента важнейшую роль играет создание транспортно-логистической

инфраструктуры, систем резервирования продовольствия и механизмов контроля за его запасами, системного мониторинга состояния почв (в том числе при помощи БПЛА и ГИС). Параллельно требуются меры по управлению земельными активами (включая контроль рисков, связанных с крупными трансграничными сделками на землю) и локализации производства удобрений – как это предусмотрено планом действий Африканского союза по плодородию почв и удобрениям на 2024–2034 гг. [Africa Fertilizer ..., 2024].

***

Практическая отдача от комплексного пространственного подхода уже отражается в официальной статистике: по данным Росстата, в 2024 г. индекс производства сельхозпродукции составил 96,8% (3,2% год к году), при этом в фактических ценах выпуск вырос примерно на 5% – до 8,903 трлн руб. [Каким ..., 2025; Почему ..., 2025].

Заданные к 2030 г. ориентиры – прирост выпуска продукции АПК не менее чем на 25% к уровню 2021 г. и выход экспорта на \$55,2 млрд – фиксируют стремление не только к наращиванию производства, но и к структурной перестройке экспортных потоков [Россия увеличивает ..., 2025]. Реализуемость этих планов увязана со Стратегией пространственного развития и режимом стратегического планирования.

Для расширения экспортных возможностей России необходимо развивать маршруты, соединяющие Россию с Восточной и Южной Африкой. В условиях дестабилизации МТК «Север–Юг» дальневосточный маршрут представляется наиболее перспективной альтернативой черноморскому маршруту для экспорта российской продукции АПК в страны Восточной и Южной Африки. Его ключевое преимущество заключается в том, что он опирается на расширяющуюся восточную железнодорожную и портовую инфраструктуру и не зависит от иранского транзитного плеча, уязвимость которого резко возросла в условиях военной эскалации. В этой связи дальневосточное направление следует рассматривать не просто как более длинное, а как более устойчивое: в условиях конфликта решающим критерием становится уже не минимальная

протяженность маршрута, а предсказуемость сервиса, возможность регулярной отгрузки и меньшая зависимость от кризисных участков ближневосточной логистики.

Балтийский маршрут при этом сохраняет значение как дополнительный и уже инфраструктурно зрелое направление, прежде всего для североафриканского и западноафриканского сегмента. Его сильной стороной остается высокая мощность портовой базы. Однако в сравнении с дальневосточным маршрутом его роль в поставках в Восточную и Южную Африку выглядит более ограниченной, поскольку это направление сильнее зависит от общей конъюнктуры европейско-средиземноморского и красноморского судоходства [Shipping between ..., 2026].

Следовательно, оптимальной моделью для экспорта продукции АПК в Африку в текущих условиях становится диверсификация маршрутов: для североафриканских поставок – опора на традиционные западные морские окна, для восточно- и южноафриканских – усиление роли дальневосточного направления, тогда как использование МТК «Север–Юг» в краткосрочной перспективе будет ограничено до восстановления устойчивости и предсказуемости сервиса.

Для улучшения логистической деятельности и повышения эффективности экспортных поставок необходимы инновационные технологии и цифровизация. Использование интеллектуальных транспортных систем, включая автоматизацию складов, системы мониторинга и отслеживания грузов с помощью спутниковых технологий, является необходимым шагом для оптимизации цепочек поставок. Россия активно развивает проекты по внедрению таких технологий, что способствует снижению временных и финансовых потерь на всех этапах транспортировки товаров.

Российские компании активно осваивают новые технологии в сельском хозяйстве: инновационные системы орошения, капельный полив, выращивание растений в закрытом грунте и другие методы современного земледелия. Это позволяет увеличивать объемы производства и улучшать качество аграрной продукции, что повышает конкурентоспособность российской продукции на

африканском рынке. Агротехнологии могут стать перспективным направлением для развития взаимодействия со странами Африки. Кроме поставок технологий непосредственно для ведения сельского хозяйства, Россия может оказать Африке поддержку в цифровизации смежных направлений – таких как управление цепочками поставок и доступ к финансовым данным рынка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что экспорт продукции российского АПК в страны Африки следует рассматривать не как частное или периферийное направление внешней торговли, а как одно из ключевых пространств реализации долгосрочных внешнеэкономических интересов России. Устойчивый рост поставок российской продукции АПК на африканские рынки не только подтверждает значительный экспортный потенциал отечественного аграрного сектора, но и выявляет необходимость его последовательного институционального и инфраструктурного обеспечения – от развития транспортных коридоров, портовой и складской логистики до совершенствования механизмов страхования экспортных рисков, расчетного сопровождения и расширения международной кооперации.

Африканское направление в современных условиях особенно наглядно демонстрирует, что устойчивость экспортной деятельности определяется не только объемами производства и конъюнктурой мировых цен, но и способностью государства, бизнеса и инфраструктурных систем формировать устойчивые пространственные связи между районами производства, узлами переработки, транспортно-логистическими коридорами, портами и конечными рынками сбыта. В этой связи экспорт продукции российского АПК в страны Африки предстает не как совокупность разрозненных сделок, а как пространственно организованная система, развивающаяся под влиянием экономических, логистических, институциональных и геополитических факторов. Такой вывод соответствует общей логике исследования и подтверждает, что в условиях геоэкономической турбулентности пространственный анализ перестает быть вспомогательным инструментом и становится необходимой методологической основой для понимания механизмов устойчивости, адаптации и дальнейшего развития аграрного экспорта.

Решение задачи, связанной с уточнением последовательности эволюции методологических подходов к изучению экономического пространства, показало,

что для изучения российско-африканских агропродовольственных связей наиболее подходят концепции, в которых пространство понимается как среда активного экономического взаимодействия, а не как нейтральный «фон» размещения хозяйственной деятельности. По итогам исследования установлено, что рост экспорта продукции российского АПК в страны Африки в 2013–2024 гг. обеспечивался не столько за счет изолированного влияния ценовой конъюнктуры, сколько пространственным взаимодействием экономических субъектов одновременно на нескольких уровнях: геоэкономическом (межгосударственные договоренности и институциональные рамки), сетевом (цепочка «производство → переработка → порт → импортер»), маршрутном (конфигурация и пропускная способность коридоров), региональном (специализация и инфраструктура субъектов РФ) и институциональном. Тем самым показано, что инструментарий пространственного анализа дает возможность объяснить, почему одни и те же товарные группы при сходной внешней конъюнктуре демонстрируют различную экспортную устойчивость; почему одни регионы России сохраняют роль опорных ядер аграрного экспорта, а другие подключаются к нему преимущественно транзитно; наконец – почему эффективность экспортной стратегии зависит не только от цены продукции, но и от конфигурации производственно-логистических связей. В сущности, именно пространственный ракурс позволил вывести исследование за пределы обычного описания внешнеторговой динамики и перейти к анализу механизмов, формирующих устойчивость или уязвимость экспортной системы в целом.

Решение задачи, посвященной выявлению сильных и слабых сторон нормативной базы российско-африканских экспортно-импортных отношений, позволило установить, что институциональная среда остается одновременно и ресурсом, и ограничителем развития аграрного экспорта. С одной стороны, наличие двусторонних соглашений, механизмов межправительственного взаимодействия, процедур допуска продукции и форм государственной поддержки создает каркас для расширения торговли. С другой – сама по себе договорная база еще не гарантирует устойчивого включения российского

поставщика в конкретный рынок, если она не подкреплена работающими расчетными механизмами, страхованием экспортных рисков, устойчивой логистикой, предсказуемостью санитарных и фитосанитарных процедур и функционирующих каналов распределения. В работе показано, что нормативное регулирование должно оцениваться не изолированно, а в привязке к пространственной структуре экспорта: сильным оказывается не тот режим, который существует только на бумаге, а тот, который реально встраивается в маршрут, портовую инфраструктуру, таможенную практику и систему требований страны-импортера. В этом отношении практическая ценность исследования состоит, на наш взгляд, в демонстрации того, что пространственная и институциональная эффективность экспорта образуют единую аналитическую плоскость.

Решение задачи исследования, связанной с определением характерных черт пространственной организации экспортных цепочек на всем их протяжении, позволило выявить, что ядро российского аграрного экспорта в Африку формируется в ограниченном числе территорий, сочетающих производственный потенциал, торгово-финансовые функции и доступ к опорным транспортным коридорам. Данный вывод имеет не только описательное, но и прикладное значение, поскольку указывает на необходимость выстраивания стратегического планирования в рамках последовательной иерархии «муниципальные ячейки → агломерационные пояса → макрорегионы → федеральные округа», обеспечивающей согласование размещения производства и переработки с железнодорожной, портовой и складской инфраструктурой, а также с параметрами спроса на целевых рынках Африки. В этой логике для каждого приоритетного направления целесообразно формировать «паспорт коридора», включающий показатели единичной логистической стоимости, транзитного времени, надежности поставок, волатильности сроков, уровня потерь в «холодовой цепи» и частоты санитарных и фитосанитарных задержек, с одновременной разработкой схем распределения товарных потоков по странам и

маршрутам с учетом структуры спроса, регуляторных требований и инфраструктурных ограничений стран-импортеров.

По итогам прошедшего десятилетия устойчивыми лидерами аграрного экспорта в Африку оставались Ростовская область, Краснодарский край и Москва. Такой состав лидеров показателен. Ростовская область и Краснодарский край формируют южное производственно-портовое ядро аграрного вывоза, тогда как Москва концентрирует управленческие, торговые, контрактные и финансовые функции – подтверждая таким образом, что пространственная организация экспорта строится не только вокруг полей, элеваторов и портов, но и вокруг центров управления потоками, где принимаются решения о контрактации, распределении партий, страховании, оформлении и маршрутизации грузов.

Примечательно, что эта пространственная логика хорошо видна и на корпоративном уровне: среди крупнейших российских зерновых экспортеров 2024 г. находились «Грейн Гейтс», «Астон» и «Объединенная зерновая компания» (ОЗК) [В 2024 году экспорт ..., 2025]. При этом «Астон» институционально привязан к Ростову-на-Дону, ОЗК – к Москве, «Грейн Гейтс» – к Краснодару. Впервые в число десяти ведущих поставщиков российского зерна попали такие российские компании как «Грейн Сервис», «ТОП Грейн» и «Петрохлеб–Кубань». Также впервые среди десяти крупнейших экспортеров отсутствовали компании иностранного происхождения [там же]. Это означает, что пространственная организация экспорта отражается не только в статистике регионов, но и в реальных корпоративных сетях, распределяющих функции между производством, портами, торговлей и управлением.

Анализ степени инерционности пространственной организации экспорта позволил установить, что для сложившихся товарных и межгосударственных связей характерен эффект высокой базы: крупнейшие партии продукции на протяжении длительного времени концентрируются в одних и тех же странах–импортерах – прежде всего в Египте и других государствах Северной Африки. При этом в отношении новых либо ранее малозначимых товарных позиций

действует иной механизм – эффект низкой базы, когда даже сравнительно умеренное увеличение поставок сопровождается быстрым расширением круга стран–получателей. Этот вывод имеет особое значение для понимания перспектив работы на африканском направлении. Он показывает, что количественный рост экспорта сам по себе еще не означает его качественного усложнения, однако создает предпосылки для пространственной диверсификации при условии, что новые товарные группы будут сопровождаться соответствующей перестройкой логистики, складской инфраструктуры, «холодовой цепи» и процедур допуска на рынок. Эта инерционность сопровождается сдвигом экспорта на юг и восток России. Сопоставление структур экспорта субъектами РФ и импорта африканскими странами подтверждает синхронность изменений, но с неоднородной чувствительностью. Экспорт/импорт мяса, пищевой и «прочей» продукции более чувствителен к колебаниям рыночной конъюнктуры, чем таковой по зерну, маслу и рыбе. Имеет место более высокая инерционность сформированных направлений импорта африканскими странами, тогда как экспортная структура субъектов РФ в среднем менее инерционна и быстрее реагирует на внешние изменения. Таким образом, одно из центральных положений исследования заключается в том, что эффективная экспортная стратегия должна быть ориентирована не только на рост тоннажа, но и на повышение структурной гибкости самой экспортной системы.

Решение задачи, связанной с уточнением существующих и предложением перспективных траекторий развития экспортно-импортных отношений, позволило сделать наиболее значимые практические обобщения. Прежде всего было подтверждено, что черноморско-средиземноморский маршрут в Северную Африку остается опорным для российского аграрного экспорта. Это связано как с концентрацией производственного и терминального потенциала на юге России, так и с характером африканского спроса, в рамках которого основным партнером остается Египет. Иными словами, черноморско-средиземноморский коридор сохраняет базовое значение не только по инерции, но и по объективным пространственным основаниям. Вместе с тем исследование показало, что в

изменившихся геоэкономических условиях опора только на традиционные коридоры уже не обеспечивает необходимой устойчивости пространственной структуры. Балтийский коридор, обладая важным вспомогательным значением, не снимает проблемы общей маршрутозависимости. Южный коридор (МТК «Север–Юг») через Каспийское море и Иран теоретически расширяет вариативность поставок, однако в условиях эскалации на Ближнем Востоке его надежность резко снижается. Следовательно, главный практический вывод работы состоит в том, что будущая архитектура российского аграрного экспорта в Африку должна быть поли-, а не монокоридорной.

Именно в этом контексте наиболее существенным итогом работы становится переоценка дальневосточного маршрута. Если ранее он рассматривался преимущественно как резервное и менее предпочтительное направление вследствие большей протяженности, то в условиях последних геополитических изменений его значение существенно возрастает. Его главное преимущество состоит не в том, что он короче или дешевле в абсолютном выражении, а в том, что он позволяет вынести значительную часть экспорта за пределы наиболее турбулентного ближневосточного пространства. Особенно это важно для поставок в Восточную и Южную Африку, где конкурируют несколько длинных маршрутов и где вопрос надежности зачастую оказывается важнее номинальной протяженности пути. В этом отношении дальневосточный маршрут выступает не заменой черноморскому направлению, а его стратегическим дополнением. Для Египта и ряда североафриканских рынков южный экспортный каркас России, очевидно, еще долго будет оставаться доминирующим. Однако для восточноафриканского и частично южноафриканского плеча именно Дальний Восток способен постепенно стать тем пространственным резервом, который повышает устойчивость всей системы в условиях санкционных, страховых и военно-политических рисков.

Такой вывод подкрепляется и инфраструктурной динамикой. Провозная мощность восточного полигона, включающего Байкало-Амурскую и Транссибирскую магистрали, была доведена до 180 млн т, а грузооборот морских

портов Дальневосточного бассейна за январь–ноябрь 2025 г. достиг 230,2 млн т, увеличившись на 6,5%; особенно выросли в этом отношении порты Владивосток и Ванино [Грузооборот ..., 2025; Провозная ..., 2024].

Эти показатели важны не только как статистическая констатация. Они свидетельствуют о том, что дальневосточное направление уже располагает инфраструктурной базой, позволяющей рассматривать его в качестве реально усиливающегося звена экспортной системы. Иначе говоря, стратегическое значение дальневосточного маршрута определяется наложением двух процессов – ростом внешних рисков на традиционных южных траекториях и постепенным укреплением транспортной и портовой базы на востоке страны. Именно это сочетание и делает данный маршрут одним из наиболее перспективных в отношении пространственного перераспределения российского аграрного экспорта.

В более широком аналитическом плане становится очевидным, что главный результат исследования состоит в переходе от описания экспорта как совокупности объемов к его пониманию в качестве управляемой пространственной системы. В этом отношении ключевыми факторами становятся иерархия территориального планирования, согласованность производства и логистики, наличие опорных и резервных коридоров, устойчивость портовых узлов, чувствительность маршрутов к внешним ограничениям и способность быстро перенастраивать товарные потоки под требования конкретных стран–партнеров. Отсюда вытекает и более общий прикладной вывод: для дальнейшего перехода от преимущественно импортозамещающей к экспортно-ориентированной модели развития российского сельского хозяйства необходим не набор точечных мер, а целостная система инструментов. В нее должны входить модернизация производственных мощностей и агрологистики, расширение возможностей хранения и переработки, развитие цифрового отслеживания потоков и сертификации продукции, поддержка длинных логистических цепочек, страхование экспортных и расчетных рисков, адресное кредитование, развитие сухих портов и оптово-

распределительных центров, а также более точная увязка товарного портфеля с инфраструктурой и регуляторными режимами стран–импортеров. Эта система предполагает смещение акцентов с простого наращивания отгрузок на конструирование устойчивых экспортных систем в сочетании с совместной работой над глубинными проблемами продовольственных систем африканских партнеров – развитием инфраструктуры хранения и холодовой логистики, модернизацией лабораторной и санитарной базы, созданием надежных расчетных механизмов, расширением переработки, локализацией сервисных компетенций, укреплением межотраслевых связей «наука – АПК» (полевые селекционные станции, адаптация сортов, сервисы качества), реализацией совместных проектов по хранению и обработке продукции, а также институциональной интеграцией в региональные цепочки добавленной стоимости.

В этом смысле исследование выходит за рамки сугубо внешнеторговой проблематики, поскольку показывает, что пространственная организация экспорта способна стать основой более глубокой модели партнерства, в которой Россия выступает не только поставщиком базовых товаров, но и участником формирования устойчивых производственно-логистических связей на африканском направлении. Именно этим определяется практическая значимость работы: ее результаты ориентированы на мобилизацию ресурсной и сельскохозяйственной баз взаимодействующих сторон и могут быть использованы государственными органами при разработке национальной стратегии повышения конкурентоспособности России на мировых сельскохозяйственных рынках, а также при выстраивании новых торгово-экономических отношений со странами Африки в условиях перехода от ресурсоориентированной к инновационной модели развития. Тем самым исследование формирует практические ориентиры – как для органов государственной власти, так и для бизнеса – при разработке мер поддержки, планировании инфраструктурных проектов и настройке контрактных моделей на африканском направлении; в долгосрочной перспективе оно также может

служить основой для прогнозирования потребности африканских стран в продукции российского АПК.

В рамках достижения общей цели исследования удалось показать, что пространственная организация экспорта продукции российского агропромышленного комплекса в страны Африки носит выражено иерархический, узловый и коридорный характер; она сохраняет высокую степень инерционности, но одновременно обладает потенциалом пространственной трансформации; ее устойчивость определяется не только внешнеэкономической конъюнктурой, но и взаимодействием экономических субъектов на разных пространственных уровнях; в условиях усиления внешних рисков дальнейшее развитие экспорта требует не механического перенаправления потоков, а осознанного конструирования многокоридорной системы. Если рассматривать работу в целом, то ее основная научная и практическая ценность состоит в том, что она позволяет увидеть за статистикой вывоза внутреннюю структуру экспортного пространства и тем самым перевести анализ аграрного экспорта из плоскости конъюнктурных оценок в плоскость долгосрочного стратегического проектирования.

Вместе с тем исследование выявило и ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов. Наиболее существенная сложность связана с закрытостью и фрагментарностью данных – особенно за период после 2022 г. Для более ранних лет возможно использование относительно системной официальной статистики Федеральной таможенной службы России, тогда как для последующего периода исследование неизбежно опирается на сочетание открытых отраслевых материалов, оценок специализированных центров, корпоративных сообщений и косвенных индикаторов. Кроме того, в открытом доступе практически отсутствуют исчерпывающие сведения о контрактных ценах, страховых условиях, параметрах мультимодальной перевалки, фактических задержках, внутренней структуре логистических затрат и особенностях последней мили в странах Африки. Это ограничивает точность отдельных сопоставлений и требует осторожности в

обобщениях. Однако именно эти ограничения показывают, что дальнейшее развитие исследований в данном направлении остается востребованным. В перспективе необходимы более детальные работы по отдельным товарным сегментам, по субрегионам Африки, по вопросам холодной логистики, а также конкурентному сопоставлению России с другими крупными поставщиками продовольствия. Особого внимания требует и практическая верификация дальневосточного маршрута на примерах конкретной экспортной деятельности.

Таким образом, итоговый вывод состоит в том, что пространственная организация экспорта продукции российского АПК в страны Африки является ключевым условием его устойчивости, адаптивности и долгосрочного роста. Пространственный подход позволяет увидеть за сводными статистическими показателями реальные механизмы формирования экспортной устойчивости, включая функциональную дифференциацию регионов, сосредоточение экспортной активности в ключевых узлах, устойчивость сложившихся связей со странами–импортерами, трансформацию транспортно-логистических направлений, влияние инфраструктурной и регуляторной среды, а также необходимость диверсификации экспортной географии. При сохранении важности черноморско-средиземноморского маршрута как основного канала для Северной Африки (прежде всего для Египта) стратегическая логика развития российско-африканского аграрного взаимодействия все отчетливее требует усиления поликоридорности. В этой конфигурации дальневосточный маршрут приобретает особую перспективность как инфраструктурно подкрепленная и геополитически более устойчивая альтернатива существующим каналам, значение которой будет расти по мере сохранения рисков на ближневосточном направлении. Следовательно, укрепление позиций России на африканских рынках связано не просто с увеличением тоннажа поставок, а с решением более сложной задачи – формированием пространственно, логистически и институционально выверенной модели экспорта, способной одновременно обеспечивать коммерческую эффективность, устойчивость поставок и долгосрочное экономическое партнерство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на африканском направлении // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63. № 12. – С. 90–100.

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Стратегия России на африканском направлении: что изменилось после саммита Россия-Африка 2019? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 12. С. 68-78

Абрамченко рассказала о доле рублевых расчетов за поставки агропродукции // *РИА Новости*. 12.01.2024. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20240112/postavka-1920852054.html> (дата обращения: 09.03.2026).

Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г., Кондакова Т.Ю. Поляризация социально-экономического пространства в регионах староосвоенного Центра России: пример Ярославской области // *Мир России*. – 2021. – Т. 30. № 1. – С. 49–66.

Аграрный экспорт регионов России. 2023 // *Федеральный центр «Агроэкспорт»* [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2024/04/agrarnyj_eksport_regionov_rf_2023.pdf (дата обращения: 08.12.2024).

Аграрный экспорт регионов России. 2024 // *Федеральный центр «Агроэкспорт»* [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2025/04/agrarnyj-eksport_regionov_rf_2024.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

«Агроэкспорт» представил рейтинг регионов по уровню развития экспортного потенциала АПК // *Агроинвестор*. 10.10.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/regions/news/43144-agroeksport-predstavil-reyting-regionov-po-urovnyu-razvitiya-eksportnogo-potentsiala-apk/> (дата обращения: 14.09.2025).

Акимов А.В. Новая система производительных сил и развивающиеся страны: возможности и риски // *Восток. Афро-азиатские общества: история и*

современность. – 2021. – № 3. – С. 144–157.

Акимов А.В. Суэцкий канал: судоходство и политические интересы // Арабский Восток: пространство возможностей и тупики периферийности / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.А. Кузнецов, А.О. Филоник. – М.: Институт востоковедения РАН, 2023. – С. 19–36.

Алиханов рассказал о взаиморасчетах России и Египта // РИА Новости. 14.05.2025. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20250514/egipet-2016907306.html> (дата обращения: 09.03.2026).

Алтухов А.И. Парадигма продовольственной безопасности России. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 312 с.

Андреева Е.Л., Карх Д.А., Ратнер А.В., Тарасов А.Г. Направления развития торгово-экономического партнерства с Африкой в условиях трансформации внешнеэкономических связей России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 5. – С. 70–85.

Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Методический подход к оценке региональной ВЭД в условиях современных глобальных вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 2. – С. 7–24.

АПК России: ценовые отношения в условиях перехода к экспортно-ориентированной экономике и интеграции в ЕАЭС. – М.: ООО «Научный консультант», 2019. – 294 с.

Атаки на порты Усть-Луга и Приморск могут помешать экспорту нефти // Forbes.ru. 2026 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/558189-ataki-na-porty-ust-luga-i-primorsk-mogut-pomesat-eksportu-nefti> (дата обращения: 30.03.2026).

Африка: санкции, элиты и суверенное развитие / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Институт Африки РАН, 2021. – 368 с.

Балкерный терминал в порту Туапсе в 2024 г. планирует увеличить перевалку на 18% // Информационное агентство Зерно Он-Лайн. 16.08.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zol.ru/n/3c8ca> (дата обращения: 16.06.2025).

Балтика никогда не будет внутренним морем НАТО // Portnews.ru. 21.01.2026 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://portnews.ru/news/387062/> (дата обращения: 30.03.2026).

Бандман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований / Отв. ред. А.Г. Аганбегян. – Новосибирск: Наука, 1980. – 254 с.

Баранский Н.Н. Экономическая география: некоторые итоги и задачи. – М.: Соцэкгиз, 1935. – 224 с.

Барсукова С.Ю. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: оценка экспертов // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. № 4. – С. 37–46.

Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

В 2022 году Россия вновь вошла в топ-20 мировых экспортеров продовольствия // Федеральный центр «Агроэкспорт». 27.06.2023. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aemcx.ru/2023/06/27/v-2022-godu-rossiya-vnov-voshla-v-top-20-mirov/> (дата обращения: 10.02.2026).

В 2024 году российский агроэкспорт в Африку превысил 7 млрд долларов // Agroexport. 10.03.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aemcx.ru/2025/03/10/v-2024-godu-rossijskij-agroeksport-v-afriku-prevysil-7-mlrd-dollarov/> (дата обращения: 20.04.2025).

В 2024 году экспорт российского зерна стал рекордным // Агроэкспорт. 28.01.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aemcx.ru/2025/01/28/v-2024-godu-eksport-rossijskogo-zerna-stal-rekordnym/> (дата обращения: 24.03.2026).

В Латвии размышляют о возможности закрытия Балтийского моря для всех российских судов // Смотрим. Журнал. 23.10.2023. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smotrim.ru/journal/3616698> (дата обращения: 26.03.2026).

В сезоне-2023/24 экспорт зерна из России превысил 68 млн т; отгрузки кукурузы – 5,3 млн т // Агроинвестор. 02.07.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/42556-v-sezone-2023-24-eksport-zerna-iz-rossii-prevysil-68-mln-tonn/> (дата обращения: 17.08.2025).

Вардомский Л. Вопросы сопряжения инициативы Китая «Пояс и Путь» и проекта Евразийского экономического союза // Общество и экономика. – 2024. – № 7–8. – С. 112–126.

Вебер А. Теория размещения промышленности. – М.: Книга, 1926. – 228 с.

Гаврилова Н.Г., Мухаметзянов Р.Р. Производство мяса КРС и проблемы передвижного скотоводства в Африке // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2021. – № 6. – С. 100–104.

Гвилия Н. А., Адуссиба К. Б. Логистика как драйвер развития торгово-экономического сотрудничества «Россия – Африка» // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2023. № 4. С. 75–81. DOI: 10.24143/2073-5537-2023-4-75-81.

Глава Афросоюза заявил, что Африка должна научиться накормить себя и помочь прокормить мир // ТАСС. 25.01.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16885551> (дата обращения: 10.10.2024).

Горохов С.А. Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: дис. ... д-ра геогр. наук. – М.: Институт географии РАН, 2017. – 394 с.

Господдержка аграриев. Как изменившийся механизм помощи от Минсельхоза повлияет на АПК // Агроинвестор. 15.03.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/42008-gospodderzhka-agrariyev-kak-izmenivshiysya-mekhanizm-pomoshchi-ot-minselkhoza-povliyaet-na-apk/> (дата обращения: 03.11.2024).

Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // КонсультантПлюс [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/382272c165ef852a1f38b5df8e04049e36c7b6de/ (дата обращения: 03.09.2025).

Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2000. – 495 с.

Грузооборот морских портов России за январь–ноябрь 2025 года // Ассоциация морских торговых портов. 12.12.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-yanvar-noyabr-2025-goda> (дата обращения: 24.03.2026).

Дайджест российских СМИ: события недели, 30 января – 05 февраля 2025 г. // Ассоциация экспортеров и импортеров сельскохозяйственной продукции [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2025/04/digest_rus_30.01-05.02.2025.pdf (дата обращения: 02.07.2025).

Демьяненко А.Н. Краткий очерк жизни и творчества Н.Н. Колосовского // *Пространственная экономика*. – 2009. – № 1. – С. 124–133.

Дерюгина И.В. Мировой продовольственный кризис через год после начала спецоперации России на Украине: роль «черноморской зерновой инициативы» // *Восточная аналитика*. – 2023. – Т. 14. № 2. – С. 10–23.

Дерюгина И.В. Многополярность на мировом рынке продовольствия: роль Индии и России // *Восточная аналитика*. – 2024. – Т. 15. № 1. – С. 62–76.

Дерюгина И.В. Сельское хозяйство Египта в XXI веке // *Труды Института востоковедения РАН*. 2019. № 22. С. 129–142.

Джанчарова Г.К., Мухаметзянов Р.Р., Чекмарева Н.В., Платоновский Н.Г., Джанчаров Т.М., Тарасенко В.Н., Снегирев Д.В. Обеспечение продовольственной безопасности государства и развитие экспортного потенциала аграрного сектора России // *Московский экономический журнал*. – 2022. – Т. 7. № 6. – С. 9–39.

Дмитриев Р.В. Использование гравитационных моделей для пространственного анализа систем расселения // *Народонаселение*. – 2012. – № 2 (56). – С. 41–47.

Дмитриев Р.В. Теория центральных мест: от статики к динамике. – М.: Институт Африки РАН, 2023. – 204 с.

Желтов А. Ю. Россия и Африка – история и современность // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. – 2012. – Вып. 4. – С. 3–13.

Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

Зерновой терминал АО «КСК» // Официальный сайт [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gt-ksk.com/about/> (дата обращения: 31.08.2025).

Иванова Е.В. Формирование и развитие агропродовольственных кластеров в условиях политики импортозамещения: дис. ... д-ра экон. наук. – Мичуринск: Мичуринский государственный аграрный университет, 2018. – 364 с.

Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1966. – 659 с.

Изотов Д.А. Влияние интеграционных и геополитических факторов на торговлю Дальнего Востока России с зарубежным рынком // Пространственная экономика. 2024. Т. 20. № 2. С. 40–70. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.2.040-070>

Изотов Д. А. Экономическое развитие и внешнеторговые взаимодействия России: текущее состояние и среднесрочные перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 48–67. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-48-67>.

Индекс Херфиндаля–Хиршмана [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/economics/text/4664610> (дата обращения: 08.08.2024).

Иоффе Г.В. Изучение географии сельского хозяйства в зоне влияния крупнейшего города // Известия АН СССР. Серия географическая. – 1984. – № 1. – С. 65–73.

Иоффе Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы. – М.: Наука, 1990. – 164 с.

Иран передал России 34 километра земли под строительство железной дороги // РИА Новости. 27.09.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20250927/iran-2044793222.html> (дата обращения: 05.10.2025).

Исаев В.А., Филоник А.О. Продовольственная проблема в арабских странах в свете вызовов «зеленой» экономики // Мир новой экономики. – 2020. – Т. 14. № 1. – С. 34-43.

Исаев В.А., Филоник А.О. Российско-Арабские торгово-экономические отношения // Восточная аналитика. – 2011. – № 2. – С. 158–161.

Итоговый доклад о результатах деятельности Минсельхоза России за 2024 год [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/0e2/lipzc4kj90q2g0swbscxu6j5mc7e86rz.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).

Каким было производство агропродукции в 2024 году // Свое фермерство. 03.02.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/news/kakim-bylo-proizvodstvo-agroprodukcii-v-2024-godu> (дата обращения: 13.09.2025).

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. – М.: Наука, 1969. – 392 с.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31 (ч. I). – Ст. 4398.

Концепция развития экспорта российской продукции АПК посредством системного участия в государственных закупках зарубежных стран // ФГБУ «Агроэкспорт». 2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2024/10/konczepczija_razvitiya_eksporta_rossijskoj_produkczii_apk_posredstvom_sistemnogo_uchastiya_v_gosudarstvennyh_zakupkah_zarubezhnyh_stran.pdf (дата обращения: 28.05.2025).

Костяев А.И. Дифференциация сельского пространства: закономерности и движущие силы // АПК: экономика, управление. – 2023. – № 8. – С. 123–134.

Костяев А.И., Никонова Г.Н. Развитие процессов территориальной дифференциации аграрного производства Нечерноземья и их современные тренды // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. № 4. – С. 150–168.

Костяев А.И., Трафимов А.Г. Развитие экспорта продукции АПК – один из факторов активизации сельских территорий // Никоновские чтения. – 2017. – № 22. – С. 277–279.

Кто станет главным зерновым хабом России? // AgriExpert. 21.09.2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://agriexpert.ru/articles/5331/kto-stanet-glavnym-zernovym-habom-rossii> (дата обращения: 17.01.2026).

Курс на Африку: с начала 2023 года экспорт России в страны Африки увеличился в стоимостном выражении на 91% // Россельхозбанк. 28.07.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rshb.ru/news/premium-ultra/28072023-000002> (дата обращения: 02.07.2025).

Ледокольные услуги: Северо-Западный бассейновый филиал // ФГУП «Росморпорт» [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rosmorport.ru/spb_serv_led.html (дата обращения: 31.08.2025).

Лейбниц Г.В. Философские сочинения / пер. с нем. и лат. – М.: Мысль, 1982. – 672 с.

Леонтьев В. Межотраслевой баланс США // Плановое хозяйство. – 1937. – № 4. – С. 17–35.

Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 567 с.

Лёш А. Пространственная организация хозяйства / отв. ред. А.Г. Гранберг. – М.: Наука, 2007. – 420 с.

Макар С.В. Акценты категории «связанность» в контексте построения стратегии устойчивого экономического развития России // Экономика: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 46–50.

Макар С.В. К развитию методологии пространственного анализа: концепция ограниченной пространственной поляризации // Дискуссия. – 2024. – № 3. – С. 6–12.

Минакир П.А., Джурка Н.Г. Методологические основания пространственных исследований в экономике // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т. 88. № 7. – С. 589–598.

Минсельхоз России: экспорт продукции АПК за 10 лет вырос с 17,1 млрд долл. в 2013 г. до 43,5 млрд долл. в 2023 г. // ТАСС. 06.08.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/21536909> (дата обращения: 09.06.2025).

Минсельхоз: российских сельхозатташе в Африке будет больше, потенциал поставок значительный // DairyNews: новостной портал агропромышленного комплекса. 11.11.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dairynews.ru/news/minselkhoz-rossiyskikh-selkhozattashe-v-afrike-bud.html> (дата обращения: 02.07.2025).

Минсельхоз: Россия занимает 16-е место в мире по экспорту продукции АПК // ТАСС. 23.10.2024 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/22198875> (дата обращения: 10.02.2026).

Может ли ЕС закрыть Балтику для российской нефти? // Российская газета. 24.02.2026 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2026/02/24/ne-zaserpitsia-za-prolivy.html> (дата обращения: 26.03.2026).

Мухаметзянов Р.Р., Сторожев Д.В., Платоновский Н.Г., Снегирев Д.В. Изменение стоимостного импорта плодоовощной продукции в Египет // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2023. – № 4. – С. 55–62.

На нацпроект технологического обеспечения продовольственной безопасности выделят 260 млрд рублей // OleoScore. 06.12.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oleoscore.com/news/260-mlrd-na-nacproekt-tehnologicheskogo-obespechenija-prodovolstvennoj-bezopasnosti/> (дата обращения: 10.04.2025).

Названы наиболее перспективные для российского агроэкспорта африканские страны // Поле.рф. 11.11.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://поле.рф/journal/publication/nazvany-naibolee-perspektivnyye-dlya-rossiyskogo-agroeksporta-afrikanskije-strany> (дата обращения: 22.06.2025).

Национальный проект «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности». 2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/924/about/> (дата обращения: 18.04.2025).

Нефедова Т.Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // *Пространственная экономика*. – 2019. – Т. 15. № 4. – С. 36–56.

НЗТ в 2024 году перевалил рекордные 7,2 млн т зерновых // *Коммерсантъ*. 27.05.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7755075> (дата обращения: 16.06.2025).

Новая географическая картина мира / Под ред. В.А. Колосова, Д.В. Зайца. – М.: Дрофа, 2021.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ.; под ред. М.А. Федотовой. – М.: Наука, 2000. – 198 с.

Нуждин И.И. Анализ уровня диверсификации экспорта сельскохозяйственной продукции из России в страны Африки // *Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики*. – 2024. – № 6. – С. 791–793.

Нуждин И.И. Оценка степени пространственной однородности экспорта продукции российского АПК в страны Африки // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. – 2025а. – Т. 11. № 1. – С. 235–245.

Нуждин И.И. Пространственная дифференциация экспорта российской продукции АПК в Африку: роль Египта как ключевого импортера // *БРИКС в экономике и политике стран Азии и Африки: колл. монография* / Отв. ред. И.В. Дерюгина. – М.: ИВ РАН, 2025с. – С. 659–667.

Нуждин И.И. Региональные диспропорции российского экспорта сельскохозяйственной продукции в страны Африки // *Материалы XXII Всероссийской школы молодых африканистов* / Отв. ред. Н.А. Жерлицына. – М.: Институт Африки РАН, 2023. – С. 185–187.

Нуждин И.И. Экспорт продукции российского АПК в Африку: дифференциация потоков на страновом уровне // *Вестник Марийского*

государственного университета. Серия: Сельскохозяйственные науки. Экономические науки. – 2025b. – Т. 11. № 2. – С. 191–198.

Нуждин И.И., Дмитриев Р.В. Пространственная трансформация экспорта продукции российского АПК в страны Африки // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2026. – Т. 12. № 1.

Нуждин И.И., Дмитриев Р.В. Региональные диспропорции российского экспорта сельскохозяйственной продукции в страны Африки // Азия и Африка сегодня. – 2024. – № 7. – С. 17–23.

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования градостроительной деятельности: Федеральный закон от 19 декабря 2022 г. № 541-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434583/ (дата обращения: 09.07.2025).

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам территориального планирования и градостроительной деятельности: Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 240-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449446/ (дата обращения: 09.07.2025).

О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70210644/> (дата обращения: 28.05.2025).

О землеустройстве: Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 26. – Ст. 2582.

О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г.

№ 309 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 25.04.2025).

О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08 августа 2024 г. № 288-ФЗ [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202408080097> (дата обращения: 13.09.2025).

О развитии сельского хозяйства: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1 (ч. I). – Ст. 27.

О Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р // Официальный интернет-портал правовой информации [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.04.2025).

О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26. – Ст. 3378.

О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1 (ч. I). – Ст. 29.

Об итогах социально-экономического развития Богородского городского округа за 2024 год и задачах на 2025 год: Постановление Администрации Богородского городского округа Московской области № 1506. 23.05.2025 // Официальный сайт Богородского городского округа [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bogorodsky-okrug.ru/docs/doc/postanovlenie-ob-itogah-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-bogorodskogo-gorodskogo-okruga-za-2024-g-292443> (дата обращения: 01.09.2025).

Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30. – Ст. 3127.

Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/> (дата обращения: 26.03.2024).

Об утверждении Правил подготовки и утверждения единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования поселения, муниципального округа, городского округа, внесения в него изменений и состава материалов по обоснованию единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования поселения, муниципального округа, городского округа: Постановление Правительства РФ от 29 июня 2023 г. № 1076 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451122/ (дата обращения: 28.05.2025).

Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (дата обращения: 09.07.2025).

Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р // ГАРАНТ: информационно-правовой портал [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/> (дата обращения: 14.09.2025).

Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112030006> (дата обращения: 31.08.2025).

Откуда экспорт. Рейтинг регионов по объему вывоза продукции АПК // Агроинвестор. 05.10.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/34498-otkuda-eksport-reyting-regionov-po-obemu-vyvoza-produktsii-apk/> (дата обращения: 17.01.2026).

План съедобен: Россия поставила рекорд по экспорту мяса // Министерство транспорта Российской Федерации. 23.01.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/5990> (дата обращения: 25.04.2025).

Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / пер. с англ.; общ. ред. В.Д. Щетинина. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 947 с.

Почему в России снизился выпуск продовольствия в 2024 году // Российская газета. 02.04.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2025/04/02/vypusk-prodovolstviia-snizilsia-iz-za-nepogody.html> (дата обращения: 13.09.2025).

Пробст А.Е. Размещение социалистической промышленности. – М.: Экономиздат, 1962. – 340 с.

Провозная мощность Восточного полигона в 2024 году вырастет до 180 млн тонн // Министерство транспорта Российской Федерации. 28.11.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/eye/press-center/branch-news/5643> (дата обращения: 24.03.2026).

Продовольственный суверенитет Африки: африканской проблеме – совместное решение // Интерфакс. 27.07.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/913622> (дата обращения: 27.11.2024).

Производство муки в России выросло до 8,23 млн тонн в 2024 году // Институт конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР). 27.12.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://поле.рф/journal/publication/proizvodstvo-muki-v-rossii-vyroslo-do-823-mln-tonn-v-2024-godu> (дата обращения: 24.08.2025).

Пространственное развитие сельского хозяйства России. – М.: Издательство ООО «Научный консультант», 2021. – 324 с.

РБК: Поставки зерна из портов Кубани в Африку выросли на четверть в 2024 г. // ФГБУ «Федеральный центр оценки безопасности и качества продукции АПК». 22.01.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.fczerna.ru/news/?NAME=rbk-postavki-zerna-iz-portov-kubani-v-afriku-vyrosli-na-chetvert-v-2024-g> (дата обращения: 16.06.2025).

Региональная статистика: учебник / Отв. ред. Рябцев В.М., Чудилин Г.И. – М.: ООО «Московский издательский дом», 2001. – 380 с.

Решетников: РФ обсуждает с Танзанией открытие регулярной грузовой морской линии // Африканская инициатива – агентство новостей. 30.10.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://afrinz.ru/2024/10/reshetnikov-rf-obsuzhdaet-s-tanzaniej-otkrytie-regulyarnoj-gruzovoj-morskoj-linii/> (дата обращения: 31.08.2025).

Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / пер. с англ.; под ред. В.А. Азова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 424 с.

Российский агроэкспорт в страны Африки увеличился на 19% в прошлом году // Российская газета. 10.03.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2025/03/10/rossijskij-agroeksport-v-strany-afriki-uvelichilsia-na-19-v-proshlom-godu.html> (дата обращения: 17.06.2025).

Россия в 2024 году снизила объем сельхозпроизводства на 3,2% – Росстат // Agroexpert.press. 07.02.2025 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://agroexpert.press/numbers/rossiya-v-2024-godu-snizila-obem-selhozproduktstva-na-32-rosstat/> (дата обращения: 25.12.2025).

Россия – крупнейший поставщик продовольствия в Африку // 14.11.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/news/rossija-krupnejshij-postavschik-prodovolstvija-v-afriku> (дата обращения: 05.02.2026).

Россия может увеличить экспорт зерна в страны Африки // Агроинвестор. 10.06.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.agroinvestor.ru/markets/news/44346-rossiya-mozhet-uvelichit-eksport-zerna-v-strany-afriki/> (дата обращения: 22.06.2025).

Россия не может экспортировать муку по конкурентным ценам из-за нарушений Турцией правил ВТО // Зерно Он-Лайн. 06.09.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zol.ru/n/39e68> (дата обращения: 24.08.2025).

Россия увеличивает экспорт более дорогих сельскохозяйственных продуктов // Российская газета. 11.09.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2025/09/11/sdelali-vyvoz.html> (дата обращения: 13.09.2025).

Россия увеличила объем экспорта продовольствия в Африку // АГРО.КЛУБ. 26.10.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://agro.club/tpost/ха9njо3а91-rossiya-uvelichila-obem-eksporta-prodovo> (дата обращения: 22.06.2025).

Россия увеличила поставки сельхозпродукции в Африку // РИА Новости. 10.03.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20250310/afrika-2004085281.html> (дата обращения: 10.06.2025).

Ростовская область в 2023 г. почти удвоила экспорт продукции АПК в страны Африки // Интерфакс. 12.12.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/main/rostovskaya-oblast-v-2023g-pochti-udvoila-eksport-produkcii-apk-v-strany-afriki> (дата обращения: 16.06.2025).

РФ в 2024 г. экспортировала 109 млн т продукции АПК, занимает третье место в мире среди поставщиков – Лут // Интерфакс-Россия. 14.04.2025 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/main/rf-v-2024g-eksportirovala-109-mln-t-produkcii-apk-zanimaet-trete-mesto-v-mire-sredi-postavshchikov-lut> (дата обращения: 25.12.2025).

РФ в январе – августе экспортировала с Дальнего Востока продукцию АПК на \$2,9 млрд // ТАСС. 12.09.2023. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/18725311> (дата обращения: 09.03.2026).

РФ поставляет продовольствие и удобрения в Африку, несмотря на ограничения // Альта-Софт. 19.05.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alt.ru/external_news/119201/ (дата обращения: 22.06.2025).

Рыба от «ТИГР»а: мультитемпературный терминал «РРК Логистик» в Богородском г.о. // EastRussia. 22.02.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eastrussia.ru/material/-ryba-ot-tigr-a/> (дата обращения: 01.09.2025).

Свой, не чужой: Минсельхоз рассчитывает на рост сотрудничества со странами Африки // ТКС.ru. 25.10.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tks.ru/reviews/2024/10/25/02/> (дата обращения: 17.06.2025).

Сельхозпроизводство сократилось на 3,2% в 2024 году – Росстат // Поле.рф. 03.02.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://поле.рф/journal/publication/selkhozproduzvodstvo-sokratilos-na-32-v-2024-godu-rosstat> (дата обращения: 05.02.2026).

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 784 с.

Татаркин А.И. Модернизационное обновление российского пространства на основе инновационных инициатив // Регион: Экономика и Социология. – 2016. – № 1. – С. 6–33.

ТД «Риф» сменил название на ООО «Родные поля» // Коммерсантъ. 26.04.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6678510> (дата обращения: 18.01.2026).

Терминал ГК «Дело» в Новороссийске установил рекорд России, обработав более 1 млн тонн зерна за апрель // Сергей Шишкарёв. 02.05.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shishkarev.3ebra.com/ru/news/terminal-gk-delo-v-novorossiyske-ustanovil-rekord-rossii-obrabotav-bolee-1-mln-tonn-zerna-za-aprel/> (дата обращения: 31.08.2025).

Трасса М-12 «Восток»: от Москвы до Казани за 6,5 часов // Министерство транспорта РФ. 15.02.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11108> (дата обращения: 31.08.2025).

Трасса М-12: протяженность, правила и стоимость проезда // Inkazan.ru.

17.07.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inkazan.ru/news/2025-07-17/trassa-m-12-protyazhennost-pravila-i-stoimost-proezda-5438019> (дата обращения: 11.09.2025).

Тюнен И.Г. Изолированное государство / Под ред. А.А. Рыбникова. – М.: Издательство «Экономическая жизнь», 1926. – 320 с.

ФТС отметила в 2025 году сокращение экспорта продукции АПК на 4,1% // Интерфакс. 10.02.2026 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/1071947> (дата обращения: 09.02.2026).

ФТС предоставила данные по экспорту-импорту России за 2024 год // Новости логистики. 26.02.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lognews.ru/fts-predostavila-dannye-po-eksportu-importu-rossii-za-2024-god> (дата обращения: 07.07.2025).

Фуджита М., Кругман П., Венейблс Э. Пространственная экономика: города, регионы и международная торговля / пер. с англ.; под ред. А.Г. Гранберга. – М.: URSS, 2007. – 496 с.

«Черный лебедь» на Ближнем Востоке: что будет с коридором «Север-Юг» // РБК Кавказ. 06.03.2026 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/06/03/2026/69aac44b9a79471d75b3f55e> (дата обращения: 17.03.2026).

Чухарев А.В., Шкваря Л.В. Структура мирового рынка зерна и ее наиболее уязвимые элементы в условиях глобальных вызовов // Горизонты экономики. – 2025. – № 4. – С. 198–203.

Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 110 с.

Шаталин С.С. Принципы и проблемы оптимального планирования народного хозяйства. – М.: Экономика, 1971. – 294 с.

Швеция напрашивается на ответ России в «бутылочном горлышке» Балтики // VZ.ru. 13.03.2026 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vz.ru/world/2026/3/13/1401972.html> (дата обращения: 30.03.2026).

Шкваря Л.В. Стратегии развития сельскохозяйственного сектора в странах арабского региона и некоторые их результаты // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2024. – Т. 20. № 1. – С. 68–78.

Шупер В.А. Овладение пространством для преобразования страны // Вопросы философии. – 2024. – № 8. – С. 5–15.

Эккель Б.М. Определение индекса этнической мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. – 1976. – № 2. – С. 33–42.

Экспорт АПК РФ в Африку в I полугодии удвоился, обновлен рекорд по пшенице – Патрушев // MFD.ru. 28.07.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfd.ru/news/view/?id=2581220> (дата обращения: 11.12.2024).

Экспорт и импорт риса за январь–июнь 2021 года // Zerno.ru (ФТС). 2021 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zerno.ru/node/16022> (дата обращения: 17.08.2025).

Экспорт и импорт России по товарам и странам // Ru-Stat [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru-stat.org/> (дата обращения: 24.08.2024).

Экспорт продукции АПК России // Федеральный центр «Агроэкспорт». [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aemcx.ru/export/rusexport/> (дата обращения: 10.02.2026).

Экспорт российской сельхозпродукции в Африку в 2024 году превысил \$7 млрд – Минсельхоз // Информационное агентство «Африканская инициатива». 10.03.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://afrinz.ru/2025/03/eksport-rossijskoj-selhozprodukczii-v-afriku-v-2024-godu-prevysil-7-mlrd-minselhoz/> (дата обращения: 29.06.2025).

Экспорт ростовской продукции АПК в страны Африки в 2023 году вырос в девять раз // ТАСС. 27.07.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/18383203> (дата обращения: 12.07.2025).

Экспортеры отказываются от МТК «Север – Юг» из-за конфликта на Ближнем Востоке // Ведомости. 11.03.2026 [электронный ресурс]. – Режим

доступа:<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2026/03/11/1181949-eksporteri-otkazivayutsya-ot-mtk-sever-yug> (дата обращения: 17.03.2026).

Экспортные горизонты: куда будут поставлять российское зерно // Коммерсантъ. 19.11.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7284737> (дата обращения: 10.04.2025).

Abate T., Shiferaw B., Menkir A., Wegary D., Kebede Y., Tesfaye K., Kassie M., Bogale G., Tadesse B., Keno T. Factors that transformed maize productivity in Ethiopia // *Food Security*. – 2015. – № 7. – Pp. 965–981.

Abu Nahleh Y., Al Ali B., Al Ali H., Alzarooni S., Almulla S., Alteneiji F. The Impact of COVID-19 on Supply Chain in UAE Food Sector // *Sustainability*. 2023. Vol. 15, No. 11. Art. 8859. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2071-1050/15/11/8859> (дата обращения: 07.01.2026). DOI: 10.3390/su15118859.

Afreximbank Trade Facilitation Programme (AFTRAF) // African Export-Import Bank. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.afreximbank.com/products-services/our-key-services/trade-project-financing/trade-finance-programs/structured-trade-finance/afreximbank-trade-facilitation-programme-aftraf/> (дата обращения: 09.03.2026).

Afreximbank Trade Payment Services (AfPAY) launched // *African Export-Import Bank*. 29.09.2022. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.afreximbank.com/afreximbank-trade-payment-services-afpay-launched/> (дата обращения: 09.03.2026).

Africa Fertilizer and Soil Health Action Plan, 2024–2034. – Addis Ababa: African Union Commission, 2024. – 68 p. [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/documents/43779-doc-Action_Plan_Fertilizer_and_Soil_Health_E.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

African Economic Outlook 2022: Structural Transformation in Africa. – Abidjan: AfDB, 2022. – 248 p.

Andrae G., Beckman B. The Wheat Trap: Bread and Underdevelopment in Nigeria. – London: Zed Books, 1986. – 192 p.

Annual Report of The Performance of Central Corridor Transit Transport. 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://centralcorridor-ttfa.org/wp-content/uploads/2023/08/Central-Corridor-Transport-Observatory-Annual-Report-2022-Eng.-version.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

Bair J. Global Capitalism and Commodity Chains: Looking Back, Going Forward // *Competition & Change*. – 2005. – Vol. 9. Is. 2. – Pp. 153–180.

Capello R. Spatial Economic Analysis of Telecommunication Network Externalities. – Aldershot: Avebury, 1994. – 318 p.

Cargill to halt grain loadings at its Russian export terminal // Reuters. 29.03.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/markets/commodities/cargill-plans-halt-grain-export-activities-russia-2023-03-29/> (дата обращения: 17.06.2025).

Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. – Jena: Gustav Fisher, 1933. – 331 s.

Coe N.M., Yeung H.W.-C. Global Production Networks: Theorizing Economic Development in an Interconnected World. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 267 p.

Crops and livestock products: Africa, 2000–2023 // FAO. 2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL> (дата обращения: 17.08.2025).

Czamanski S., Ablas L. Identification of Industrial Clusters and Complexes: A Comparison of Methods and Findings // *Urban Studies*. – 1979. – Vol. 16. – Pp. 61–80.

Dakar Declaration on Food Sovereignty and Resilience (Dakar 2 Summit, Dakar, 25–27 Jan. 2023) [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.afdb.org/sites/default/files/2023/01/27/dakar_ii_declaration_food_sovereignty_and_resilience_.pdf (дата обращения: 29.06.2025).

Declaration on Agriculture and Food Security in Africa (Assembly / AU / Decl. 7 (II)). 2003 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archives.au.int/handle/123456789/333> (дата обращения: 29.06.2025).

Dijkink B., Broeze J., Vollebregt M. Hermetic Bags for the Storage of Maize: Perspectives on Economics, Food Security and Greenhouse Gas Emissions in Different Sub-Saharan African Countries // *Frontiers in Sustainable Food Systems*. 2022. Vol. 6.

ECA Facilitates Significant Step Forward for the LAPSSSET Corridor Development Programme, 2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uneca.org/stories/eca-facilitates-significant-step-forward-for-the-lapsset-corridor-development-programme> (дата обращения: 05.04.2025).

Egypt's GASC says changed wheat payment terms for tender // *Ahram Online* (Reuters). 23.12.2015. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://english.ahram.org.eg/News/177228.aspx> (дата обращения: 09.03.2026).

Egypt's Suez Canal offers 15% discount for big container ships to win back trade // *Reuters*. 13.05.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/africa/egypts-suez-canal-offers-15-rebate-container-ships-130000-tons-or-more-2025-05-13/> (дата обращения: 31.08.2025).

Exclusive – Egypt buys nearly half a million tons of Russian wheat in private deal // *Reuters*; reproduced by *Investing.com*. 04.09.2023. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.investing.com/news/commodities-news/exclusiveegypt-buys-nearly-half-a-million-tons-of-russian-wheat-in-private-deal-3166702> (дата обращения: 09.03.2026).

Feed Africa: Strategy for Agricultural Transformation in Africa 2016–2025. 2016 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://taat-africa.org/wp-content/uploads/2019/01/Feed_Africa_-_Strategy_for_Agricultural_Transformation_in_Africa_2016-2025.pdf (дата обращения: 29.03.2025).

Focus: Russia expands Baltic ports as it eyes new grain markets// *Reuters*. 30.09.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/markets/commodities/russia-expands-baltic-ports-it-eyes-new-grain-markets-2024-09-26/> (дата обращения: 26.03.2026).

Gereffi G. The Organization of Buyer-Driven Global Commodity Chains: How U.S. Retailers Shape Overseas Production Networks // *Commodity Chains and Global*

Capitalism / Ed. by G. Gereffi, M. Korzeniewicz. – Westport: Praeger, 1994. – Pp. 95–122.

Global Hunger Index 2023: The Power of Youth in Shaping Food Systems [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.globalhungerindex.org/pdf/en/2023.pdf> (дата обращения: 28.06.2025).

Guidelines for Inclusive Agricultural Value Chains Development in Africa // African Union. 2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/documents/43785-doc-Guidelines_for_inclusive_Agricultural_value_chains_development_in_Africa.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

Heckscher E. The Effect of Foreign Trade on the Distribution of Income // Ekonomisk Tidskrift. – 1919. – Vol. 21. – Pp. 497–512.

Henderson J., Dicken P., Hess M., Coe N., Yeung H.W.-C. Global Production Networks and the Analysis of Economic Development // Review of International Political Economy. – 2002. – Vol. 9. № 3. – Pp. 436–464.

Hettne B. Globalization and the New Regionalism: The Second Great Transformation // Globalism and the New Regionalism / Eds. Hettne B., Inotai A., Sunkel O. – London: Palgrave Macmillan, 1999. – Pp. 1–24.

Hirschman A.O. The Strategy of Economic Development. – New Haven: Yale University Press, 1958. – 217 p.

Holding of the Nacala Port Inauguration Ceremony: Expectations for enhanced connectivity between Mozambique and neighboring countries, improved logistics, and economic impacts // Japan International Cooperation Agency. 23.10.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.jica.go.jp/english/information/press/2023/20231023_41.html (дата обращения: 31.08.2025).

How it works // *Pan-African Payment and Settlement System (PAPSS)*. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://papss.com/how-it-works/> (дата обращения: 09.03.2026).

Howe E. Simple industrial complexes // *Papers in Regional Science*. – 1991. – Vol. 70. – Pp. 71–80.

India signs 10-year pact to operate Chabahar Port // Reuters. 13.05.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/india/india-sign-10-year-pact-with-iran-chabahar-port-management-et-reports-2024-05-13/> (дата обращения: 31.08.2025).

Johnson Ch. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. – Stanford: Stanford University Press, 1982. – 393 p.

Krugman P. *Geography and Trade*. – Leuven: Leuven University Press; Cambridge: The MIT Press, 1991. – 156 p.

Latham W. Needless complexity in the identification of industrial complexes // *Journal of Regional Science*. – 1976. – Vol. 16. – Pp. 45–55.

Launhardt W. *Die Theorie der Tarifbildung der Transportwesen*. – Leipzig: W. Engelmann, 1885. – 358 s.

Maersk redistributes vessel fuel to ensure supplies, as Iran war disrupts flows // Reuters. 11.03.2026 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/business/energy/maersk-redistributing-ship-fuel-ensure-supplies-iran-war-disrupts-supply-2026-03-11/> (дата обращения: 17.03.2026).

Mycotoxins – Fact sheet // World Health Organization. 02.10.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mycotoxins> (дата обращения: 18.08.2025).

Myrdal G. *Economic Theory and Under-Developed Regions*. – London: Duckworth, 1957. – 224 p.

Nacala Road Corridor Development Project. Phase IV (Zambia): Project Completion Report 2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.afdb.org/sites/default/files/documents/projects-and-operations/multinational_-_pcr_nacala_road_corridor_development_eng.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

Njoku I.K. African Biodiversity Loss: Food Insecurity and the Rising Risk to Human Security: Analysis Report. – Addis Ababa: Institute for Peace and Security Studies (IPSS), 2025. – 23 p.

OECD–FAO Agricultural Outlook 2024–2033. 2024 с. – Режим доступа: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/4c5d2cfb-en.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).

Ohlin B.G. Inter-regional and International Trade. – Cambridge: Harvard University Press, 1933. – 617 p.

Olariu R.M., Fiț N.I., Bouari C.M., Nadăș G.C. Mycotoxins in Broiler Production: Impacts on Growth, Immunity, Vaccine Efficacy, and Food Safety // Toxins. – 2025. – Vol. 17. № 6. – Art. № 261.

Ongoma V., Brouziyne Y., Bouras E. H., Chehbouni A. Closing yield gap for sustainable food security in sub-Saharan Africa - progress, challenges, and opportunities // Frontiers in Agronomy. – 2025. – Vol. 7.

Our services (rail & port integration) // Nacala Logistics (CLN/CEAR) [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nacalalogistics.com/en/our-services/> (дата обращения: 31.08.2025).

Paarlberg R.L. Food as an Instrument of Foreign Policy // Proceedings of the Academy of Political Science. – 1982. – Vol. 34. № 3. – Pp. 25–39.

Pakistan, Russia ink barter deal to boost agri trade // DAWN. 02.10.2024. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dawn.com/news/1862527> (дата обращения: 09.03.2026).

Pallis T., Notteboom T., Rodrigue J-P. Regional analysis of Liner Shipping Connectivity: What does the revised LSCI reveal? // UNCTAD Transport and Trade Facilitation. – 2024. – Newsletter № 101. – Art. № 117.

Pan-African Payment and Settlement System (PAPSS). About Us [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://papss.com/about-us/> (дата обращения: 17.08.2025).

Perroux F. Economic space: theory and applications // The Quarterly Journal of Economics. – 1950. – Vol. 64. – Pp. 89–104.

Perroux F. L'économie du XXe siècle. – Paris: Presses Universitaires de France, 1961. – 598 p.

Porter M. Location, Clusters, and the «New» Microeconomics of Competition // Business Economics. – 1998. – Vol. 33. № 1. – Pp. 7–13.

Putin calls for vigorous shift to national currencies, including ruble, with Africa // ТАСС. 27.07.2023. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.com/economy/1652803> (дата обращения: 09.03.2026).

Putin signs decree on payments for agricultural products in national currencies // Interfax. 08.08.2023. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/93391/> (дата обращения: 09.03.2026).

Ratzel F. Politische Geographie. – Osnabrück: Zeller, 1974. – 626 s.

Reardon T., Echeverría R., Berdegú J. et al. The Processed food revolution in African food systems and the Double Burden of Malnutrition // Global Food Security. – 2021. – Vol. 28. – Art. № 100466.

Report of the 32nd Session of the FAO Regional Conference for Africa (Malabo, Equatorial Guinea, 11–14 Apr. 2022) [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/e8bf199c-e0b2-4d20-89ad-e96660675c0b/content> (дата обращения: 29.06.2025).

Reuters. Egypt defers payments for wheat imports amid dollar crunch // Al Jazeera. 26.05.2023. [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/news/2023/5/26/egypt-defers-payments-for-wheat-imports-amid-dollar-crunch> (дата обращения: 12.03.2026).

Review of Maritime Transport 2023: Towards a green and just transition [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2023_en.pdf (дата обращения: 12.07.2025).

Rodrigue J.-P. The Geography of Transport Systems. – London: Routledge, 2020. – 352 p.

Russia, Africa continue to lower trade barriers, increase share of settlements in rubles – Lavrov // Interfax. 22.12.2025. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/115394/> (дата обращения: 09.03.2026).

Russia – Africa Cooperation: Outlook and Objectives: Valdai Discussion Club Report. 2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://valdaiclub.com/files/45111/> (дата обращения: 12.07.2025).

Russia and Iran sign rail deal for corridor intended to rival Suez Canal (Rasht–Astara) // Reuters. 17.05.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/russias-putin-irans-raisi-oversee-railway-deal-signing-2023-05-17/> (дата обращения: 31.08.2025).

Russia expands Baltic ports as it eyes new grain markets // Reuters. 30.09.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/markets/commodities/russia-expands-baltic-ports-it-eyes-new-grain-markets-2024-09-26/> (дата обращения: 05.05.2025).

Russia introduces mechanism for national currency payments for agricultural export // Interfax. 01.11.2023. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/96042/> (дата обращения: 09.03.2026).

Russia: Navy escorts shadow fleet tankers in the Baltic Sea and the Black Sea // Table.media. 26.03.2026 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://table.media/en/security/news-en/russia-navy-escorts-shadow-fleet-tankers-in-the-baltic-sea-and-the-black-sea> (дата обращения: 30.03.2026).

Russia says food and fertiliser sanctions must be lifted for Black Sea deal // Reuters. 25.03.2025. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/europe/russia-has-agreed-ensure-safe-navigation-black-sea-kremlin-says-2025-03-25/> (дата обращения: 09.03.2026).

Russia says it shipped 200,000 tonnes of free grain to six African countries // Reuters. 20.02.2024. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/markets/commodities/russia-says-it-shipped-200000-tonnes-free-grain-six-african-countries-2024-02-20/> (дата обращения: 09.03.2026).

Russia Ships First Grain from New Baltic Terminal // MarineLink. 17.07.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.marinelink.com/news/russia-ships-first-grain-new-baltic-515265> (дата обращения: 31.08.2025).

Russia Signed Over 750 Food Export Contracts in National Currencies in 2023 – Moscow // Sputnik. 14.06.2023. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnikglobe.com/20230614/russia-signed-over-750-food-export-contracts-in-national-currencies-in-2023---moscow-1111132518.html> (дата обращения: 09.03.2026).

Russia to Launch New Shipping Line to Boost Trade with Africa, Including Grain from Occupied Ukraine // Trends'n'africa. 28.04.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trendsnafrica.com/russia-to-launch-new-shipping-line-to-boost-trade-with-africa-including-grain-from-occupied-ukraine/> (дата обращения: 05.05.2025).

Russian Embassy announced presence of Russians on cargo ship detained in Sweden // Iz.ru. 07.03.2026 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://en.iz.ru/en/2055400/2026-03-07/russian-embassy-announced-presence-russians-cargo-ship-detained-sweden> (дата обращения: 30.03.2026).

Russian food supplies to Kenya soar by 80% year-on-year in 2022 – Agroexport // TASS. 16.02.2023 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.com/economy/1577385> (дата обращения: 17.08.2025).

Russian government approves range of agricultural goods which can be exported with settlement in rubles // Interfax. 27.10.2023. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/95926/> (дата обращения: 09.03.2026).

Russian wheat is Kenya's fastest-growing import in H1 // Business Insider Africa. 2024 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://africa.businessinsider.com/local/markets/russian-wheat-tops-kenyas-fastest-growing-imports/swc40jy> (дата обращения: 16.08.2025).

Russia's grain exports: A look at main terminals and planned expansions // Reuters. 26.09.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/markets/commodities/russias-seaborne-grain-exports-look-main-terminals-planned-expansions-2024-09-26/> (дата обращения: 31.08.2025).

Russia's seaborne grain exports: A look at main terminals and planned expansions // Reuters. 26.09.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/markets/commodities/russias-seaborne-grain-exports-look-main-terminals-planned-expansions-2024-09-26/> (дата обращения: 09.03.2026).

Russia's Ust-Luga port takes new damage in Ukraine drone attack // Bloomberg. 29.03.2026 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-03-29/russia-s-ust-luga-port-takes-new-damage-in-ukraine-drone-attack> (дата обращения: 30.03.2026).

Sanchez P.A. Soil fertility and hunger in Africa // Science. – 2002. – Vol. 295. № 5562. – Pp. 2019–2020.

Sea-distances.org [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sea-distances.org/> (дата обращения: 18.03.2026).

SeaRates. Distance & Time] / SeaRates. [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.searates.com/distance-time/> (дата обращения: 18.03.2026).

Shipping between Red Sea and Europe & North Africa? A Contingency Surcharge (CSU) is coming up // Harpag-Lloyd. 02.03.2026. [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.harpag-lloyd.com/pt/services-information/news/2026/03/shipping-between-red-sea-and-north-europe--mediterranean-sea-and.html> (дата обращения: 19.03.2026).

Shipping companies divert vessels around Cape of Good Hope after strikes on Iran // Reuters. 01.03.2026 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/middle-east/maersk-pauses-sailings-through-suez-canal-bab-el-mandeb-strait-citing-escalating-2026-03-01/> (дата обращения: 17.03.2026).

South–South in Action – South–South and triangular cooperation in agricultural development: FAO's experience. 2022 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unsouthsouth.org/wp-content/uploads/2022/08/FAO-South-South-and-triangular-cooperation-in-agricultural-development-2022.pdf> (дата обращения: 11.04.2025).

Sweden detains crew member of Russian shadow fleet ship // The Straits Times. 08.03.2026 [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.straitstimes.com/world/europe/sweden-detains-crew-member-of-russian-shadow-fleet-ship> (дата обращения: 30.03.2026).

Taneja N., Joshi S., Dua S., Siddiqui A. Why INSTC is More Important than Ever for India // ICRIER Policy Brief 24. – 2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://icrier.org/pdf/Policy_Brief_24.pdf (дата обращения: 31.08.2025).

Tanzania Imports from Russia of Wheat and Meslin // Trading Economics. 2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tradingeconomics.com/tanzania/imports/russia/wheat-meslin> (дата обращения: 16.08.2025).

Tanzania Launches SGR Cargo Services // Central Corridor TTFA. 26.06.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://centralcorridor-ttfa.org/tanzania-launches-sgr-cargo-services/> (дата обращения: 31.08.2025).

The African Continental Free Trade Area: The Day after the Kigali Summit // UNCTAD Policy Brief. – 2018. – № 67 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/presspb2018d4_en.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

The future of food and agriculture – Drivers and triggers for transformation // Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2022 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fao.org/fsnforum/resources/reports-and-briefs/future-food-and-agriculture-drivers-and-triggers-transformation> (дата обращения: 17.08.2025).

The incredible £20 billion mega-project that will change Africa forever // Express.co.uk. 07.06.2006 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.express.co.uk/news/world/2006007/africa-mega-project-ethiopia-sudan> (дата обращения: 05.05.2025).

The New Bulk Grain Terminal at Nacala Port // Steinweg [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.steinweg.com/news/the-new-bulk-grain-terminal-at-nacala-port/> (дата обращения: 31.08.2025).

The State of Agricultural Commodity Markets 2022. The geography of food and agricultural trade: Policy approaches for sustainable development [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fao.org/3/cc0471en/cc0471en.pdf> (дата обращения: 12.07.2025).

The State of Food Security and Nutrition in the World 2019: Safeguarding against economic slowdowns and downturns [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/publications/m/item/state-of-food-security-and-nutrition-in-the-world-2019> (дата обращения: 18.06.2025).

The State of Food Security and Nutrition in the World 2024: Financing to end hunger, food insecurity and malnutrition in all its forms. Rome, 2024. [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://data.unicef.org/wp-content/uploads/2024/07/SOFI2024_Report_EN_web.pdf (дата обращения: 02.01.2026). DOI: 10.4060/cd1254en.

The State of Food Security and Nutrition in the World 2025: Addressing high food price inflation for food security and nutrition. Rome, 2025. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.unicef.org/wp-content/uploads/2025/08/SOFI-Report-2025.pdf> (дата обращения: 02.01.2026). DOI: 10.4060/cd6008en.

Tinbergen J. Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy. – New York: The Twentieth Century Fund, 1962. – 330 p.

Towards Food Security and Sovereignty in Africa: RBA Working Paper. – 2022 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-09/Towards%20Food%20Security%20and%20Sovereignty%20in%20Africa.pdf> (дата обращения: 29.06.2025).

Vardomsky L.B. International Transport Corridors in the Context of Developing Russia's Transit Potential // Regional Research of Russia. – 2023. – Vol. 13. № 1. – Pp. 65–76.

Webinar on the impact of shipping disruptions on trade in Africa // UN Trade and Development (UNCTAD). 30.04.2024. [электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://unctad.org/meeting/webinar-impact-shipping-disruptions-trade-africa> (дата обращения: 09.03.2026).

World Bank. Is Post-Harvest Loss Significant in Sub-Saharan Africa? Evidence and implications [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/africa-myths-and-facts/publication/is-post-harvest-loss-significant-in-sub-saharan-africa> (дата обращения: 18.08.2025).

World Economic Forum. How Africa's new Free Trade Area will turbocharge the continent's agriculture industry. 2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/stories/2023/03/how-africa-s-free-trade-area-will-turbocharge-the-continent-s-agriculture-industry/> (дата обращения: 11.05.2025).

World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_en.pdf (дата обращения: 28.05.2025).

World Urbanization Prospects: The 2018 Revision // United Nations Population Division [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://population.un.org/wup/assets/WUP2018-Report.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).

You L.Z. Irrigation Investment Needs in Sub-Saharan Africa // Africa Infrastructure Country Diagnostic. – 2008. – Background Paper 9. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eu-africa-infrastructure-tf.net/attachments/library/aicd-background-paper-9-irrig-invest-summary-en.pdf> (дата обращения: 29.06.2025).